

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ.

Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц.

Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста.

Оказание практической помощи в работе с персоналом.

Социально-психологический тренинг делового и личностного общения.

Проведение судебно-психологической экспертизы.

Индивидуальный подход и конфиденциальность.

Телефон в Рязани: 8 903 839 65 94

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

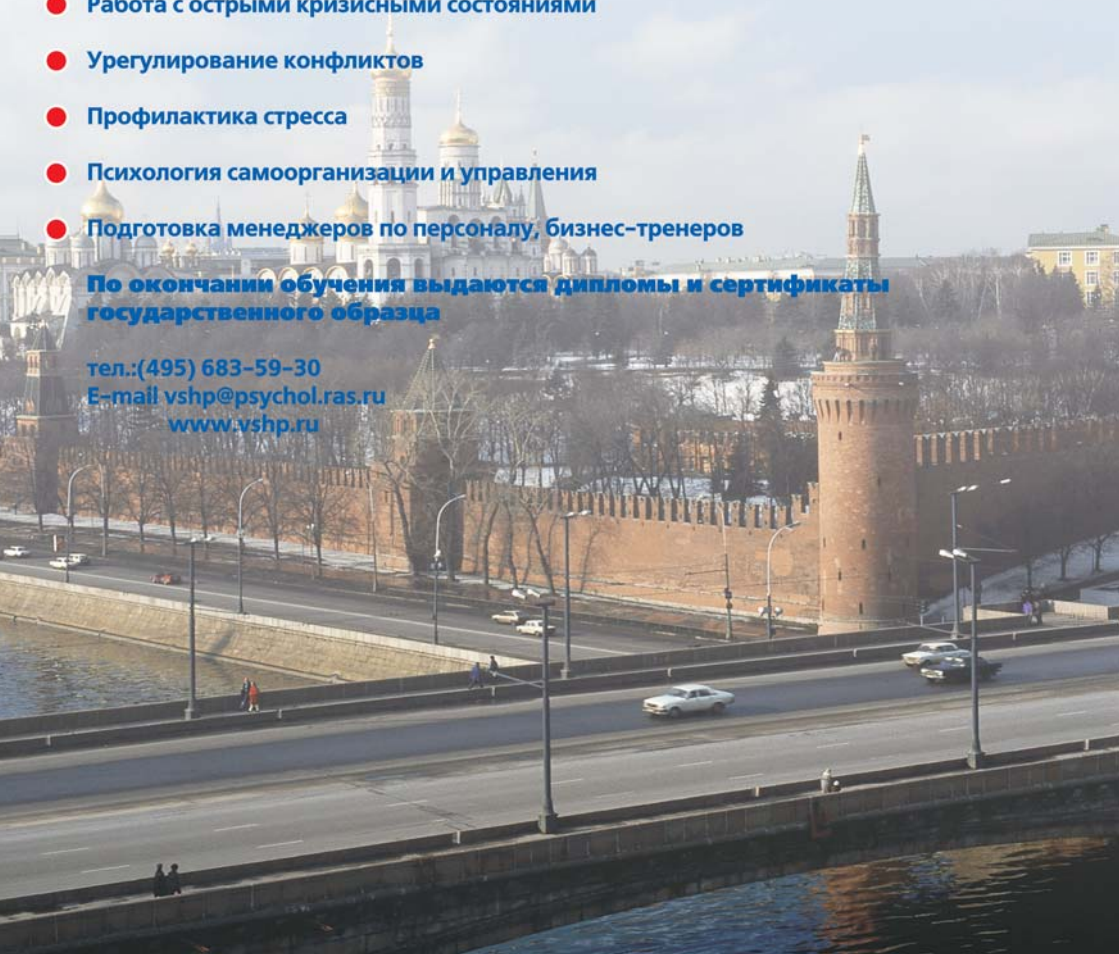
Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому
консультированию и психотерапии
От 72 часов:

- **Экспресс-диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний (в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров**

По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты государственного образца

тел.:(495) 683-59-30
E-mail vsnp@psychol.ras.ru
www.vsnp.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –
Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань

Зам. главного редактора –
Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора –
И. В. Блиникова,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора –
Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Ответственный секретарь –
Е. А. Щелкушкина,
кандидат психологических наук,
Рязань

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

С. К. Бондырева, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. Л. Журавлев, член-корреспондент
РАН, доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. В. Датий, доктор медицинских наук,
Республика Молдова

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

А. А. Крымов, кандидат юридических
наук, доцент, Рязань

М. И. Марьин, доктор психологических
наук, профессор, Москва

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук,
Липецк

Н. Н. Нечаев, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. Н. Пастушениа,
доктор психологических наук,
профессор, Республика Беларусь

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор, Москва

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук,
Рязань

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор, Санкт-Петербург

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань

ТЕМА НОМЕРА:

личность и преодоление трудных жизненных ситуаций

жизненные ситуации

Любое решение
это ошибка

Жизнь имеет только тот смысл
который мы ей придаем

психологическое просвещение

самосовершенство вание

Включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени доктора и кандидата наук

Дорогие читатели!
Настоящий выпуск журнала «Прикладная юридическая психология» посвящен таким важным проблемам, как преодоление трудных жизненных ситуаций и анализ стратегий совладания, формирование антиманипулятивного поведения сотрудников ФСИН России,

профилактике наркотической зависимости и др.

Выпуск открывает статья, посвященная 90-летию со дня рождения Л.И. Анцыферовой, в которой освещены ключевые моменты исследования стратегий совладания. Продолжением данной темы является исследование феномена жизненной стратегии несовершеннолетних осужденных. Формирование адекватной жизненной стратегии требует комплексного подхода, учета личностных, криминально значимых, психолого-педагогических и средовых условий и факторов.

Эффективным способом формирования положительного отношения к окружающим, профилактике совершения и рецидивов насильственных преступлений является этнофункциональный подход, использующий образы русской природы и фольклора. Другим направлением формирования стратегий совладающего поведения выступают разработка и проведение тренингов антиманипулятивного поведения в рамках Концепции субъектно-соучаствующего исправления осужденных.

Знание особенностей эмоциональной сферы человека, внешних и внутренних факторов, влияющих на нее, открывает дополнительные возможности поиска и формирования стратегий совладания с жизненными трудностями и овладения способами управления эмоциональными состояниями (в том числе с целью обучения).

Можно утверждать, что выбор стратегии преодоления жизненных трудностей обусловлен лич-

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

психопрактики

**в помощь
руководителю**

**медицинская
психология
в юридической
деятельности**

ностными особенностями, эмоциональным состоянием, уровнем психотравмирующего воздействия трудных ситуаций и межпоколенческого травматизма, качеством жизни, психическим здоровьем и др. Ответы на вопросы, поставленные в статьях номера, требуют привлечения профессионалов различных направлений и могут быть получены в рамках системного и междисциплинарного подходов. Именно с этой позиции сформирован данный выпуск нашего журнала, и мы надеемся, что он будет интересен как с теоретической, так и с прикладной точки зрения.

*Ректор Высшей школы
психологии Института
кандидат психологических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник
лаборатории познавательных процессов
и математической психологии
Института психологии
Российской академии наук
Т. Н. Савченко*

**В ПОМОЩЬ
МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ-
ИССЛЕДОВАТЕЛЮ**

**ПСИХОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ
И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ**

**ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ**

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

dura lex sed lex

ОГЛАВЛЕНИЕ

Методология и теория юридической психологии

- Личность и преодоление трудных жизненных ситуаций.
Харламенкова Н. Е. 10
- Этнофункциональный подход к анализу макропсихологических явлений (на примере асоциального поведения). **Сухарев А. В.** 19
- Формирование антиманипулятивного поведения у сотрудников ФСИН России в контексте концепции соучаствующего исправления осужденных.
Поздняков В. М., Дорошенко И. С. 30

Прикладные и экспериментальные исследования

- Теоретические подходы к проблеме жизненных стратегий условно осужденных несовершеннолетних. **Аксенова Г. И., Кожевникова Е. Н.** 39
- Психологические особенности сотрудников органов внутренних дел, склонных к противоправному поведению. **Марьин М. И., Бочкова А. А.** 47
- Программа психологического просвещения как средство профилактики наркотической зависимости осужденных. **Ганишина И. С.** 53
- Структура и детерминация группового отношения к времени в организациях.
Нестик Т. А. 61
- Особенности представлений осужденных молодежного возраста о брачно-семейных отношениях. **Красненкова С. А., Маркова И. И.** 72

Психопрактики

- Исследование ценностных оснований агрессивности. **Чудова Н. В.** 80
- Психолого-педагогическое сопровождение слушателей первоначального обучения учебных центров Федеральной службы исполнения наказаний как условие формирования профессионально-важных качеств. **Полякова Я. Н.** 87
- Эмоциональные состояния впервые осужденных в процессе отбывания наказания.
Скрипка Л. В. 98

В помощь руководителю

- Методологические подходы к проблеме психологического стресса у сотрудников исправительных учреждений и осужденных.
Бабурин С. В., Оботурова Н. С., Чирков А. М. 103
- Доверие граждан полиции как критерий управляемости организационной культуры ОВД на этапе реформирования. **Ермолаев В. В.** 112
- Как оценить деятельность воспитательных колоний.
Данилин Е. М., Давыдова Н. В., Евдокимов И. В., Махиборода Н. И. 120

Медицинская психология в юридической деятельности

- Криминологические и психологические особенности ВИЧ-инфицированных осужденных. **Датий А. В., Ковачев О. В.** 126

В помощь молодому ученому-исследователю

- К вопросу о применении математических методов при проведении психологических исследований и анализе их результатов. **Купцов М. И., Видов С. В.** 131

Психология социальных явлений и качество жизни

Обсуждение последствий терактов в интернете: состояние и перспективы исследования. **Смолина И. А., Нестик Т. А.**

137

Типологические особенности отношения к работе и отдыху как фактор эффективности труда и удовлетворенности жизнью современного профессионала. **Лузянина М. С., Кузнецова А. С.**

147

Современные зарубежные исследования поведения толпы в экстремальных ситуациях. **Касьяник П. М.**

157

Юридическая психология и религия

Самосовершенствование общения в процессе проведения религиозно-воспитательных мероприятий. **Махиборода Н. И.**

165

Наши юбиляры

Поздравляем с юбилеем главного редактора журнала «Прикладная юридическая психология» Сочивко Дмитрия Владиславовича.

170

Поздравляем с юбилеем Купцова Ивана Ивановича.

171

Dura lex sed lex

Система организации функционирования пенитенциарных учреждений полуоткрытого и открытого типа за рубежом. **Ворощук В. Б., Летунов В. Н.**

172

К вопросу об основных направлениях предупреждения преступлений, совершаемых условно осужденными. **Чистяков К. А.**

178

CONTENTS

Topic: personality and coping with difficult life situations

Methodology and theory of legal psychology

Personality and coping with difficult life situations.

Kharlamenkova N. E. 184

Ethnofunctional Approach to the Analysis of Macropsychological Phenomena (in the aspect of anti-social behavior). **Sukharev A. V.** 184

FPS employees' antimanipulative competence formation in the conception of convicts' subjective-accessory correction. **Pozdnyakov V. M., Doroshenko I. S.** 185

Applied and experimental studies

Theoretical approaches to the problem of life strategies for juvenile offenders with suspended sentence. **Aksenova G. I., Kozhevnikova E. N.** 186

Psychological peculiarities of employees of Internal Affairs Agencies inclined to offending behavior. **Marin M. I., Bochkova A. A.** 187

Psychological Education Programme as Convicts' Drug Addiction Preventive Measure. **Ganishina I. S.** 188

The structure and determination of the group attitudes toward time in organizations. **Nestik T. A.** 189

Representation of conjugal and family relations in young convicts. **Krasnenkova S. A., Markova I. I.** 190

Psychopractices

The research of values grounds of aggressiveness. **Chudova N. V.** 191

Psychological and pedagogical support of students during initial training in training centers of the Russian Federal Penitentiary Service as a condition of developing professionally important qualities. **Polyakova Y. N.** 192

Emotional states of the first time convicts during the course of serving the sentence. **Skripka L. V.** 193

To help the manager

Methodological approaches to the problem of psychological stress in correctional officers and inmates. **Baburin S. V., Oboturova N. S., Chirkov A. M.** 194

Trust of citizens to police as criteria of managing ability of organizational culture of the internal affairs agency during the stage of reformation. **Ermolaev V. V.** 195

How to estimate juvenile colonies activity. **Danilin E. M., Davydova N. V., Evdokimov I. V., Makhboroda N. I.** 196

Medical psychology in legal activities

Criminological and psychological features of the HIV infected convicts. **Datii A. V., Kovachev O. V.** 197

To help the young scientist-researcher

On the Question of Mathematical Methods Usage in Psychological Research and Results Analysis. **Kuptsov M. I., Vidov S. V.** 197

Psychology of social events and the quality of life

Discussion of the consequences of terrorists' attacks on the internet: current state and future directions of studies. **Smolina I. A., Nestik T. A.** 198

Typology of attitude to work and leisure as a factor in work efficiency and life satisfaction of modern professionals. **Luzianina M. S., Kuznetsova A. S.** 199

Modern foreign researches of emergency crowd behavior. **Kasyanik P. M.** 200

Legal psychology and religion

Communication self-improvement in the course of religious and educational actions. **Makhboroda N. I.** 201

Dura lex sed lex

The organization and functioning system of foreign penitentiary institutions of half-open and open types. **Voroshchuk V. B., Letunov V. N.** 201

Main trends of probationers' crime prevention revisited. **Chistyakov K. A.** 202

Посвящается 90-летию со дня рождения
Людмилы Ивановны Анцыферовой

ЛИЧНОСТЬ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРУДНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ

Н. Е. Харламенкова

Аннотация: в статье, посвященной 90-летию со дня рождения Л.И. Анцыферовой, — известного ученого, занимавшегося вопросами методологии и теории психологии, проводится анализ работ, посвященных общим вопросам психологии — методологическим принципам психологии и динамической теории личности, а также такой важной проблеме, как совладание человека с трудными жизненными ситуациями. Показано, что стратегии преодоления жизненных трудностей определяются личностными особенностями и уровнем психотравмирующего воздействия трудных ситуаций; формулируется положение об активности и действенной позиции самого человека в преодолении трудностей. Выделяются различные по степени психотравматизации жизненные ситуации — повседневные неприятности, негативные события, связанные с возрастными изменениями, непредвиденные события; анализируются различные стратегии совладания с трудностями — преобразующие стратегии, приемы приспособления, стратегии «борьбы с эмоциональными нарушениями» и др. Обсуждается проблема преодоления трудных ситуаций в пожилом возрасте и в старости; вводится понятие «мудрость».

Исследования Анцыферовой рассматриваются с точки зрения их влияния на современные тенденции в психологии; подчеркивается единство взгля-

дов на проблему совладания, представленных в работах Анцыферовой и трудах современных авторов. Кроме того, приводятся новые данные о влиянии на человека стрессоров высокой интенсивности. Анализируются конкретные исследования, посвященные особенностям совладания с трудностями у людей с выраженными признаками посттравматического стресса, а также работы, направленные на анализ проблемы террористической угрозы, сопоставление угрозы и опасности, на анализ проблемы межпоколенческого травматизма.

Ключевые слова: методологические принципы психологии, динамическая теория личности, трудные жизненные ситуации, стратегии совладания, стрессоры высокой интенсивности, посттравматический стресс, угроза и опасность.

Среди работ выдающихся методологов отечественной психологии исследования Людмилы Ивановны Анцыферовой (1924–2013) занимают особое место. Начиная свою научную карьеру с изучения элементарного наглядно-действенного мышления высших животных, она уже в этот период своей исследовательской деятельности использовала приемы анализа эмпирических результатов, выходя при этом на высокий уровень теоретического обобщения. В 1994 г. в интервью журналу «Во-

просы психологии», данном по случаю своего 70-летнего юбилея, она призналась: «...изучая шаг за шагом аналитико-синтетическую деятельность животных в наглядных ситуациях, я впервые по-настоящему поняла, что такое мышление и каковы механизмы его функционирования» [16, с. 154].

Как одна из учениц С.Л. Рубинштейна, Анцыферова занималась не только *проблемами мышления*, но и вопросами *психологии личности* и в целом методологическими основаниями психологической науки. В разные годы, особенно в конце 1960-х — начале 1970-х гг. она обращается к проблеме психического развития человека, анализирует закономерности исторического развития человеческого психики, сознания, обсуждает проблему активности ребенка и взрослого в процессе взаимодействия со средой, рассматривает понимание психической деятельности как рефлекторной аналитико-синтетической деятельности мозга, выделяет роль внутренних факторов развития (мотивации, потребностей, эмоций). Перечисленные проблемы фактически стали классическими для психологической науки. Современные психологи в самых разных формах возвращаются к их разработке [22, 28–30].

Фундаментальным исследованием Анцыферовой стало детальное и глубокое обсуждение проблемы связи *сознания и деятельности* [1]. Критически осмысливая пути ее решения, она пишет, что недостаточность разработки этой проблемы вызвана тем, что в философии человек выступает как *субъект познания* и не рассматривается как *субъект практической и теоретической деятельности*. Острота проблемы связи психики и деятельности возникла вслед-

ствие того, что психика часто трактовалась как нечто внутреннее, а деятельность — как внешнее. На самом деле, указывает исследователь, психика составляет интегральную часть деятельности, а деятельность является той системой, которая регулируется психикой, ведь «психика и сознание представляют собой побудительную, регулирующую, ориентирующую и контролирующую часть деятельности... сама созидательная деятельность есть единство психического, отражательно-побудительного (внутреннего) и исполнительного (внешнего)» [1, с. 64].

Не останавливаясь на проблеме соотношения психики и деятельности, как таковых, и основываясь на представлениях Рубинштейна о человеке как субъекте практической и теоретической деятельности, Анцыферова указывает на то, что центром психологического исследования должна стать не сама по себе психика, а *деятельный человек* и включение психики в исходную *систему его связей* с окружающим миром. Это было и остается созвучным методологии комплексного человекознания, которая разрабатывалась одним из основателей ленинградской психологической школы Б.Г. Ананьевым, в представлениях которого именно человек является главным предметом познания. Эти представления Б.Г. Ананьева, Л.И. Анцыферовой, С.Л. Рубинштейна и других ученых о месте человека, наделенного психикой, в современном мире и роли его связей с этим миром активно развиваются в настоящее время в психологических исследованиях Института психологии РАН и многих других научных центров [17, 20, 21].

Идеи о деятельном человеке постепенно становятся основой разработки Анцыферовой *динамического подхода* к исследованию личности, четко сформулировавшегося к началу 1980-х гг. Раскрывая сущность динамического подхода к психологическому изучению личности, Анцыферова указывает на то, что личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой, выхода за свои пределы, и утверждает, что сохранение устойчивости и интегративности личности, связано с ее перманентным изменением, с осуществлением личностного роста [2]. До настоящего времени развитие динамического подхода к исследованию личности, а шире — к изучению психологии человека, является одной из основных тенденций развития психологических исследований в Институте психологии РАН [13, 14].

Преимущество процессуально-динамического подхода к личности состоит в том, что внимание исследователя сосредоточивается на изучении *реальных отношений личности с миром*, на что специально указывал в своих работах Рубинштейн, и на ее поступательном развитии при условии наличия у личности чувствительности к своим возможностям, рефлексивного отношения к себе и творческого отношения к прошлому, настоящему и будущему. Такой же позиции придерживался известный немецкий психолог Ханс Томе, научному творчеству которого Анцыферова посвятила отдельную работу [5].

Х. Томе подчеркивал, что «исследуемые проблемы должны быть укоренены в мире реальных феноменов человеческой жизни» [5, с. 162]. Одним из острых переживаний этой реальности, по мнению Томе, являются *переживания жиз-*

ненных трудностей, которые становятся характеристикой не столько деятельного, сколько *страдающего* человека.

Последующее знакомство Анцыферовой с работами Томе открывает перспективы исследования того, как человек преодолевает те или иные жизненные трудности, в том числе связанные с определенным возрастом; возникает интерес к геронтологическим исследованиям [3, 6]. Как и в предыдущие годы, видна открытость исследователя новым фактам, увлеченность новыми идеями, которые из отдельных и нередко беглых высказываний постепенно вырастают в самостоятельные исследования [32]. Обращение к проблеме жизненных трудностей, к примерам деформации личностного развития, тем не менее, не трансформирует общий взгляд на *личность как на субъекта*, способного к преодолению, преобразованию, переосмыслению возникших обстоятельств [3, 4, 7]. Все интенсивнее эксплицируется представление о вариантах жизненных выборов, о разных стратегиях совладания с трудностями, о том, что своевременность действий и поступков человека следует трактовать как одно из проявлений его мудрости. Кроме того, подчеркивается важность эффективной саморегуляции и социальной поддержки, необходимость обращения человека за помощью. Однако все это не меняет главной мысли автора об *активности и ответственной позиции* самого человека, о том, что «лишь сам субъект в силах изменить свою индивидуальную «теорию», сделать ее более реалистичной, переосмыслить выпавшее на его долю несчастье как неотъемлемую часть жизни, а не как незаслуженное наказание судьбы» [4, с. 7]. В настоящее время эти идеи

Анцыферовой реализуются и развиваются в научных направлениях исследования адаптации человека к профессиональной деятельности [10, 19] и изменяющейся социально-экономической среде [15, 19], эмоционального выгорания и совладающего поведения [23, 24], психологической безопасности человека [18] и др.

Разнообразие обсуждаемых стратегий совладания с трудностями нередко препятствует их систематизации и классификации, если не пытаться выделить *критерии обобщения* этих стратегий. По мнению Анцыферовой, выбираемые человеком «техники» жизни обусловлены личностными особенностями и уровнем психотравмирующего воздействия трудных ситуаций [4]. Она отмечает, что серьезный методологический просчет исследований совладания человека с трудными жизненными ситуациями видится в упрощенном понимании таких ситуаций как обстоятельств, требующих от субъекта действий, превосходящих адаптивные возможности человека.

На самом деле важно учитывать не столько саму по себе ситуацию, сколько то, какую она представляет для человека *значимость, ценность*. Нередко оказывается, что одна и та же ситуация воспринимается и переживается людьми по-разному и поэтому может различаться степенью воспринимаемой угрозы. По мнению Анцыферовой, «чем более значительное место в смысловой сфере личности занимает находящийся в опасности объект и чем более интенсивно воспринимается личностью угроза, тем выше мотивационный потенциал совладания с возникшей трудностью» [4, с. 5]. Этот вывод вполне согласуется с результатами современных исследо-

ваний. Например, по мнению Н.В. Тарабриной и Ю.В. Быховец [11, 26], нужно различать реальную и субъективно переживаемую угрозу. При отсутствии реальной угрозы наличие у человека интенсивного переживания определяется субъективно-личностной переработкой информации, доступность которой обеспечивают определенные каналы (СМИ, межличностное общение и др.). Так, оказалось, что высокий уровень переживания террористической угрозы жителями Забайкалья по сравнению с москвичами и жителями Чеченской республики (ЧР) верифицирует гипотезу о том, что для возникновения негативных переживаний опасности не важно наличие или отсутствие реальной угрозы. В исследовании проводится дифференциация понятий «угроза» и «опасность». Угроза определяется авторами как «возможная опасность», крайняя степень опасности. Учитывая эти разграничения, авторы считают, что жители ЧР и Москвы переживают террористическую угрозу, а жители Забайкалья — опасность терактов [11, с. 143].

Продолжая тему субъективного восприятия опасности и интенсивности ее переживания, следует остановиться на важном вопросе об интенсивности воздействия стрессора и степени переживания этого воздействия. Разумно в связи с этим выделить особую группу стрессоров, которые так и называются — стрессоры высокой интенсивности, или травмирующие события. Их воздействие отличается от влияния других стрессоров тем, что человек, во-первых, сталкивается с такими обстоятельствами жизни, которые связаны со смертью или угрозой смерти, или с угрозой серьезных повреждений, физической целостности

других людей, и, во-вторых, испытывает интенсивный страх, беспомощность или ужас [25]. Одним из психологических последствий воздействия травмирующих событий является *посттравматический стресс* (Н.В. Тарабрина), наличие которого не всегда подтверждает сформулированную выше закономерность: чем интенсивнее угроза, тем выше мотивационный потенциал совладания с ней. Отсутствие линейной зависимости между интенсивностью воздействия, его восприятием и переживанием субъектом, а также мотивацией совладания с ним подчеркивает важность и сложность проблемы «личность в трудных жизненных условиях», которая активно разрабатывалась Л.И. Анцыферовой. Важно отметить, что все это находит свое продолжение в целом ряде крупных современных исследований [18, 19, 23, 24].

Другой стороной рассматриваемой проблемы является вопрос о методах выявления жизненных трудностей и диагностики приемов и способов преодоления, совладания или избегания негативных жизненных событий. Ссылаясь на работы Томе, Анцыферова выделяет *психобиографический метод*, который «позволяет полнее раскрыть детерминацию ответа индивида на трудную ситуацию» [4, с. 4]. Кроме того, с помощью психобиографического метода частично может быть решена проблема фрагментарности подхода к исследованию трудных ситуаций, на которую указывала Анцыферова. Особенно важно учитывать целостность событий жизни при исследовании людей пожилого возраста, ведь для них может быть характерно наличие в анамнезе множественной травматизации, вызванной криминальными событиями, природными катастрофами, семей-

ными проблемами, ситуациями физического и сексуального насилия и др. Кумулятивный эффект множественной травматизации способен значительно усилить посттравматическую симптоматику и приводить к состояниям, осложненным коморбидными личностными, диссоциативными и соматическими расстройствами. Как правило, именно у пожилых людей такая картина наблюдается чаще, чем у молодых.

Одним из современных методов, используемых для выявления картины травматических событий, является *Опросник травматических ситуаций* (Life Experience Questionnaire — LEQ), который содержит разные потенциально травмирующие ситуации [25] и в какой-то степени может считаться вариантом психобиографического метода. При более развернутой беседе интервьюер способен получить от респондента информацию о принципах и приемах совладания с различными проблемами, а также выявить интенсивность влияния стрессора на актуальное состояние респондента. Другие методы исследования разрабатываются в уже упоминавшихся научных направлениях исследования совладающего поведения и адаптации человека в социальной среде [19, 23, 24].

Для Анцыферовой разнообразие стратегий совладания с трудностями является признаком того, что личность не пассивно реагирует на ситуацию, а по-своему воспринимает, переживает и относится к ней, а также принимает решение о возможности или невозможности изменения ситуации. Множество стратегий совладания объединяются в несколько групп (это преобразующие стратегии, приемы приспособления, стратегии «борьбы с эмоциональными наруше-

ниями» и др.). Примечательно, что при анализе групп стратегий избегают оценочного подхода, то есть деления стратегий на продуктивные и непродуктивные, и учитывают особенности ситуации, готовность человека к ней, личностные характеристики. Интересны, к примеру, «идущее вниз сравнение» и «идущее вверх сравнение». Первая из выделенных техник предполагает сравнение себя с людьми, находящимися в более трудной ситуации, вторая — воспоминание о своих успехах в других областях и ситуациях. Оба этих приема, по мнению Анцыферовой, обесценивают неудачу, минимально участвуют в перестройке отношения к себе и «вписываются в личную теорию как незначительный биографический эпизод» [4, с. 8].

Различные приемы приспособления к трудным жизненным условиям включают в себя изменение отношения к ситуации, а также переосмысление собственных личностных особенностей. Изменение отношения к ситуации реализуется с помощью различных техник. В частности, это может быть снижение *уровня значимости ситуации или изменение ее смысла для человека*. Рефлексия над собственными личностными особенностями помогает разотождествиться со своими поведенческими стратегиями, чувствами, мыслями, мотивационными предпочтениями, нередко становящимися для человека внутренними барьерами.

Уделяя значительное внимание жизненным трудностям — повседневным неприятностям, негативным событиям, связанным с возрастными изменениями, непредвиденным событиям (опасная болезнь, трагические потери и др.), Анцыферова не умаляет роли личностных

особенностей в использовании человеком тех или иных «техник» жизни. Она пишет о том, что «люди, предпочитающие конструктивно преобразующие стратегии, оказываются личностями с оптимистическим мировоззрением, устойчивой положительной самооценкой, реалистическим подходом к жизни и сильно выраженной мотивацией достижения», а уход от трудных ситуаций, их избегание типичны для людей, «склонных к “идущему вниз социальному сравнению”» [4, с. 12] и воспринимающих мир как источник опасностей. Эти данные хорошо согласуются с современными исследованиями проблемы счастья и оптимизма [12], в которых, однако, отстаивается дифференциальный подход к пониманию соотношения оптимизма и пессимизма с позиции их баланса, а не взаимоисключения у одного и того же человека. Разумна, с нашей точки зрения, «реабилитация» пессимизма, который в отдельных ситуациях (например, при снижении личностного контроля) оказывается более эффективным и «психосберегающим» по сравнению с активно-оптимистическими стратегиями [12, с. 227]. Значимость соотношения оптимизма и пессимизма возрастает в связи не только с дифференциальной оценкой трудных ситуаций и стратегий совладания с ними, но и с изменением с возрастом соотношения избегающих и активно-преобразующих «техник» жизни.

Практически одновременно с изучением поведения личности в трудных жизненных ситуациях Л.И. Анцыферова разрабатывает проблему *типов старения* и возможностей поступательного развития личности [6], предлагая изменить привычное представление о ста-

рости как о «времени суровой зимы». Интересен подход, согласно которому в пожилом возрасте возможно «движение вспять», представляющее собой не регресс, а «механизм обогащения личности латентными новообразованиями пройденных стадий, которые оцениваются и переосмысливаются ею с позиции актуального настоящего» [6, с. 61]. Наиболее важными ресурсами этого возраста, согласно Анцыферовой, являются развитие интуитивной сферы личности, креативность, реализация духовно-нравственных отношений. Ориентирясь в большей степени на гуманистические идеи в психологии (К. Роджерс, В. Франкл, Х. Томе), автор постулирует *неисчерпаемость потенциалов человека*, отстаивает оптимистический подход к его жизни в поздние годы.

Комплексность развития человека, его морально-нравственные принципы, поиск смысла жизни, своего призвания и другие важные жизненные ориентиры определяют его *поступательное развитие* в любом возрасте, но наиболее значимыми они становятся в пожилом и старческом возрасте, для которых важнейшим критерием позитивного развития личности становится мудрость [9].

С *мудростью*, пишет Анцыферова, часто связывают наличие у человека жизненного опыта, некоторого экспертного знания, помогающего умело решать жизненные проблемы. Однако, как пишет автор, этого может быть недостаточно, ведь логика, рассудительность, осведомленность, лишённые сопутствующего творческого импульса, могут так и остаться пустыми формами. Чтобы этого не случилось, «в функциональную систему мудрости, кроме осознанных, логически выстроенных зна-

ний, должны входить и неосознаваемые, интуитивные, логически не связанные “знания” об ускользающих от внимания людей жизненных случайностях, о незаметных изменениях (предвещающих, тем не менее, глобальные перемены)» [9, с. 23].

Мудрость человека заключается в его постоянной работе над собой, в стремлении искать и находить смысл происходящего, в кропотливом труде над собственной личностью. Именно поэтому позитивное развитие человека на поздних этапах взрослости основано, согласно Анцыферовой, на стремлении сохранять и позитивно развивать хорошо организованную идентичность, реализовывать свою позицию субъекта жизни [8], поддерживать уверенность в себе и развивать способность к самоанализу и рефлексии.

Заданные Л.И. Анцыферовой ориентиры в изучении психологии *пожилого человека* остаются важными задачами для современных геронтопсихологических исследований. Предметом одного из таких исследований стал посттравматический стресс и совладающее поведение в пожилом возрасте [31]. В работе показано, что у пожилых людей с высоким уровнем посттравматического стресса наблюдается тенденция повышения показателей эмоционально ориентированного копинга (ЭОК), при этом связь показателей ЭОК с психопатологической симптоматикой усиливается. При низком уровне посттравматического стресса наблюдается повышение показателей проблемно ориентированного копинга (ПОК) и ЭОК, причем связь ЭОК с психопатологической симптоматикой отсутствует. При обсуждении результатов исследования был сделан вывод о

том, что сам по себе проблемно ориентированный копинг не может быть критерием оценки успешности совладания со стрессом. Его вклад в преодоление жизненных трудностей следует оценивать только в соотношении с двумя другими стратегиями — с эмоционально ориентированным копингом и с избеганием.

Актуально для современной психологии изучение проблемы межпоколенческого травматизма [27]. Исследование, проведенное на выборке кандидатов в усыновители, показало, что текущее психическое состояние усыновителей связано с уровнем межпоколенческого травматизма. Чем выше осведомленность об истории предков, тем ниже показатели по шкале «депрессия» и ниже уровень психологического дистресса. В группе риска (высокий уровень выраженности психопатологической симптоматики и психологического дистресса, психической травматизации усыновителей) чаще встречается такой вид межпоколенческого травматизма, как наличие семейного секрета и насилия, а в группе «норма» — репрессии, смерти детей в роду. Обнаруживается связь между наличием в роду семейного секрета и насилия и высокими показателями по шкале сензитивности. Сиротство в роду коррелирует с более высоким уровнем индекса травматизации.

Приведенные работы — только часть тех исследований, которые подтверждают отмеченную Л.И. Анцыферовой более 20 лет назад важность комплексного изучения совладания человека с трудными жизненными ситуациями, когда учитываются не только уровень трудности ситуации, но и личностные особенности, картина жизненных событий, возрастной фактор и в целом отношение чело-

века к миру, его жизненные установки и мировоззрение в целом.

Литература

1. Анцыферова Л.И. Принцип связи сознания и деятельности и методология психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии / под ред. Е.В. Шороховой. М., 1969. С. 57–117.
2. Анцыферова Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т.2. № 2. С. 8–18.
3. Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3–17.
4. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18.
5. Анцыферова Л.И. Жизненный путь ученого (к 80-летию Х. Томе) // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 158–164.
6. Анцыферова Л.И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 60–71.
7. Анцыферова Л.И. Способность личности к преодолению деформаций своего развития // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 1. С. 6–19.
8. Анцыферова Л.И. Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М., 2000. С. 27–42.
9. Анцыферова Л.И. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
10. Бодров В.А., Дикая Л.Г., Журавлев А.Л. Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: основные направления и результаты современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3 / под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
11. Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Понятие угрозы: объективная и субъективная опасность // Вестник Костром. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. С. 139–144.
12. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М.: Ин-т психологии РАН, 2013.
13. Журавлев А.Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.

14. Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2011.
15. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Самоопределение, адаптация и социализация: соотношение и место в системе социально-психологических понятий // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Ин-т психологии РАН, 2007. С. 62–95.
16. К юбилею Л.И. Анцыферовой // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 153–157.
17. Методология комплексного человекознания и современная психология / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Ин-т психологии РАН, 2008.
18. Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
19. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
20. Развитие психологии в системе комплексного человекознания: материалы Всерос. науч. конф., посв. 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б.Ф. Ломова. Ч. 1 / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
21. Развитие психологии в системе комплексного человекознания: материалы Всерос. науч. конф., посв. 40-летию Института психологии РАН и 85-летию его основателя Б.Ф. Ломова. Ч. 2 / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
22. Образование одаренных — государственная проблема / В.В. Рубцов [и др.] // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.
23. Совладающее поведение: современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2008.
24. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2011.
25. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса. М.: Ин-т психологии РАН, 2009.
26. Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В. Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Ин-т психологии РАН, 2014.
27. Тарабрина Н.В., Майн Н.В. Индивидуальная и межпоколенческая психотравматизация усыновителей и качество приемной семьи [эмпирическое исследование] // Психологические исследования. 2014. 7(34). № 1. <http://psystudy.ru>
28. Тенденции развития современной психологической науки : тез. юбил. науч. конф. Ч. 1 / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
29. Тенденции развития современной психологической науки: тез. юбил. науч. конф. Ч. 2 / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
30. Феномен и категория зрелости в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
31. Харламенкова Н.Е., Быховец Ю.В., Евдокимова А.А. Посттравматический стресс и совладающее поведение в пожилом возрасте // Научный диалог. 2014. № 3 (27). С. 92–105.
32. Харламенкова Н.Е., Журавлев А.Л. Психология личности как открытой и развивающейся системы (к юбилею Л.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 6. С. 30–39.

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ МАКРОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ) *

А. В. Сухарев

Аннотация: в статье представлены базовые теоретико-методологические и эмпирические положения, обосновывающие правомерность применения этнофункционального подхода к решению макропсихологических проблем современного общества, в том числе асоциального поведения. Исходными положениями разрабатываемого подхода к макропсихологическим проблемам современности являются исторически актуальный принцип этнофункциональности и принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма, а также авторское философское понятие об идеальном прообразе естественного развития — архегении, на основе чего строится психологический анализ системы представлений о человеке, природе, культуре и трансцендентном мире. В целом подход осуществляется на внепсихологическом междисциплинарном уровне при сочетании гуманитарного и естественнонаучного методов исследования. С позиций этнофункционального подхода асоциальное поведение понимается как этнодифференцирующее. Показано, что данный подход позволяет получать новые, часто парадоксальные результаты в области коррекции, профилактики асоциального поведения, психических расстройств и склонности к суицидам. В частности, формирование положительного отношения к родным (этнодиффе-

ренцирующим) образам природы (ландшафты, флора, фауна) обуславливает более полноценное усвоение религиозных заповедей, что, очевидно, способствует профилактике совершения (а также рецидивов) насильственных преступлений. Существуют показатели искажений этнофункционального развития личности, являющиеся общими в качестве условий возникновения склонности к насильственным преступлениям, употреблению психостимуляторов (наркотиков) и суицидальному поведению. Этнофункциональный анализ, психопрофилактика и коррекция негативных макропсихологических явлений осуществляются в процессе восстановления искажений этнофункционального развития ментальности личности и общества как системы представлений о человеке, природе, культуре и трансцендентном мире. Особенностью подхода является простота его применения на личностном уровне для профилактики и коррекции асоциального поведения, психических расстройств, а также в социально психологическом плане для активизации социально желательного поведения, прежде всего молодежи (патриотизм, мотивация к учению, повышение творческого интеллекта) в системе образования, начиная от дошкольных учреждений до вузовского уровня (то есть в процессе «этнофункционального воспитания»).

* Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда. Конкурс 2014 г., проект № 14-18-03271 «Макропсихологический анализ социальных явлений».

Ключевые слова: методология, этнофункциональный подход, архегения, трансцендентный, идеальный прообраз, макропсихология, асоциальное поведение, криминальное поведение, суицид, психоактивные вещества и наркотики, психопрофилактика, психологическая коррекция, воспитание, психотерапия.

В современной отечественной психологии и в социогуманитарной науке в целом весьма незначительно представлены общие теоретические подходы, сравнимые по уровню обобщения с актуальным в свое время в мировой науке марксистским подходом, в западно-европейской и американской — фрейдистским анализом структуры и развития общества и др. [45]. Фундаментальные теоретические разработки, обладающие новизной и адекватные современным практическим запросам, крайне необходимы российскому обществу [4, 5, 43, 44]. В качестве актуальных проблем в современном мире рассматриваются коррупция [7, 8, 28, 47], криминальное поведение [2, 41], суицидальный терроризм [27], наркотики [35], нарастание распространенности психических расстройств [31, 34], избыточное неравенство доходов [9, 48], массовое деструктивное поведение [29] и др. В связи с этим **целью** настоящей статьи является разработка актуального, наиболее обобщенного теоретико-методологического подхода, релевантного глобальным проблемам современного общества.

Общим научным направлением в психологической науке, предполагающим изучение проблем, релевантных обществу в целом, является макропсихология [13, 45, 46]. Макропсихологическое рассмотрение может включать глобаль-

ные проблемы современного общества, присущие совершенно различным нациям, этносам, социальным группам, например асоциальное поведение, в том числе криминальное поведение, наркотическое поведение, педагогическая запущенность и др.

В связи с резко возросшей в конце XX — начале XXI вв. значимостью этнической проблематики [26 и др.] исторически актуальной [40] операционализацией макропсихологического направления может стать *этнофункциональный теоретико-методологический подход*, системно включающий в себя культурно-психологические, природно-географические, антропо-биологические и трансцендентные параметры общества в его историческом развитии [31, 37]. В данном подходе в теоретическом приближении все гуманитарные и природные явления и параметры, характеризующие развитие человека и общества, наделяются этнической функцией — этноинтегрирующей и этнодифференцирующей; нулевой этнической функцией наделяются лишь естественнонаучные закономерности.

В различных направлениях исследований — от ломброзианства и культурологии до поведенческой географии — указанные группы факторов до настоящего момента рассматривались в качестве разного рода условий возникновения асоциального поведения. Исключение составляла лишь группа так называемых *трансцендентных факторов*, которые, по определению И. Канта, непосредственно не воспринимаются нашими органами чувств. К последним относятся идеальные прообразы — Бог, духи природных стихий и явлений, духовные сущности различных религий,

мировоззренческих систем. Тот факт, что духовные сущности могут регулировать поведение человека, не подлежит сомнению, например заповедям Закона Божьего следуют миллионы христиан. Проблему составляет то, как именно осуществляется трансляция духовных сущностей в чувственно воспринимаемый мир и исследование механизмов регуляции ими поведения человека. В связи с этим в методологическом плане считаем необходимым сформулировать *психотрансцендентную проблему* наряду с уже рассматриваемыми в психологической науке психофизиологической, психофизиологической и психосоциальной проблемами [3, 4]. Психотрансцендентная проблема выступает системообразующей по отношению к другим перечисленным проблемам психологической науки. В ней рассматриваются возможности теоретического обоснования, механизмы и способы взаимодействия идеальных прообразов (духовных сущностей) с физическими, физиологическими и социальными образами (образы природы, зрительные модальности эмоциональных феноменов, социально значимые образы политических и духовных лидеров и т. п.), регулирующие поведение человека. Психотрансцендентная проблема может определять широкую группу направлений исследования и, в частности, изучение роли этнической функции образов природы для качества усвоения заповедей Закона Божьего, которые во многом определяют внутренние условия, препятствующие возникновению криминального поведения [2, 41].

В целом *этносреда*, в которую погружен субъект (но не личность!), характеризуется целым рядом параметров и свя-

зана с различными проблемными областями в психологической науке:

1) природно-ландшафтными (климат, ландшафт, флора и фауна), которые рассматриваются в качестве предметной области психофизиологической проблемы;

2) антропо-биологическими — область психофизиологической проблемы;

3) социокультурными — область психосоциальной проблемы;

4) трансцендентными (духовными — Бог, духи природных стихий и пр.) — область психотрансцендентной проблемы.

Этносреда в идеале является системой образов, а в реальности — комплексом образов. Понятно, что проблематика этнофункционального подхода к макропсихологии поведения человека лежит в широкой междисциплинарной области исследований, которую можно отнести к *внепсихологическому* уровню междисциплинарных исследований [3, 4].

Опора на *принцип этнофункциональной субъектности* наряду с номотетическим принципом «объективной достоверности» (результаты эмпирических исследований) отражает необходимое для полноты познания методологическое единство *гуманитарного и естественнонаучного* подходов и методов исследования [21, 24, 25].

Используя позитивистский, количественный и другие виды анализа в эмпирических исследованиях личности, гуманитарный подход в наших исследованиях служит для представления и интерпретации фактов и положений авторитетных представителей гуманитарных наук, являющихся общепринятыми в данных областях. Существенная новизна определяется их интерпретацией на основе этнофункционального подхода

и результатов эмпирических исследований [37, 38, 42].

Этнофункциональный подход базируется на этнофункциональности, принципах системности, единства микро- и макрокосма, развития и этнофункциональной субъектности [37]. В частности, криминальное поведение, исходя из принципов этнофункциональности и этнофункциональной системности, определяется как *этнодифференцирующее* в конкретной культурной, природно-географической, антропо-биологической и трансцендентной целостности.

На основе принципа этнофункционального развития в качестве причин возникновения криминального поведения могут рассматриваться последствия определенных искажений параметров раннего онтогенеза *образной сферы личности* (термин А.А. Гостева [1]). В целом с позиций этнофункционального подхода асоциальное или криминальное поведение понимается как этнодифференцирующее.

В свою очередь, оптимизация этнофункционального развития личности осуществляется в процессе этнофункционального воспитания, психопрофилактики и коррекции выявленных искажений развития путем разрешения этнофункциональных конфликтов, содержание которых определяется противоречиями между этнодифференцирующими и этноинтегрирующими представлениями, отношениями, суждениями и другими ментальными категориями [38].

Преодоление последствий искажения этнофункционального развития происходит в процессе восстановления в образной сфере личности *этноинтегрирующих* представлений, что, согласно

нашим исследованиям, влияет также на представление личности о собственном прошлом [34, 37]. Данные изменения осуществляются в направлении нарастания выраженности этноинтегрирующей функции вторичных образов, то есть образов памяти, представлений и других неперцептивных образов в образной сфере личности. *Выраженность этнической функции* (этноинтегрирующей и этнодифференцирующей) образов этносреды обусловлена давностью их возникновения в этногенезе.

Образы природы как самые древние в развитии этносреды наделяются наибольшей выраженностью этнической функции, они более дискриминантны для отделения нормы от патологии, нравственности от греховности:

1) образы природы (данные в ощущениях) и трансцендентные представления о прообразах природных стихий и явлений (эйдосы образов природы — максимальная этническая функция);

2) представления христианской религиозной культуры и трансцендентные христианские прообразы (Христос, Троица и др.);

3) научные представления и трансцендентные априорные формы научного познания — их этническая функция равна 0, абсолютно не выражена.

Для обозначения предела, к которому согласно теоретическим и эмпирическим исследованиям стремятся этноинтегрирующие изменения в процессе развития, вводится понятие *идеального прообраза развития*, или архегении.

Архегения — философская категория, введенная нами для обозначения трансцендентного идеального прообраза естественного развития вещей (явлений), учитывающая временной фак-

тор. Данная категория введена по контрасту с платоновской категорией «эйдоса» и определяется как степень соответствия вещи идеалу, «предел становления вещи», согласно Платону [19, с. 505–506], но уже с учетом фактора времени, то есть «исторического развития вещи». Идеальный прообраз развития — архегения — с позиций этнофункционального подхода является абсолютно этноинтегрированным. Этнофункциональная архегения этносреды (общества) определяется как идеальный, *естественный* прообраз развития этносреды (степень приближения к ней определяется только в исторической ретроспективе методом этнофункциональной историко-психологической реконструкции).

Этнофункциональная архегения личности — идеальный прообраз развития личности в данной этносреде (при этом она *тождественна архегении этносреды* рождения и проживания данного человека). Очевидно, что в понятии архегении, в отличие от понятия эйдоса, учитывается временной аспект идеального прообраза, то есть его связь не только с настоящим и вечным (вневременным), но и с прошедшим и предстоящим, что методологически открывает перспективы этнофункциональных исследований поведения личности в зависимости от ее представлений о собственном прошлом и будущем.

Определенные затруднения могут заключаться в выделении показателей степени приближения, например, развития личности к идеальному прообразу. Выход из положения, с учетом принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма, заключается в следующем. Этот принцип постули-

рует аналогию между историческим развитием определенной этносреды (культуры, природы и трансцендентной сферы) и развитием образной сферы личности. В соответствии с этапами развития мифа (фетишизм, анимизм, героизм), выделенными А.Ф. Лосевым, в русской этносреде можно выделить исторический этап язычества (фетишизм, затем анимизм, далее героизм) [12]. Затем собственно развитие мифа завершается и наступает этап христианизации Руси, где на смену ведущим образам природы и представлений о духах природных стихий и явлений приходят христианские представления и наконец ведущие представления эпохи Просвещения, современная эпоха *этнической маргинальности*.

Этническая маргинальность (общества, личности) — понятие, введенное нами для обозначения ментальности, в той или иной мере включающей этнодифференцирующее содержание [37, С. 37–42]; этап «этнической маргинальности» в развитии ментальности общества в конкретной этносреде характеризуется практическим преобладанием этнодифференцирующих представлений над этноинтегрирующими. Будущий, *проектируемый этап* мы описываем как идеальный *этноинтегрирующий синтез* всех этапов развития данной этносреды в когнитивном, эмоционально-чувственном и поведенческом плане.

В соответствии с данными этапами на основании принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма по аналогии можно выделить соответствующие стадии развития личности: природную, сказочно-мифологическую, этическую (христианскую, стадию Просвещения), стадию этнофункциональной

Этнофункциональное единство развития общества (этапы) и личности (стадии) в русской этносреде

ЭТАПЫ развития этносреды (МАКРОКОСМ)	Доисторический	«Языческий» (3 этапа, не позднее VII в. до X в.)			Христианский (с конца X в.)	Просвещения (начало XVIII в.)	Современной мультиэтнизации (с XIX в.)	Проектируемый этап
		1 этап Фетишизм	2 этап Анимизм	3 этап Героизм				
СТАДИИ развития личности (МИКРОКОСМ)	Пренатальная (личность матери в период беременности)	Природная с 1 года до 5 лет	Сказочно-мифологическая с 2 до 5 лет	Религиозно-этическая с 7 до 8 лет	Просвещения с 7 до 9 лет	Этнической маргинализации	Проектируемая стадия	
Новообразования в психике	Психосоматическое здоровье ребенка	Энергия личности (адаптационный потенциал)	Начало когнитивного контроля эмоций и чувств	«Встреча аффекта и интеллекта»	Научное мышление	Тревожность, угроза распада личности	Этноинтеграция личности	

разнородности (этнической маргинальности) и проектируемую стадию, на которой осуществляется синтез содержания предыдущих стадий как идеальный этноинтегрирующий прообраз.

На основе методологических положений о развитии личности мы предполагаем существование определенных стадий развития системы, ее отношения к этносреде, включая развитие не только ее образной, но и трансцендентной сферы идеальных прообразов. Данные стадии как повторение содержания и последовательности этапов развития конкретной этносреды имеют место не только в христианских или мусульманских этносредах. Моделью, определяющей содержание и последовательность стадий развития личности, является образное и трансцендентное содержание, а также последовательность этапов развития той или иной этносреды. В историческом развитии русской этносреды можно выделить следующие этапы: а) язычество (фетишизм, анимизм, героизм); б) христианство; в) Просвещение; г) современный этап этнической маргинализации; д) будущий, *проектируемый* этап синтеза целостного развития в ког-

нитивном, эмоционально-чувственном и поведенческом плане.

Оптимальному развитию личности, в частности, в русской этносреде способствует начало стадий этнофункционального развития личности в оптимальные возрастные периоды: природной стадии с 1 года до 5 лет, сказочно-мифологической стадии с 2 до 5 лет, религиозно-этической стадии с 7 до 8 лет, стадии просвещения с 7 до 9 лет. При оптимальном возрасте начала на каждой стадии возникают определенные психологические новообразования (см. таблицу).

Выделение этапов развития этносреды, например, в странах Азии, представляет предмет отдельного исследования. В частности, в истории кхмеров (Камбоджа) правомерно выделить следующие этапы: доисторический, природно-анимистический и культ предков, индуизм (шиваизм, вишнуизм), влияние веры в нагов (людей-змей; истоки данной мифологии коренятся в индуизме и сохранились в более поздних кхмерских буддистских изображениях), буддизм махаяны, позже хиньяны и современный этап модернизации, связанный

с проникновением европейской культуры Просвещения (католицизм (испано-португальское влияние), протестантизм, французский язык и пр.) [15]. Теоретически в кхмерской этносреде данным этапам должны соответствовать стадии развития личности у представителей кхмерского народа. Эмпирическое подтверждение соответствия этапов развития этносреды и стадий развития личности получено на примере некоторых христианских и мусульманских народов — русских, татар, чукчей и некоторых других [36, 37].

Как уже отмечалось, наибольшей выраженностью этнической функции (как интегрирующей, так и дифференцирующей) обладают образы природы, затем следуют представления о духах природных стихий и явлений, представления о взаимодействии человека и духов; меньшей выраженностью этнической функции обладают наднациональные религиозные представления, например, христианские [37, 41, 42]. Для практики крайне важно, что степень выраженности этнической функции, представлений в образной сфере личности, соответствует степени ее психической адаптированности/дезадаптированности по самому широкому кругу психологических и внепсихологических показателей — медицинских, социальных и других, представленных, в частности, в одном из фундаментальных трудов по психологии адаптации [20]. Уже упомянутое восстановление позитивного отношения к образам родной (этноинтегрирующей) природы обуславливает нарастание положительного отношения к заповедям Закона Божьего (лежит в основе этической компоненты русской культуры) и снижение склонности к кри-

минальному поведению, способствует ремиссии при наличии ряда психических расстройств и др.

Исследования показывают, что важнейшей характеристикой личности или общества является *архегеничная этнофункциональная направленность*, или направленность ментальности на этнофункциональную архегению разной этносреды. В личностном плане она обеспечивает профилактику психической незрелости, психических и психосоматических расстройств, наркотических зависимостей, криминального поведения и других социальных отклонений, а также гармонизируется сфера мышления и чувств, улучшается контроль эмоций, тревоги, оптимизируется взаимодействие эмоций и чувств с мышлением (в том числе творческим), принятием решений и т. д. [32, 33, 35, 36, 37 и др.]. Архегеничная этнофункциональная направленность общества способствует формированию позитивной этнической и национальной идентичности населения, патриотизму, оптимизации демографических показателей, снижению степени риска социальных отклонений, снижению степени межэтнической напряженности и т. д. [32, 36, 37].

Ведущие представления* включены в *ментальность*** личности и явля-

---

* Ведущими представлениями конкретного этапа развития общества в данной этносреде мы называем те, которые в процессе историко-психологической реконструкции в историографии (в широком смысле, включая «источники») были определены как определяющие его ход и подготовившие следующий этап развития.

** *Ментальность* общества или личности в любой этносреде мы рассматриваем как обладающую неизменной слоистой структурой, включающей изменчивое содержание *ведущих представлений* всех этапов (по типу «слоеного пирога») развития данной этносреды (то есть она имеет размерность во

ются основным регулятором поведения личности и в оптимальных возрастных периодах ее развития; они определяют оптимальное направление этнофункционального развития на каждой стадии в этносреде рождения и проживания данного человека. Приближение к идеальному прообразу развития мы рассматриваем как оптимизацию развития ментальности личности. *Уровень оптимизации ментальности* (и ее развития) определяется по критериям, выработанным в различных науках о человеке — педагогике, юриспруденции, биологии, географии, литературоведении, истории, психиатрии и др.

Наиболее обобщенным показателем (критерием) степени приближения образной сферы личности к идеальному прообразу развития является, во-первых, изменение предпочтений этнодифференцирующих образов на предпочтении этноинтегрирующих в эмоциональном, когнитивном и поведенческом аспектах. Во-вторых, таким показателем выступает восстановление в образной сфере личности субъективного представления о последовательно возникающих в оптимальном возрастном периоде ее онтогенеза ведущих этноинтегрирующих образов. Содержание и последовательность возникновения данных образов аналогично содержанию и последовательности исторических этапов развития этносреды рождения и проживания конкретного человека.

времени и в пространстве). Существенно, что ментальность может иметь направленность на идеал, определяющий конструктивный (при этноинтегрирующем идеале) или деструктивный (при этнодифференцирующем идеале) характер развития общества или личности — развитие ментальности определяется ее отношением к трансцендентному (архегении).

Типичные искажения этнофункционального развития личности (в ее субъективном представлении) могут характеризоваться, в частности, показателями, связанными с возникновением следующих ведущих психопатологических аффектов [35, 37]:

1) выпадение представлений о родной природе — фауне, флоре, ландшафте и климате, возникших до 5 лет, ведет к снижению общего адаптационного потенциала личности, снижению напряженности ее эмоционально-потребностной сферы, способствует формированию ведущего апато-тоскливого аффекта;

2) выпадение сказочно-мифологических представлений, относимых к возрасту до 5 лет, ведет к нарушению произвольной регуляции эмоций и чувств, способствует формированию ведущего тоскливо-апатического аффекта;

3) раннее начало религиозно-этической стадии (до 6 лет) ведет к возникновению ведущего тревожного аффекта;

4) этнодифференцирующее содержание стадий способствует формированию тревожного аффекта.

В целом указанные факторы обуславливают формирование личностной незрелости, эмоциональное искажение или торможение когнитивных процессов (импульсивность, склонность увлечься чем-либо, а затем быстро остыть к предмету увлечения; определенная наивность, «детское» отношение к чему-либо и т. п.); неготовность к полноценному усвоению нравственных норм провоцирует возникновение криминального поведения. В целом наличие связи личностной незрелости и инфантилизма с криминальным поведением показано в работе Д.В. Сочивко, используя

ющего понятие «криминальный инфантилизм» [30].

Личность современного человека на практике всегда в той или иной степени этнофункционально разнородна, а общим методом воспитания, психопрофилактики и психотерапии является *проектирование идеальной стадии личностного развития* (см. таблицу), то есть этнофункциональной архегении данной этносреды. В конкретной этносреде условием достижения проектируемой стадии является архегеничная этнофункциональная направленность личности. При этом для воспитания представителей *национальной элиты*, тем более элиты нравственной [6, 10, 11], проектируемая стадия развития в данной этносреде является промежуточной и предвещающей проектирование этнофункциональной архегении человечества в целом [37, с. 453–456].

На каждой стадии этнофункционального развития личности соответствующие ей ведущие представления актуализируют определенные *психологические новообразования*: образы природы повышают энергию личности (общий адаптационный потенциал, напряженность эмоционально-потребностной сферы), взаимодействие личности с одухотворенными образами природы способствует началу формирования способности к осознанному контролю эмоций и чувств, а христианские нравственные представления — окончательному завершению «встречи аффекта и интеллекта» (Л.С. Выготский). У современного человека, в силу нарастания этнической маргинализации общества и этносреды, увеличивается степень психической дезадаптированности, вследствие чего в обществе распространяется «эпи-

демия» тревожных расстройств, представляющих угрозу разрушения личности [49]. Выход состоит в проектировании идеальной ментальности личности, то есть в формировании направленности на ее этнофункциональную архегению (см. таблицу).

Этнофункциональный анализ макropsихологических проблем предполагает рассмотрение искажений развития ментальности не только личности, но и общества. В частности, если в личностном плане данные искажения могут проявляться в «забвении» человеком образов природы или волшебных сказок, относящихся к его раннему онтогенезу, то этнофункциональные искажения ментальности общества могут проявляться в вытеснении или переформировании политическими или иными средствами представлений о содержании различных этапов его развития.

Само представление о социальной и психической норме во многом может быть обусловлено спецификой современной культурно-исторической ситуации. В соответствии с *принципом этнофункциональной субъектности*, например, в эпоху Московского государства из истории русской ментальности усилиями летописцев-христиан могли «вытесняться» представления, связанные с языческим мировоззрением, а в «перестроечный» период «либеральными» историками и журналистами вытеснялись эмоционально положительные представления о советском периоде и т. п. [38, 39, 42]. Так, с конца XIX до середины XX вв. многие выдающиеся отечественные и западноевропейские психиатры (и не только психиатры) рассматривали в качестве симптомов психических расстройств произведения авангардист-

ского искусства, особенности моды или социально отклоняющегося поведения (нарушение поло-ролевой идентичности, некоторые особенности конфессионального или криминального поведения и пр.) [14, 16–18 и др.]. В настоящее время данные проявления считаются вариантами психической или социальной нормы. В связи с этим возникает необходимость разработки инвариантных во времени, а также в культурном, антропо-биологическом, географическом и конфессиональном аспектах критериев психической и социальной нормы, позволяющих с единых методологических позиций оценивать характер и степень социальных и психических отклонений, наркотизации, суцидов и пр. Актуальность и необходимость таких разработок подтверждаются результатами эмпирических исследований, в которых была выявлена, в частности, связь искажения некоторых этнофункциональных параметров развития личности подростков с наличием у них легкой степени дебильности [36], а также склонности к криминальному поведению, суицидам и другим негативным явлениям [2, 35, 41].

Заключение

Этнофункциональная парадигма представляется инвариантным во времени, культурном, природно-географическом и других отношениях инструментом исследования нормы и патологии личности и общества, в частности асоциального поведения, а также решения макропсихологических проблем в целом. С одной стороны, данный подход является релевантным именно макропсихологическим проблемам человечества, так как позволяет дифферен-

цированно учитывать своеобразие развития каждой этносреды. С другой стороны, именно дифференцированность подхода дает возможность учитывать многообразие народов всей планеты и теоретически позволяет проектировать идеальный прообраз развития человечества как систему идеальных прообразов развития различных этносред планеты, что, в свою очередь, является релевантным глобальным вызовам человечества как целого.

В целом данная парадигма базируется на принципе этнофункциональности: единстве микро- и макрокосма и др., конкретизирующих также введенное нами философское представление об идеальном прообразе развития (архегении). Существенной особенностью этнофункционального подхода является прозрачность в отношении возможности его применения на личностном уровне для профилактики и коррекции асоциального поведения, психических расстройств, а также в социально-психологическом плане для активизации социально желательного поведения различных групп населения, прежде всего молодежи (патриотизм, мотивация к учению, повышение творческого интеллекта) в системе образования, начиная от дошкольных учреждений до вузовского уровня (то есть в процессе «этнофункционального воспитания») [32, 37], от образования детей с задержками развития до одаренных [22, 23]. Этнофункциональный анализ, психопрофилактика и коррекция негативных макропсихологических явлений может осуществляться в процессе восстановления искажений этнофункционального развития ментальности личности и общества как системы пред-

ставлений о человеке, природе, культуре и трансцендентном мире.

Литература

1. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
2. Грачев В.С. Этнофункциональный аспект развития образной сферы личности у подростков, склонных к делинквентному поведению // Мир психологии. 2009. № 3 (59). С. 139–145.
3. Журавлев А.Л. Специфика междисциплинарных исследований в психологии // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 6. С. 83–88.
4. Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2011.
5. Журавлев А.Л. Взаимодействие фундаментальной психологии и психологической практики: направления развития // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 8–13.
6. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.
7. Журавлев А.Л., Соснин В.А. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8–24.
8. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологический феномен коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8–12.
9. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Социально-психологические последствия неравенства доходов // Вопросы психологии. 2013. № 4. С. 45–57.
10. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Нравственная элита в российском обществе: основные признаки и функции // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 1. С. 34–39.
11. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Проблемы формирования и выявления нравственной элиты: итоги дискуссии // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 97–99.
12. Лосев А.Ф. Античная мифология. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. С. 34–47.
13. Макропсихология современного российского общества / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Ин-т психологии РАН, 2009.
14. Маудсли Г. Физиология и патология души. СПб., 1871.
15. Миго А. Кхмеры. М.: Наука, 1973.
16. Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001.
17. Нордау М. Вырождение. М.: Республика, 1995.
18. Осипов В.П. Курс общего учения о душевных болезнях. Берлин: Госиздат, 1923.
19. Платон. Сочинения. М.: Мысль, 1970. Т. 2.
20. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
21. Розов М.А. О соотношении естественнонаучного и гуманитарного познания // Наука глазами гуманитария / отв. ред. В.А. Лекторский. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
22. Образование одаренных — государственная проблема / В.В. Рубцов [и др.] // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.
23. Развитие системы образования одаренных детей: приоритетные направления / В.В. Рубцов [и др.] // Нижегородское образование. 2010. № 4. С. 7–14.
24. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы в науке. М.: МГППУ, 2004.
25. Сурков В.Н. Гносеологические ориентиры в становлении и предметном самоопределении психологического знания: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2004.
26. Сусоколов А.А. Структурные факторы самоорганизации этноса // Расы и народы. М.: Изд-во ИАЭ РАН, 1990. Вып. 20. С. 5–40.
27. Соснин В.А. Операциональные уроки противодействия суицидальному терроризму государством Израиль // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 125–140.
28. Соснин В.А., Журавлев А.Л. Коррупция в России как политическая и социально-психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. № 4. (67). С. 6–16.
29. Соснин В.А., Журавлев А.Л. Психология массового поведения: истоки и современные тенденции исследования // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 49–61.
30. Сочивко Д.В. Криминальный инфантилизм. М.; Рязань: Академия ФСИН России; РГМУ им. И.П. Павлова; Высшая школа психологии, 2014.
31. Сухарев А.В. Этническая функция культуры и психические расстройства // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2. С. 129–137.
32. Сухарев А.В. Некоторые аспекты этнофункционального подхода к проблеме образования в России // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 3. С. 91–102.
33. Этнофункциональный подход в воспитании и психопрофилактике / А. В. Сухарев [и др.] // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 4. С. 68–80.
34. Сухарев А.В. Этнофункциональная психотерапия: теоретико-методологические предпосылки и эмпирические результаты // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 90–100.
35. Исследование связи нарушений этнофункционального развития личности с химической зави-

симостью от некоторых психоактивных веществ / А.В. Сухарев [и др.] // Наркология. 2007. № 1. С. 45–54.

36. Сухарев А.В. Этнофункциональный анализ психической адаптированности коренных народов Камчатского края: чукчей, коряков и русских камчатцев // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 36–51.

37. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2008.

38. Сухарев А.В. Этнофункциональный аспект исследования ментальности // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 118–127.

39. Сухарев А.В. Этнофункциональная информационная безопасность в условиях кризиса культуры // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 100–101.

40. Сухарев А.В. Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии // Мир психологии. 2009. № 3 (59). С. 123–132.

41. Сухарев А.В., Чулисова А.П. Этнофункциональная коррекция образной сферы личности осужденных за насильственные преступления. М.: Ин-т психологии РАН, 2013.

42. Сухарев А.В. Структура ментальности русско-го и западноевропейского общества в эпоху Возрождения: этнофункциональный анализ // Психологический журнал. 2014. Т. 34. № 2. С. 129–141.

43. Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.

44. Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Теория и практика: взгляды с разных сторон [ответ на комментарии] // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 2. С. 127–132.

45. Юревич А.В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Макропсихология современного российского общества / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 11–29.

46. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.

47. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Психологические аспекты коррупции // Наука. Культура. Общество. 2013. № 2, 3. С. 81–92.

48. Юревич А.В., Журавлев А.Л., Юревич М.А. Избыточное неравенство доходов как угроза национальной безопасности России // NB: Национальная безопасность. 2013. № 2. С. 182–202.

49. May R. The meaning of Anxiety. N. Y.: Pocket Books, 1979.

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИМАНИПУЛЯТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ СУБЪЕКТИВНО-СОУЧАСТВУЮЩЕГО ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

В. М. Поздняков, И. С. Дорошенко

Аннотация: происходивший в России с конца 1990-х годов рост криминогенности лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, в том числе за экономические преступления, обусловил увеличение числа случаев манипулятивных воздействий на сотрудников пенитенциарных учреждений с целью их вовлечения в решение актуальных для

осужденных проблем противоправным способом. Изучение факторов и условий, предрасполагающих персонал колоний к вступлению во внеслужебные связи с осужденными (по двум контрастным группам — вступавшим во внеслужебные связи и преданным интересам службы), показало, что наряду с объективной причиной (прежде всего недо-

статочным финансово-материальным обеспечением сотрудников) весомо влияние и ряда характеристик их личности (эгоцентризм, тревожность и коммуникативная негибкость).

В свете положений Концепции субъектно-соучаствующего исправления осужденных, разработанной на основе историографического и компаративного исследований (В.М. Поздняков, 2000), была обоснована программа тренинга «Формирование антиманипулятивной компетенции у сотрудников ФСИН России» и произошла его апробация среди сотрудников колонии в Тульской области со сложной оперативной обстановкой. Проведение тренинга, состоявшего из 11 групповых занятий продолжительностью по 2–2,5 часа каждое и базировавшегося на применении методов кейс-стади, ролевых игр и комплекса психотехнических упражнений по развитию профессиональной Я-концепции и стрессоустойчивости личности, позволило сотрудникам получить знания в области пенитенциарно-манипулятивных сценариев осужденных и опыт конструктивного противодействия их реализации. Данные психодиагностики показали, что после тренинга у 41 % участников снизился уровень ситуативной тревожности, а у 54 и у 27% — соответственно показатели вербальной и физической агрессии. С учетом позитивности влияния тренинга не только на сотрудников «группы профессионального риска», но и на социально-психологический климат в коллективе учреждения, практика их проведения была распространена в УФСИН России ряда регионов.

Ключевые слова: антиманипулятивное поведение, исправление осуж-

денных, программно-целевой подход в обращении с осужденными, партисипативный менеджмент, пенитенциарно-манипулятивные сценарии осужденных, пенитенциарная стрессоустойчивость, профессионально-ролевая позиция, профессиональная Я-концепция, соучаствующее взаимодействие в пенитенциарном учреждении, социально-психологическая компетентность.

Проведенные историографическое и компаративное исследования [1, 2], а также учет требований международных нормативных актов по обращению персонала пенитенциарных учреждений с осужденными [3, 4, 5] позволили обосновать Концепцию соучаствующего исправления осужденных. Она базируется на принципах субъектно-соучаствующей методологии, разработанной в противовес объектно-деятельностной парадигме, доминировавшей в научных исследованиях и практике отечественных пенитенциарных психологов [7], а её суть состоит в полноценном учете психологических закономерностей и механизмов просоциальной трансформации личности и групп осужденных в местах лишения свободы на основе включения их в разноплановые исправительные программы. Данные программы (режимно-дисциплинирующего, социально-правового, нравственно-духовного, образовательного, трудового, психологического, досугово-бытового и иного характера) должны разрабатываться с учетом психодинамики активности осужденных на разных этапах отбывания наказания и осуществляться не только усилиями персонала исправительного учреждения, но и путем широкого привлечения специалистов гуманитарно-

го профиля и институтов гражданского общества.

Субъектно-соучаствующий подход требует применять в управлении исправительным учреждением технологию партисипативного менеджмента. При этом, учитывая, что термин «participation» в большинстве иностранных языков (английский, немецкий, французский и др.) означает «соучастование», обращение с осужденными следует осуществлять с учетом их особенностей (направленность и другие свойства личности, криминально-пенитенциарный статус и др.), но строить взаимодействие с ними на основе установки «другой человек — ценность» (Е.Л. Доценко, 1996) и с «ориентацией на уровни правового и нравственного общения» (В.Н. Сагатовский, 1980). В обеспечении индивидуально-дифференцированного подхода к осужденным и реализации мониторинга эффективности воздействия комплекса указанных программ на осужденных наиболее ответственна роль штатных психологов исправительного учреждения, на которых возлагается диспетчерская функция.

Реализация субъектно-соучаствующего подхода в обращении с осужденными требует повышения социально-психологической компетенции сотрудников и формирования у различных категорий персонала новых профессионально-ролевых позиций. Так, начальники отрядов колонии, реализующие прежде всего организационно-управленческую функцию, должны быть полноценными «партисипативными менеджерами» [7]. Социальные работники, обеспечивающие привлечение институтов гражданского общества к исправительной деятельности в колонии

и к социальной реадaptации отбывших наказание в постпенитенциарный период, должны занимать позицию «социального адвоката» (от лат. *advocare* — призывать на помощь [8]). Для социальных педагогов важным является занятие позиции «соучастного наставника», способного осуществлять на них антрополого-развивающее воздействие [9]. Штатные психологи исправительных учреждений должны не только реализовывать мероприятия по оказанию психологической помощи осужденным [10], но и выступать для сотрудников в качестве «коучей», то есть специалистов, способных оказывать им поддержку в профессионально-личностном росте [11].

Для практической верификации Концепции соучаствующего исправления осужденных в 2004 г. в рамках Плана НИР НИИ ФСИН России была реализована комплексная тема «Оптимизация взаимодействия сотрудников УИС с осужденными». В качестве отдельного направления в ней выступила экспериментальная апробация тренинговой программы «Формирование антиманипулятивной компетентности сотрудников исправительных колоний». Её актуальность обуславливалась ростом уровня криминогенности лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы, в том числе такой категории, как осужденные за экономические преступления. Именно в связи с противоправной активностью последних, основанной на манипулятивных воздействиях на окружающих, осложнилась обстановка в колониях и начался рост должностных преступлений и дисциплинарных проступков среди личного состава.

Учитывая, что сотрудники УИС России являются специальными субъектами правовых отношений, а любое их вступление во внеслужебные связи с осужденными рассматривается как факт, требующий, как минимум, дисциплинарно-служебной проверки, были изучены факторы и условия, располагающие к этому, а также личностные особенности контрастных групп персонала: вступавших во внеслужебные связи с осужденными и преданных интересам службы. В качестве психодиагностического инструментария использовались методики: тест «Агрессивность» А. Баса — А. Дарки, «Шкала ситуативной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина [12], Проективный тест «Отношение к Другому» (МИРП) [13]. Программа профилактики внеслужебных связей сотрудников с осужденными разрабатывалась по методической модели «постдиагностический тренинг-коррекция» [14].

В ходе исследования выявлено, что одним из ключевых моментов вступления сотрудников во внеслужебные связи с осужденными выступают наличие у исправительных учреждений недостаточного финансово-материального обеспечения и использование данного обстоятельства осужденными за экономические преступления, которые обладают способностью решать свои проблемы путем применения манипулятивных воздействий на людей. При этом манипуляциям осужденных присущ ряд специфических признаков, которые установлены в сравнении с данными исследований зарубежных (Э. Берн, 1956; Г. Франке, 1963; Дж. Маркс, 1979, Э. Шостром, 1992 и др.) и отечественных (Г.В. Грачев, 1998; Е.Л. Доценко, 1997; Л.И. Рюм-

шина, 1997; С.Г. Кара-Мурза, 2000; Г.Г. Почепцов, 2000; О.Р. Онищенко, 2005 и др.) ученых:

1) демонстрация осужденными открытости во взаимодействии с сотрудником колонии и аргументированность заявления о возникновении у них объективной, жизненно важной проблемы, но одновременно скрытность истинной цели, носящей противоправный характер. В итоге именно «психологическая закамуфлированность» воздействия в общении устремляет внимание сотрудника только в просоциально значимом направлении;

2) для повышения доверительности осужденные во взаимодействии с сотрудниками нейтрализовывали у последних паттерны профлюальности и имеющиеся психологические защиты, а также происходило подключение к парциально-эгоистичным субличностям человека через соблазн;

3) осужденными задействовались у сотрудников элементы мотивации более низкого уровня (прежде всего житейско-бытовой), чтобы их действия прагматизировались и содействовали цели, важной манипулятору;

4) у сотрудников, на которых воздействовали, дополнительно создавали впечатление, что они поступают мудро и в собственных интересах.

Сравнение поведенческих особенностей контрастных групп сотрудников УИС — преданных интересам службы и вступивших во внеслужебные связи с осужденными — показало, что конструктивное, остающееся в правовых рамках обращение с осужденными возможно лишь при наличии у персонала направленности личности, позволяющей в общении эффективно осущест-

влять «отделение через соединение» (по терминологии М.Ш. Магомед-Эминова [15]). При этом благодаря социально-психологической компетентности персонал способен, с одной стороны, соблюдать в полной мере права человека в условиях лишения свободы и быть диалогичным во взаимодействии с осужденными, а с другой — реализовывать ответственное дистанцирование от манипулятивных воздействий осужденных и показывать им неконструктивность подобного поведения при нахождении в колонии [16].

Психодиагностическое обследование сотрудников, вступавших во внеслужебные связи, показало, что для 63% из них по данным шкалы «Оп» теста «Отношение к другому» типично построение поведения с ориентацией на «цель личного успеха», а не «успеха дела. Кроме того, одновременно у 53% сотрудников, вступавших во внеслужебные связи с осужденными, выявлен высокий показатель физической агрессии, а у 62% — вербальной агрессии. Это может свидетельствовать о предрасположенности данной категории сотрудников подбирать окружение вокруг себя и проявлять жесткость по отношению к противникам, в том числе путем активного преодоления их сопротивления. Данный вывод базируется на выявлении у 69% указанной категории сотрудников высокого уровня ситуативной тревожности. В беседах с ними установлено, что тревожность возникала как реакция на различные профессионально-психологические стрессоры, в том числе из-за постоянного ожидания агрессивной реакции или негативной оценки со стороны окружающих, воспринимаемых как угроза их самоуважению или статусу.

Выявленные объективные и субъективные детерминанты, предрасполагающие сотрудников колоний к вступлению во внеслужебные связи с осужденными, позволили разработать Программу тренинга формирования антиманипулятивной устойчивости личности, избрав следующие ориентиры:

1) раскрытие сотрудникам сущности манипулятивных воздействий и психотехнических особенностей их реализации осужденными при взаимодействии с персоналом колонии;

2) коррекция у сотрудников неблагоприятных для профессионально-служебной деятельности установок и личностных особенностей;

3) формирование и совершенствование у сотрудников навыков антиманипулятивного поведения в различных ситуациях.

Указанные целевые ориентиры предопределили следующие методические задачи при реализации Программы тренинга:

- раскрытие сотрудникам психологических закономерностей манипуляции. Обеспечивается через информирование личного состава на разноплановых примерах, имевших место в практике колоний, чтобы в итоге возникло понимание того, что манипуляции осужденных, с одной стороны, могут быть весьма разными по форме и степени интенсивности (от уловок и ситуативной лжи до скрытого стимулирования определенных факторов мотивации и «промывания мозгов» сотрудников [18]), а с другой — манипулятивные воздействия необходимо отличать от случаев затрудненного общения с осужденными, которые, являясь антисоциальными личностями, часто создают сотрудникам ко-

лоний проблемы в профессиональной деятельности;

- *обеспечение профессионально-личностного самопознания сотрудников и повышение их уверенности в себе.* Развитие адекватной самооценки, уверенности в себе и навыков асертивного поведения, то есть способности говорить «НЕТ» и поступать в соответствии с личными убеждениями и профессионально-должностной позицией;

- *принятие сотрудниками ответственности за свои мысли, чувства и поступки.* Развитие чувства субъектности, так как поступки должны определяться не автоматической эмоциональной реакцией на ситуацию, а быть интернальным проявлением чувства долга и потребностей собственного Я;

- *формирование у сотрудников навыков рефлексии и эмпатии для выявления манипулятивных воздействий.* Чтобы адекватно понимать, что происходит, сотрудник должен уметь за внешне происходящим различать смысл и руководствоваться правилом «Ищи, кому выгодно»;

- *развитие умения владеть собой в психологически напряженных (экстремальных) ситуациях.* Для конструктивного противостояния эскалации манипулятивных воздействий сотрудникам нужны навыки эмоционально-волевой саморегуляции, позволяющие снимать излишнее напряжение, преодолевать нерешительность и скованность, осуществлять самомотивацию.

Тренинг по повышению антиманипулятивной компетентности сотрудников был апробирован в колонии УФСИН по Тульской области, где имелось наибольшее число возбужденных уголовных дел и фактов служебных проверок в отно-

шении персонала за неслужебные связи с осужденными. В организационно-содержательном плане для участия в тренинге была сформирована экспериментальная группа из 12 сотрудников, имевших дисциплинарные взыскания, с ними в течение 11 занятий проводили групповой постдиагностический тренинг-коррекцию (продолжительность занятия — 2,0–2,5 часа). Тематический план тренинга представлен в таблице.

Результаты психодиагностического обследования после проведения полного цикла занятий по программе тренинга показали, что у 41% участников, прошедших тренинг, снизился показатель ситуационной тревожности, а у 54 и 27% снизились показатели соответственно вербальной и физической агрессии. Использование метода включенного наблюдения позволило обнаружить в поведении сотрудников после участия в тренинге следующих значимых изменений: повысились ответственность и дисциплинированность, уверенность в себе и своей профессиональной позиции. Кроме того, как отметили в рамках опроса сотрудники — участники тренинга, в процессе занятий они научились регулировать свое эмоциональное состояние, справляться с излишним волнением, скованностью, нерешительностью, что позитивно повлияло на их взаимоотношения с осужденными и сотрудниками. Также участники тренинга отметили заметное улучшение семейных отношений.

Контрольная проверка работы всех служб учреждения, в котором проводилось апробирование тренинговой программы, показала улучшение показателей служебно-профессиональной деятельности. Учитывая, что мониторинг социально-психологического климата в

Тематический план тренинга «Формирование антимаанипулятивного поведения сотрудников ФСИН России»

Тема занятия	Задачи занятия	Применяемые формы и методы обучения
1. Знакомство и апробирование правил конструктивной работы в группе	Знакомство с нормами и правилами поведения в группе; создание психологической атмосферы и доверительных отношений; групповое сплочение	Комментарий психолога-тренера; психотехнические групповые упражнения; групповая дискуссия
2. Расширение представлений о себе	Расширить представление участников о себе, осмыслить сильные и слабые стороны личности. Повысить чувство внутренней уверенности и доверия к самому себе. Развитие навыков позитивного мышления	Психодиагностика и психологический комментарий; рефлексия и эмпатия; психотехнические упражнения
3. Принятие себя	Развить способность к самоанализу, к выделению глубинных и внешних свойств личности. Формирование положительного отношения участников к себе и адекватной профессионально-должностной позиции	Психотехнические упражнения для развития рефлексии и эмпатии, психологический комментарий, групповое обсуждение
4. Самопрезентация и конструктивные отношения с окружающими	Конструктивное самораскрытие как способ гармонизации внешнего и внутреннего «Я». Развитие профессиональной самопрезентации и навыков построения конструктивных отношений с окружающими	Психологический комментарий по затруднениям в межличностном общении; психотехнические упражнения, групповое обсуждение
5. Знакомство с феноменом манипуляции. Механизм, формы и приемы манипуляций	Ознакомить участников с понятием «манипуляция», его механизмом, формами и приемами. Помочь участникам осознать эмоциональное состояние, возникающее в момент давления со стороны	Психотехнические упражнения, групповое обсуждение, рефлексия и эмпатия
6. Манипулятивные сценарии и сопротивление психологическому давлению	Раскрыть сценарии и способы манипулятивного воздействия. Показать на примере ролевой игры механизм манипулирования и обучить навыкам сопротивления.	Ролевая игра, групповое обсуждение, рефлексивный анализ сценариев манипуляций, упражнения со сменой ролей
7. Защита от манипуляций	Сформировать умение отличать манипуляцию от просьбы и требования. Обучить психотехникам защиты от манипуляций	Психотехнические упражнения, психологический комментарий; групповое обсуждение, проигрывание ситуаций со сменой ролей; рефлексия
8. Преодоление манипуляционных ловушек: кто в них попадает и как их избежать	Сформировать у участников толерантность и умение говорить «Нет!». Совместная выработка участниками памятки антимаанипулятивного поведения	Психотехнические упражнения; обсуждение правил асертивного и антимаанипулятивного поведения
9. Я всегда хозяйин своей судьбы, или с кем не получается манипулировать	Раскрыть суть и техники эмоционально-волевой регуляции. Ознакомить участников со способами самоуправления в сложных (экстремальных) профситуациях	Психотехнические упражнения; диспут; экспресс-диагностика; ресурсная релаксация; сочинение.
10. Я профессионал, и я себя уважаю	Помочь участникам осознать профпозицию в обращении с осужденными и индивидуальный стиль поведения	Психодиагностика, психотехнические упражнения, диспут
11. Манипуляции в колонии: я знаю их в лицо	Закрепление знаний и навыков антимаанипулятивного поведения	Рефлексивный анализ ситуаций из практики. Составление индивидуального плана профразвития

учреждении привел к улучшению и интегрального показателя с $K = 3,9$ (средне-благоприятный) до $K = 5,2$ (благоприятный), то руководством УФСИН по Тульской области было принято решение снять данное учреждение с особого контроля как подразделение со сложной оперативной обстановкой.

С 2007 г. программа «Антиманипулятивное поведение и его формирование у сотрудников УИС» стала проводиться во всех подразделениях УИС Тульской области. С 2010 г. занятия по программе «Формирование антиманипулятивной компетентности у сотрудников ФСИН России» включены в учебный процесс системы первоначальной профессиональной подготовки в учебном центре УФСИН по Тульской области. Объективным показателем эффективности проведения занятий по данной программе стало снижение количества внеслужебных связей сотрудников с осужденными по всему территориальному управлению: если в 2006 г. было зарегистрировано 8 случаев, то в 2007 и 2008 гг. лишь по 1 случаю, а в 2009–2011 гг. — по 2 случая.

Внедрение раскрытой в настоящей публикации Программы формирования антиманипулятивного поведения у пенитенциарных сотрудников произошло в последние годы в учреждениях еще 7 регионов России (в колониях Белгородской, Калужской, Курской, Московской, Ростовской, Тверской и Челябинской областей) и также дало позитивные результаты. Однако в целом по УИС России, несмотря на активное внесение прогрессивных новаций в действующие Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы РФ, принятие Концепции развития уголовно-исполнительной системы Рос-

сийской Федерации до 2020 г. и повышение оплаты труда сотрудников, не происходит коренного снижения числа коррупционных преступлений личного состава ведомства [20]. В связи с этим нами подерживается позиция пенитенциарных психологов (Д.В. Сочивко, А.Н. Сухов и др.) о том, что сегодня необходим системный подход к оптимизации функционирования института наказания в России, в том числе на основе как совершенствования психологического обеспечения процесса исправления осужденных, так и возвышения нравственно-личностного и профессионального потенциала сотрудников УИС [21, 22, 23, 24, 25].

Литература

1. Поздняков В.М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность : монография. М., 2000.
2. Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии : монография. М., 2000.
3. Минимальные стандартные нормы обращения с осужденными, утвержденные Генеральной Ассамблеей ООН (1955 г.). М., 2004.
4. Декларация ЮНЕСКО «Принципы толерантности» (1995 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Хартия Европейского Союза об основных правах (2000 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Поздняков В.М. Методологические и теоретические основы юридической психологии : лекция. Рязань, 1997. С. 27–33.
7. Огородников В.И. Руководитель в пенитенциарной системе: управление, право, психология. М., 2006. С. 55–56.
8. Большой словарь иностранных слов в русском языке. М., 1998. С. 21.
9. Сочивко Д.В., Литвишков В.М. Пенитенциарная антропология. Опыт систематизации психолого-педагогической теории и практики в местах лишения свободы. М., 2006. С. 6–10.
10. Дежурова Е.В. Психология трудностей профессионального общения психологов исправительных учреждений с осужденными мужского и женского пола : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2009.
11. Харрис Дж. Коучинг: личностный рост и успех. СПб., 2003. С. 15.
12. Сборник методов и методик, применяемых

при проведении мероприятий профессионального отбора военных специалистов. М., 1997. С. 462–469.

13. Александров Ю.В. Методики диагностики отклонений взрослого человека: роли, позиции, нравственная сущность. М.; Воронеж, 2001.

14. Парыгин Б.Д. Постдиагностический тренинг-коррекция : практикум по социально-психологическому тренингу. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1997. С. 116–158.

15. Магомед-Эминов М.Ш. Трансформация личности. М., 1998.

16. Петухов Е.В. Психологическая помощь осужденным в самовоспитании : учеб. пособие. М., 1998;

17. Онищенко О.Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.

18. Brown J.A.C. Techniques of persuasion. Harmondsworth, 1963.

19. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.

20. Гаврина Е.Е., Горностаев С.В., Холопов В.А. Коррупционная деструктивность личности сотрудников правоохранительных органов : монография. М.: АНСТ и МСУ, 2010.

21. Актуальные проблемы психологии пенитенциарной психологии : монография / под ред. Д.В. Сочивко : в 2 т. Рязань: Академия ФСИН России, 2013.

22. Сухов А.Н. Социально-пенитенциарная психология: теоретические и прикладные аспекты // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 8–12.

23. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н. Восьмой научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» проблемы массового сознания: управление и манипулирование на границе правового поля // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 145–149.

24. Сочивко Д.В. Духовные ориентиры в практике психологического консультирования (осужденных), постановка проблемы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 2. С. 23–31.

25. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Г. И. Аксенова, Е. Н. Кожевникова

Аннотация: в статье дан анализ теоретических подходов к изучению жизненных стратегий несовершеннолетних осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Приведены статистические данные о количестве осужденных несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Обозначены актуальность научного исследования и необходимость создания психолого-педагогической программы формирования жизненных стратегий несовершеннолетних, осужденных условно. Дано определение терминам «стратегия» и «жизненная стратегия». Определены основные направления изучения жизненных стратегий в зарубежной и отечественной философии и социологии. Проанализированы подходы к изучению жизненных стратегий в зарубежной и отечественной психологии. Выделены особенности изучения жизненных стратегий в психоаналитическом, гуманистическом когнитивно-бихевиоральном подходах, а также в теории казуальной атрибуции и транзакционном анализе. Освещены базовые в методологическом плане положения при изучении феномена жизненной стратегии отечественных психологов С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской и других. Сделан акцент на психолого-педагогическом направлении изучения жизненных стратегий в работах

Г.А. Чередниченковой и В.Н. Шубкина, С.С. Гриншпуна, Л.И. Анцыферовой, Л.И. Божович, И.С. Кона, Д.И. Фельдштейна, Г.И. Аксеновой и др. Выявлены особенности изучения личности заключенного в историческом аспекте. Выделены основные направления изучения личности несовершеннолетних осужденных современными пенитенциарными исследователями. Обосновано, что исследование феномена жизненной стратегии несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, требует комплексного подхода, учета личностных, криминально значимых, психолого-педагогических и средовых условий и факторов. Статья будет полезна специалистам по общей, юридической и педагогической психологии, молодежной политике и всем интересующимся проблемами формирования жизненных стратегий.

Ключевые слова: стратегия, жизненная стратегия, условно осужденный несовершеннолетний, подросток, жизненный путь, смысл жизни, ответственность, активность.

Первоочередной и наиболее важной целью исполнения уголовного наказания является исправление осужденных, которое подразумевает формирование готовности и способности вести правопослушный образ жизни. В Концепции развития уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации

до 2020 года поставлена задача усилить психолого-педагогическую работу с осужденными «в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения» [1].

Количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними, по-прежнему остается на достаточно высоком уровне, что традиционно привлекает внимание ученых и практических работников правоохранительных органов. Статистические данные о состоянии преступности среди лиц подросткового и молодежного возраста согласно отчету УИИ-1 ФСИН России за 2013 г. и начало 2014 г. не перестают вызывать тревогу.

Так, в 2013 г. на территории Российской Федерации отбывали уголовное наказание без изоляции от общества 27 374 несовершеннолетних, из них поставлено на учет за 2013 г. 16 671 человек [2]. На основании данных о находящихся на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ) несовершеннолетних в 2014 г. можно увидеть относительную динамику снижения общего количества осужденных несовершеннолетних с 10 703 человек (на 01.01.2013) до 8 815 человек (на 01.01.2014), однако утверждать о стабильности этого снижения мы не можем. Уровень преступности среди лиц несовершеннолетнего возраста, на наш взгляд, по-прежнему остается высоким.

Сегодня перед сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций в отношении несовершеннолетних наряду с выполнением основной функции контроля за исполнением уголов-

ных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, ставятся такие важные психолого-педагогические задачи, как осознание и принятие собственных и общественных норм, ценностей, целей, смыслов; обучение стратегическому планированию и организации собственной жизни, умению варьировать способы достижения профессиональных, семейных и личных целей, и многие другие.

На наш взгляд, эти задачи могут быть частично или полностью решены при создании и внедрении в деятельность уголовно-исполнительных инспекций психолого-педагогической программы формирования жизненных стратегий несовершеннолетних, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества.

Рассматривая этимологию термина «стратегия», можно увидеть, что он восходит к древнегреческим *stratus* — «войско» и *agein* — «вести». На протяжении многих тысячелетий термин «стратегия» использовался лишь в военной лексике [9, с. 216]. Сегодня понятие «стратегия» применяется во многих областях наук и интерпретируется по-разному. В психологическом словаре понятие «жизненная стратегия» определяется как «форма целенаправленной организации человеком собственной жизни, включающая его отношение к собственным возможностям и ресурсам, их актуализации и реализации» [5, с. 131]. В психологической науке это же понятие в основном рассматривается в рамках общей теории личности и тесно переплетается с такими понятиями, как «жизненный путь», «жизненные сценарии», «жизненные планы», «временная перспектива», «образ будущего», и другими. Однако в отличие от схожих по своему смыслу

перечисленных понятий словосочетание «жизненная стратегия», по нашему мнению, включает их в себя в виде внутренних структурных компонентов и отличается наиболее полным соответствием требованиям современных условий жизни, где выбор жизненной стратегии предполагает не только сознательное и планомерное отношение личности к своей жизни, но и возможность рационального ее изменения в соответствии с личным жизненным планом и меняющимися социокультурными условиями.

Анализ имеющихся публикаций свидетельствует, что в историческом аспекте общим моментом в психолого-педагогических исследованиях жизненных стратегий личности как в отечественной, так и зарубежной психологической и педагогической науке, являлись попытки опереться на философские взгляды, раскрывающие феномен жизненной стратегии в категориях «смысл жизни», «цель жизни», «предназначение» и т. д. Смыслы и цели человеческого существования, трактующие понятие жизненной стратегии в древних и современных философских воззрениях (Аристотель, Эпикур, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Л. Витгенштейн и др.), не разделялись личной значимостью и чаще носили внешне детерминируемый характер. Позднее философы-прагматики предложили вместо поисков истины жизни искать полезное понимание жизни. В контексте исследования формирования жизненных стратегий нам близки позиции представителей философии экзистенциализма (А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс, С.О. Кьеркегор), отстаивающие самостоятельность, активность и ответственность самой личности за всю свою жизнь [13, с. 98].

В отечественных научных философских публикациях проблема формирования жизненных стратегий чаще рассматривается как эτικο-нравственное и личностно-определяемое явление и исследуется в структуре нравственного сознания (В.С. Марков (1969), А.Г. Спиркин (1972), А.П. Ореховский (1978), П.В. Алексеев, А.В. Панин (2003) и др.).

В социологической науке истоками многочисленных исследований жизненных стратегий послужили элементы концепции стратегического поведения М. Вебера, методология Э. Дюркгейма, концепция субъективности и интерсубъективности поведения личности (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), теоретические положения В.Н. Шубкина, В.Т. Лисовского и других.

В зарубежной психологии жизненные стратегии с различных позиций рассматривались в психоаналитическом, гуманистическом когнитивно-бихевиоральном подходах, а также в теории казуальной атрибуции и транзакционном анализе.

Психоаналитическое направление (З.Фрейд, А. Фрейд, К. Хорни, Э. Фромм и др.) отводит решающую роль в детерминации выбора жизненной стратегии человека подсознательным силам. Исследование жизненных стратегий в данном подходе ориентировано в основном на изучение защитных механизмов, лежащих в бессознательной сфере психики, дальнейшее развитие которого шло в рамках сценарного подхода и транзакционного анализа (Э. Фромм, Э. Берн). Развивая некоторые положения концепции транзакционного анализа, современные исследователи Е.П. Варламова и С.Ю. Степанова определили, что активность личности формируется стихийно в

детстве и в течение жизни эта тенденция может угасать, а в зрелом возрасте человек как бы вспоминает о собственном потенциале и уже осознанно избирает ценности собственного бытия. Способность человека обходить социальные стереотипы, мыслить и действовать нешаблонно позволяет ему развиваться и занять свое место в жизни.

Бихевиоральный подход (Б.Ф. Скиннер, Д. Вольпе, Г.Ю. Айзенк, А. Бандура и др.) в рамках изучения проблемы жизненных стратегий личности претерпел разноплановую методологическую интерпретацию в оперантном бихевиоризме Б.Ф. Скиннера и когнитивно-бихевиоральной теории социального научения А. Бандуры. Б.Ф. Скиннер отрицал свободу воли и автономию личности, а ответственность за поведение человека возлагал на окружающую среду [6, с. 97]. Иного мнения придерживался А. Бандура, по мнению которого главным в определении стратегии поведения человека является его способность мыслить и познавать, а фактору окружающей среды уделяется меньшее внимание. Бандура определил, что человек в большей степени будет стремиться к проявлению собственной саморегуляции, если возьмет на себя ответственность за собственные неудачные или неправильные действия. Он объяснил это действием двух механизмов саморегуляции — выбором включением и отключением внутреннего контроля. Данное положение дает нам основание предположить возможное наличие у несовершеннолетних условно осужденных второго механизма, который способен уменьшить ответственность личности за выбор собственной жизненной стратегии, если она морально оправды-

вает свои действия или отказывается признавать причинно-следственную связь между своими действиями и их результатами. Анализ публикаций (А. Бек, А. Эллис, У. Драйден, Д. Мейхенбаум и др.) показывает эффективность применения когнитивно-бихевиорального подхода в практической психологии. Мы разделяем некоторые позиции данного направления, признавая, что осознание и принятие личной ответственности является одним из необходимых психологических направлений проведения психокоррекционной и просветительской работы с несовершеннолетними, осужденными условно.

Идеи когнитивных психологов оказали существенное влияние на возникновение и развитие атрибутивной теории в изучении жизненных стратегий. Развивая идеи артибуции Ф. Хайдера, положения Э. Джоунса и К. Дэвиса, Дж. Роттер разработал «концепцию локуса контроля», где доминантным в поведении человека может быть один из двух видов контроля: внутренний (интернальный) и внешний (экстернальный). По мнению автора, локус контроля, являясь устойчивым свойством личности, дает возможность точного прогнозирования поведения человека. Однако впоследствии это утверждение привело исследователей к заблуждениям и послужило основанием дальнейшей проработки теории локуса контроля К. Уоллстоном. Другой путь развития когнитивного направления в изучении жизненных стратегий избрал Дж. Келли. В качестве материала для «конструктов» жизненных стратегий он выбрал умозаключения (убеждения). Формируя содержательную сторону мотивации человека, «конструкты» (или «смыслы») образуют некие связи

(или матрицы), определяющие в дальнейшем его жизненную стратегию.

Наиболее интересным для нас представляется один из вариантов развития направления теории атрибуции — каузометрический психолого-биографический анализ. Его суть заключается в психологической реконструкции системы причинно-целевых связей между жизненными событиями, свойствами личности и значимыми людьми, что в конечном счете выполняет функцию долговременной регуляции и согласования жизненных замыслов и поступков человека. На теории казуальности построена причинно-целевая концепция А.А. Кроника и Е.И. Головахи, получившая свое отражение и в пенитенциарной психологической практике [8, с. 107].

Основополагающая идея в изучении жизненных стратегий гуманистического направления (А. Маслоу, К. Роджерс) заключается в осознанном стремлении к максимально возможному раскрытию своего творческого потенциала и самоактуализации. В гуманистическом направлении, в отличие от психоаналитического и бихевиорального, изучению подвергается целостная природа психической жизни человека, акцентируется внимание на проблеме личностного выбора и определения смысла существования человека. Свобода выбора, ответственность, ценности обусловлены центральными изучаемыми понятиями гуманистического направления в исследовании жизненных стратегий.

Базовыми в методологическом плане в изучении феномена жизненной стратегии в отечественной психологии являются положения С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-

Славской, Г.И. Аксеновой и других.

Следует отметить, что понятие «жизненная стратегия» длительное время не относилось к категории психологических и в основном исследовалось более обширное, на наш взгляд, понятие «жизненный путь». Одним из первых, кто обратился к концепции жизненного пути и дал ее стратегическое определение, был С.Л. Рубинштейн. Проанализировав работы Ш. Бюллер, раскрывающие исторический аспект жизненного пути человека через его личностное «самосуществование», Рубинштейн предположил, что «сущность человеческой личности находит свое завершающее выражение в том, что она не только развивается, как всякий организм, но и имеет свою историю» [11, с. 127]. В середине 50-х годов XX века С.Л. Рубинштейном впервые была предложена идея субъектности, согласно которой человек активно строит условия своей жизни и свое отношение к ней. Определяющими факторами формирования жизненной стратегии в его теории выступают творчество и активность субъекта. Сознание и зрелость рассматриваются как «высшие личностные образования», выполняющие организационные, регуляторные и обеспечивающие функции человека как субъекта деятельности. В рамках субъектно-деятельностного подхода Рубинштейн выделил следующие признаки стратегий жизни: выбор основного направления, способа жизни; определение главных целей, этапов их достижения; творчество; соединение потребностей и целей в жизненных ценностях; разрешение противоречий в жизни; достижение поставленных целей. На основании этого можем заключить, что для этого ученого стратегия жизни — поня-

тие, рассматриваемое в концепции личности в качестве субъекта жизненного пути, организатора, регулятора времени и событий, способного преодолевать жизненные трудности. Раскрывая генетический принцип развития (Л.С. Выготский, Ж. Пиаже), Рубинштейн также говорил о возможности целенаправленной организации образовательного процесса, который создает возможность «изучать детей, обучая их» [11, с. 54].

Дальнейшее изучение жизненного пути продолжил в 60-х годах XX века Б.Г. Ананьев. В результате масштабного лонгитюдного исследования личности и детальной проработки ее жизненного пути, им были определены возрастная периодизация и онтогенез развития личности. В описание жизненных стратегий он включал сложный и долговременный характер активности субъекта, определенный приспособительный характер поведения, ориентацию на достижение далеких целей.

Кроме того, одним из основных методологических ориентиров нашего исследования является работа К.А. Абульхановой-Славской «Стратегия жизни» [3], где, используя комплексный подход, она дала наиболее обобщенное определение понятия «жизненная стратегия», описав ее как поиск, становление и реализацию личности в жизни, с учетом ее способности к соединению внешних жизненных условий и требований с внутренними ценностями, активностью, развитием и самоутверждением. К.А. Абульханова-Славская, развивая концепцию С.Л. Рубинштейна и определив личность в качестве активного субъекта своей жизни, выделила три главных признака жизненной стратегии: выбор способа жизни, разрешение противо-

речия «хочу–имею» и создание условий для самореализации, или творческий поиск. Автор заключила, что в зависимости от личностной активности (внутреннего фактора) и типа временной организации (внешнего фактора) каждая личность способна строить стратегию жизни с учетом своих возможностей. Статус личностной зрелости приобретается человеком в случае установления им определенного уровня удовлетворенности материальными благами и перенаправлением жизненной энергии на другие цели.

Психолого-педагогическое направление изучения жизненных стратегий можно проследить в работах Г.А. Чередниченко и В.Н. Шубкина, С.С. Гриншпуна, Л.И. Анцыферовой, А.В. Кучеренко, Л.И. Божович, И.С. Кона, Д.И. Фельдштейна, Г.И. Аксеновой и других, посвященных изучению направленности на будущее, планированию, выбору адекватных средств и ресурсов, необходимых для их достижения как неотъемлемых частей развития личности. В нашем конкретном случае формирование жизненной стратегии представляет собой центральную линию развития личности в старшем подростковом возрасте. В то же время отмечается, что этот период является наиболее сенситивным для становления ответственного осознанного отношения к формированию собственной жизненной стратегии [12].

В исследованиях Г.А. Чередниченко и В.Н. Шубкина жизненная стратегия, смысл и цели жизни вырабатываются в процессе профессионально-личностного самоопределения личности. Осознанность жизненных целей, четкость и конкретность жизненной стратегии являются факторами успеш-

ности профессионально-личностного самоопределения для каждого человека. Аналогичной позиции придерживаются С.С. Гриншпун, Л.И. Анцыферова, рассматривая профессиональное самоопределение в контексте жизненного пути личности как процесс, неразрывно связанный с жизненным самоопределением. Взаимосвязь самоопределения личности в профессии и в жизни, а также построение социокультурной среды, в которой она осуществима, рассматривается и такими авторами, как М.Р. Гинзбург, А.А. Бодалев, Б.С. Гершунский, Ю.Н. Кудряков, Г.С. Сухобская и др.

Возрастные аспекты самоопределения широко раскрыты Л.И. Божович. В своих работах она показывает, что выбор жизненной стратегии, самоопределение представляют собой аффективный центр жизненной ситуации старших школьников, возникающий на рубеже старшего подросткового и юношеского возраста, когда актуализируется потребность в формировании определенной смысловой и ценностной системы, определяющей, в свою очередь, сформированность внутренней позиции взрослого человека.

Проблеме изучения и развития личности подростков в психолого-педагогическом направлении, созданию концепции социально-нормативной периодизации формирования личности, психологическим условиям коррекции отклоняющегося поведения подростков посвящены многочисленные научные труды российского педагога и психолога Давида Иосифовича Фельдштейна. В одной из своих статей он акцентирует внимание на необходимости проведения фундаментальных исследований, раскрывающих внутренний мир расту-

щего человека, его переживания, стремления, сомнения, нравственные установки и прочее [14]. В его работах прослеживаются положения теории субъектного развития личности и подчеркивается необходимость комплексного изучения личности подростка с учетом современных требований и норм жизни.

Аналогичного подхода придерживается Г.И. Аксенова, которая в своих работах особо выделяет значимость развития субъектных характеристик личности с учетом психолого-педагогических условий их формирования [4].

На психологическую основу выбора стратегии поведения в жизни личности обращает внимание И.С. Кон. В своей работе «Открытие "Я"» он определяет, «что у человека есть внутреннее единство (поведенческое, мотивационное, сознательное), которое позволяет ему более или менее самостоятельно интерпретировать любую ситуацию и реагировать на нее избирательно, по-своему» [7, с. 77].

Итак, в психолого-педагогических исследованиях жизненных стратегий главное внимание уделяется процессам профессионально-личностного самоопределения, становлению и самосовершенствованию личности как субъекта. В нашем исследовании мы опираемся на указанные направления, расширяя границы прямого психолого-педагогического эксперимента с учетом требований и условий уголовно-исполнительной системы.

Анализируя изложенное, можно заключить, что проблема жизненных стратегий достаточно исследована, однако специфика изучения жизненных стратегий несовершеннолетних условно осужденных раскрыта крайне слабо.

Изучение жизненных стратегий осужденных отечественными психологами ранее специально не проводилось, хотя имеется большой опыт исследования личности и жизни заключенного еще с дореволюционных времен. Одна из первых работ, посвященных исследованию жизненных проблем заключенных и призыву к их решению, принадлежит М.Н. Гернету.

В 20-е годы интерес к личности осужденного возрос и стал приобретать масштабный характер. Начались исследования С.В. Познышева (1925), Ю.Ю. Бехтерева (1928), А.С. Макаренко (1930), Б.С. Утевского, А.П. Евграфова, И.В. Шмарова (1979–1989) и других. Современными пенитенциарными психологами (А.В. Наприс, В.Г. Деев, В.Ф. Пирожков, Л.Ф. Козлова, А.И. Ушатиков, Н.А. Харина, Т.В. Калашникова, А.С. Михлин, Д.В. Сочивко, А.А. Крымов, А.А. Попов, Т.А. Симакова) изучены близкие к нашему исследованию аспекты личности осужденного: характеристики жизненных планов, направленность, жизненные перспективы, волевая активность, установки, ценности, динамика и особенности позитивных трансформаций личности осужденных [10].

Таким образом, теоретический анализ зарубежной и отечественной литературы показал, что проблема исследования жизненных стратегий на протяжении длительного времени оставалась актуальной, а сегодня приобретает особенно выраженный интерес со стороны ученых и практиков в связи с крайне неустойчивыми настроениями в обществе и политическими отношениями в мире. Следует также отметить, что исследование феномена жизненной стратегии несовершеннолетних осужденных

к наказаниям, не связанным с лишением свободы, требует комплексного подхода, учета личностных, криминально значимых, психолого-педагогических и средовых условий и факторов, которые, в свою очередь, послужат основными направлениями психолого-педагогической программы формирования жизненных стратегий, разработку которой мы и планируем осуществить.

Литература

1. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.рф>.
2. <http://фсин.рф>.
3. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. — М., 1980. — 280 с.
4. Аксенова Г.И. Субъектно-деятельностный подход к профессиональному образованию курсантов // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 1. — С. 26–33.
5. Большой психологический словарь / ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. — М.: Феникс, 2009. — 536 с.
6. История современной психологии / под ред. Т. Лихи. — 3-е изд. — СПб., 2003. — С. 299.
7. Кон И.С. Открытие «Я» / И. С. Кон. — М.: Политиздат, 1978. — 367 с.
8. Кроник А.А. Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования / А.А. Кроник // Психология личности и образ жизни. — 1987. — №3. — С. 107–123.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 546 с.
10. Психологическая поддержка позитивных трансформаций личности несовершеннолетних осужденных в облегченных условиях содержания (воспитательных центрах): монография / под общ. ред. Д.В. Сочивко. — Рязань: Академия ФСИН России, 2013. — 160 с.
11. Рубинштейн С.Л. Самосознание личности и ее жизненный путь / С.Л. Рубинштейн // Психология личности. — 1982. — С. 127–132.
12. Симакова Т.А. Некоторые теоретико-методологические аспекты гуманизации и ресоци-

ализации несовершеннолетних осужденных: постановка проблемы // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 1. — С. 11–15.

13. Скирбекк Г. История философии: учеб. пособие для студ. вузов / Г. Скирбекк, Н. Гилье. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. — 378 с.

14. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития / Д.И. Фельдштейн // Проблемы современного образования. — 2010. — № 2. — С. 4–12.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, СКЛОННЫХ К ПРОТИВОПРАВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

М. И. Марьин, А. А. Бочкова

Аннотация: Несмотря на принимаемые организационные меры, направленные на совершенствование работы с личным составом через нормотворческую деятельность, число правонарушений и преступлений среди сотрудников не снижается. Противоправное поведение может быть обусловлено различными факторами. В данной статье внимание уделено влиянию психологических, характерологических особенностей на осознанную регуляцию личностью своего поведения («оценочное отношение к праву» и «практика применения правовых норм»).

Для достижения поставленных задач в проведенном исследовании были использованы методики, определяющие разные структурные компоненты личностной организации: тест СМИЛ Л.Н. Собчик, смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, мотивации достижения Т.А. Мехрабиана, направленности личности (ориентационная анкета) Б. Басса, показатели экспертной оценки программы «Мониторинг» и внешний критерий служебной деятельности — количество дисциплинарных взысканий. Объем выборки — 321 сотрудник орга-

нов внутренних дел. Стаж службы от 7 до 15 лет.

Основываясь на результатах, полученных с помощью экспертного оценивания руководителей среднего звена на структурных подразделениях системы МВД России, были выделены две группы сотрудников (склонные и не склонные к противоправному поведению). При обработке эмпирических данных для обобщения и систематизации результатов были использованы методы стандартного статистического анализа. Для определения различий между показателями в данных группах использовался критерий Стьюдента (t). Для установления значимости связей между переменными был применен корреляционный анализ по методу Пирсона.

Проведенное исследование позволило выявить психологические особенности сотрудников с риском противоправного поведения. Сотрудники, склонные к противоправному поведению, при низком оценочном отношении к правовым нормам не стремятся нести ответственность за свои поступки и результаты своих действий, не способствуют вытеснению негативно окрашенного

аспекта противоправных действий; позволяют себе реализовывать собственные желания вопреки дозволенным нормативным правилам и законам. Сотрудники, не склонные к противоправному поведению, отличаются большей ответственностью, обязательностью, наличием установки на конгруэнтное поведение. Кроме того, у таких сотрудников-руководителей отмечается постоянство установок и критериев поведения, практичность, принципиальность, выражена направленность на получение результатов деятельности, стремление вести деловое сотрудничество, ориентируясь на соблюдение правовых норм, которые являются значимым критерием их поведения и включены в систему их ценностных ориентаций.

Ключевые слова: личность; сотрудники правоохранительных органов; противоправное поведение; сотрудники, склонные к противоправному поведению; направленность личности; регуляция поведения; психологические особенности; правовые нормы; оценочное отношение к праву; практика применения правовых норм.

Обеспечение законности и правопорядка в обществе является приоритетным направлением деятельности органов внутренних дел. Однако уровень противоправного поведения сотрудников полиции достаточно высок. Следовательно, проблема психологического обеспечения профилактики преступлений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, в том числе коррупционной направленности, является актуальной.

Несмотря на принимаемые организационные меры, направленные на со-

вершенствование работы с личным составом через нормотворческую деятельность, число правонарушений и преступлений среди сотрудников не снижается. По аналитическим данным, значительное число сотрудников привлечено к уголовной ответственности за взяточничество и служебный подлог, превышение должностных полномочий и т. д. Очевидно, для решения подобных проблем необходимо обратиться к личности сотрудника, ее ценностям, установкам, уровню правосознания, психологическим качествам.

В основе поведения личности лежат индивидуально-типологические особенности ее активности, обуславливающие направленность личности (мотивационно-потребностную сферу) и особенности саморегуляции (эмоционально-волевой, когнитивной, ценностно-смысловой).

Противоправное поведение может зависеть от различных факторов. В данной работе внимание будет уделено влиянию психологических, характерологических особенностей на осознанную регуляцию личностью своего поведения [3] («оценочное отношение к праву» и «практика применения правовых норм»).

В процессе любой деятельности важно уделять внимание реализации личностных аспектов взаимодействия человека (В.Л. Васильев). «Для того чтобы понять действительную психологическую природу того или иного свойства, необходимо рассматривать это свойство в личностном аспекте — с точки зрения мотивов и целей этой деятельности. Для реализации личностного подхода требуется исследование каждого отдельного свойства в структуре личности» [1, 15].

Личностные показатели сотрудников в сравниваемых группах

Показатели	Группа I	Группа II	Критерии Стьюдента t	Уровень значимости P
1 шкала СМИЛ	51,71	48,29	2,36	0,02
9 шкала СМИЛ	60,64	56,86	2,15	0,03
Направленность на себя	23,49	20,84	2,52	0,01
Направленность на дело	29,96	32,16	2,32	0,02

Для достижения поставленных задач в проведенном исследовании были использованы методики, определяющие разные структурные компоненты личностной организации: тест СМИЛ Л.Н. Собчик, смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, мотивации достижения Т.А. Мехрабиана, направленности личности (ориентационная анкета) Б. Басса, показатели экспертной оценки программы «Мониторинг» и внешний критерий служебной деятельности — количество дисциплинарных взысканий.

Задачей на данном этапе исследования был поиск психологических особенностей у сотрудников полиции с разными показателями по параметрам «оценочное отношение к праву» и «практика применения правовых норм».

Объем выборки — 321 сотрудник органов внутренних дел. Стаж службы от 7 до 15 лет.

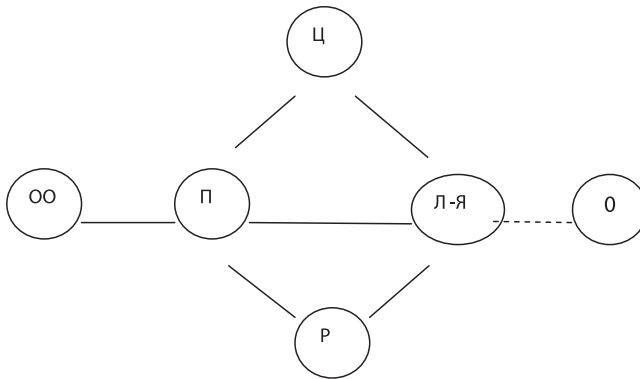
При обработке эмпирических данных для обобщения и систематизации результатов были использованы методы стандартного статистического анализа. Для установления значимости связей между переменными применен корреляционный анализ по методу Пирсона, с помощью которого установили наличие статистически значимых взаимосвязей между переменными «практика применения правовых норм» (ПП), «оценочно-

го отношения к праву» (ОО) (корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$). Для определения различий между показателями в данных группах использовался критерий Стьюдента (t).

Основываясь на результатах, полученных с помощью экспертного оценивания руководителей среднего звена на структурных подразделениях системы МВД России, были выделены две группы сотрудников.

В I группу вошли сотрудники, **склонные к противоправному поведению**, в том числе коррупционной направленности; **во II группу** — сотрудники, **не склонные к противоправному поведению**. Эти группы отличаются между собой индивидуальными психологическими особенностями, выраженными в значениях показателей использованных тестов (табл.).

Анализ выборочных средних в I и II группах сотрудников по показателю «Невротический сверхконтроль» показывает, что сотрудники I группы в большей степени склонны к повышенному вниманию к себе, анализу каждого своего действия, осторожности в поступках, осмотрительности и вытеснению негативно окрашенного аспекта собственных противоправных действий. Следовательно, эти люди отличаются «высокой амбициозностью, которая входит в про-

Рис. 1. Корреляционная связь показателей сотрудников I группы, склонных к деструктивному поведению

Примечание: **ОО** — «Оценочного отношения к праву»; **П** — переменная «Процесс жизни» теста смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (СЖО); **Р** — переменная «Результативность жизни» методики СЖО Д.А. Леонтьева; **Ц** — переменная «Цели в жизни» методики СЖО Д.А. Леонтьева; **Л-Я** — переменная «Локус-контроля Я» методики СЖО Д.А. Леонтьева и **О** — шкала «Социальной интроверсии» методики СМИЛ Л.Н. Собчик

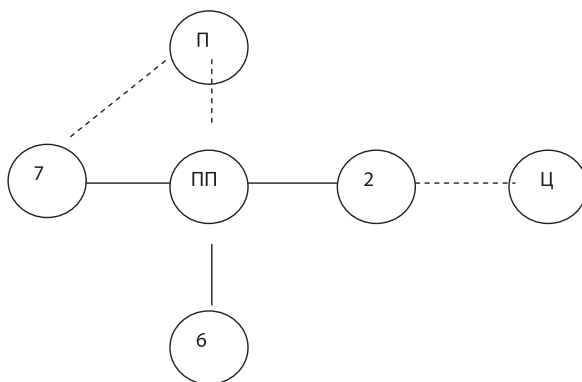
тиворечие с повышенной потребностью соответствовать общепринятым нормам и стереотипу социально приемлемых форм существования» [4, 63], «позволяющих себе реализовывать собственные желания вопреки дозволенным нормативным правилам» [5, 34].

Различие между группами по показателям шкалы 9 «Оптимистичность» свидетельствует о том, что сотрудники I группы в большей степени склонны к повышенной самооценке, непринужденности в общении, беспечности, безответственности, недостаточной сдержанности, преувеличению своих возможностей, легкости в принятии решений, отсутствию приверженности к жесткой схеме в деятельности, они не испытывают затруднений при необходимости перестройки жизненного сценария, что говорит об их стремлении к риску, сорев-

новательности.

Данные таблицы показывают, что сотрудники I группы в большей степени направлены на себя, что может проявляться в крайней прагматичности, практичности в отстаивании собственных интересов, в ориентации на прямое вознаграждение безотносительно выполнения служебных задач; данные лица могут проявлять агрессивность в достижении нужного статуса, властность, склонность к соперничеству. Одновременно они в меньшей степени направлены на дело, следовательно, слабее заинтересованы в решении служебных вопросов, у них менее выражены направленность на получение результатов в деятельности, стремление к деловому сотрудничеству.

В результате корреляционного анализа исследованных психологических

Рис. 2. Корреляционная связь показателей сотрудников 2 группы, не склонных к деструктивному поведению

Примечание: **ПП** — «Практики применения правовых норм»; **П** — переменная «Поощрения»; **Ц** — переменная «Цели в жизни» методики СЖО Д.А. Леонтьева; **2** — шкала «Пессимистичности» методики СМИЛ Л.Н. Собчик, **6** — шкала «Ригидности» методики СМИЛ; **7** — шкала «Тревожности» методики СМИЛ

показателей в двух группах сотрудников были получены следующие взаимосвязи (рис. 1 и 2).

Данные корреляционного анализа позволяют говорить о том, что в I группе сотрудников, склонных к деструктивному поведению, выявлена значимая положительная взаимосвязь показателя «Оценочное отношение к праву» с переменной «Процесс жизни» теста смысло-жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, определяющей, насколько человек воспринимает процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. В свою очередь, переменная «Процесс жизни» имеет положительные связи с другими показателями методики СЖО, с такими, как «Цели в жизни» (определяют наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей в будущем, которые придадут жизни осмысленность, направленность и временную перспективу), «Результатив-

ность жизни» (отражает оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть) и «Локус-контроля Я» (дает представление о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле) [2, 14, 15].

Надо отметить, что высокие показатели переменных **«Цели в жизни»** и **«Процесс жизни»** могут «характеризовать не только целеустремленного человека, но и человека, планы которого не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию» [2, 14], могут говорить о личности, живущей сегодняшним днем.

Переменная «Локус-контроля Я» отрицательно связана со шкалой, характеризующей уровень «Социальной интроверсии», оценивающей уровень вклю-

ченности в социальную среду. Данная взаимосвязь показывает, что сотрудники I группы, имеющие представление о себе как о сильной личности, могут активно включаться в процесс социального взаимодействия, их отличает не принужденность, некоторая поверхностность в контактах. Тем самым при высокой включенности в процесс межличностного взаимодействия осуществляется реализация отношения к нормам права посредством коммуникативного компонента деятельности сотрудников, управленческой деятельности руководителей.

Таким образом, при низком оценочном отношении к правовым нормам сотрудники полиции не стремятся нести личную ответственность за результаты своих действий, компенсируя установленные законом высокие образцы поведения внешней декларацией необходимых качеств с помощью свойственной им коммуникативной активности.

Результаты корреляционного анализа сотрудников II группы показывают, что при высоком уровне показателя «Практика применения» отмечаются высокие показатели по шкалам «Тревозможность», «Ригидность», «Пессимистичность» и низкий уровень показателя ориентации на поощрение по результатам деятельности, что говорит об ответственности данной группы руководителей, обязательности, наличии установки на конгруэнтное поведение. Кроме того, у данной группы руководителей отмечаются постоянство установок и критериев, устойчивость интересов, практичность, принципиальность, скептицизм, при этом они склонны к самокритике, серьезному, взвешиваемому отношению к работе.

Отрицательную взаимосвязь показали переменные «Пессимистичности» и «Цели в жизни». Можно предполагать, что служебную деятельность сотрудники II группы строят, ориентируясь на соблюдение правовых норм, которые являются значимым критерием их поведения и включены в систему ценностных ориентаций сотрудников.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить психологические особенности сотрудников с риском противоправного поведения. Сотрудники I группы при низком оценочном отношении к правовым нормам не стремятся нести ответственность за свои поступки и результаты своих действий; в большей степени склонны к повышенному вниманию к себе, осторожности и осмотрительности в поступках, вытеснению негативно окрашенного аспекта противоправных действий. Они отличаются «высокой амбициозностью, которая входит в противоречие с повышенной потребностью соответствовать общепринятым нормам и стереотипу социально приемлемых форм существования» [4, 63], «позволяющих себе реализовывать собственные желания вопреки дозволенным нормативным правилам» [5, 34].

Сотрудники II группы отличаются большей ответственностью, обязательностью, наличием установки на конгруэнтное поведение. У данной группы руководителей отмечаются устойчивость интересов, постоянство установок и критериев поведения, практичность, принципиальность, серьезное, взвешиваемое отношение к работе. В большей степени они направлены на дело, заинтересованы в решении служебных вопросов, у них отмечается выраженная направленность

на получение результатов деятельности, стремление вести деловое сотрудничество, ориентируясь на соблюдение правовых норм, которые являются значимым критерием их поведения и включены в систему их ценностных ориентаций.

Литература

1. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2005. 655 с.

2. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.

3. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел : метод. пособие / М.И. Марьин [и др.] — М.: ГУКМВД России, 2004. 104 с.

4. Собчик Л.Н. Психодиагностика в медицине. М., 2007. 416 с.

5. Собчик Л.Н. СМИЛ. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности. СПб.: Речь, 2006. 224 с.

ПРОГРАММА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ НАРКОТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОСУЖДЕННЫХ

И. С. Ганишина

Аннотация: В исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России отбывает наказание большое количество наркозависимых осужденных, поэтому важное значение в работе персонала приобретает психопрофилактическое направление. В подразделе «Социальная, психологическая, воспитательная и образовательная работа с осужденными» четвертого раздела Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года указывается на необходимость поиска и внедрения новых индивидуальных форм работы, обеспечивающих оказание адресной социальной, психологической и педагогической помощи каждому осужденному с учетом его социально-демографической, уголовно-правовой и индивидуально-психологической характеристик.

Под психологическим просвещением осужденных автор понимает профи-

лактическую деятельность пенитенциарных психологов, социальных работников, начальников отрядов исправительных учреждений, направленную на расширение кругозора осужденных в области психологического знания и формирование у них положительных установок к принятию психологической помощи.

Рассмотренная авторская программа психологического просвещения призвана реализовывать общую профилактику наркотической зависимости осужденных, в рамках которой пенитенциарными психологами, социальными работниками, начальниками отрядов осуществляются следующие направления работы: информационно-пропагандистская деятельность; развитие адаптивных навыков осужденных; коррекция индивидуально-психологических особенностей личности осужденных, способствующих нар-

Программа предназначена для профилактики наркотической зависимости осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России. Предложена унифицированная авторская модель психологического просвещения осужденных, включающая информационно-правовой, психолого-педагогический и психокоррекционный компоненты оказания помощи осужденным. Структурно программа состоит из следующих блоков: просветительского, психодиагностического, профилактического и психокоррекционного.

Эффективность профилактической работы в исправительном учреждении напрямую зависит от правильно выбранной психолого-педагогической технологии и стратегии профилактики. Автором установлено, что по отношению к осужденному в зависимости от степени наркотической зависимости следует применять различные психологические, медицинские, педагогические, социальные технологии первичной, вторичной и третичной профилактики.

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система; исправительное учреждение; наркотическая зависимость; осужденный; профилактика; профилактика наркотической зависимости; первичная, вторичная и третичная профилактика; психологическое просвещение; технологии; психолого-педагогические технологии; психолого-педагогическая, медицинская, социальная помощь наркозависимым.*

В последние годы проблема наркотизации населения в России является достаточно острой. В 2013 г. правоохранительными органами Российской Фе-

дерации пресечено 231462 наркопреступлений, к уголовной ответственности привлечены 117912 человек, из них более 3 тысяч иностранных граждан. Ежегодно в места лишения свободы попадают 110 тысяч наркопреступников, 150 тысяч привлекаются к административной ответственности, 100 тысяч человек отбывают наказание в виде условного лишения свободы, 140 тысяч осужденных отбывают срок по наркостатьям (ст. 228–234).

По данным Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков в России в настоящее время насчитывается порядка 9 миллионов наркозависимых (из них 3 миллиона — регулярные потребители наркотических веществ, 6 миллионов — эпизодические наркопотребители), количество лиц с опытом употребления наркотических веществ составляет 18 миллионов человек. Как следствие этого, в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы наблюдается ежегодный рост численности поступающих больных с диагнозом «наркомания», составляющий около 12 % [7,8,9,10].

Программа психологического просвещения осужденных по профилактике наркотической зависимости [2] ставит перед собой следующие цели: создать у осужденных негативное отношение к наркотическим веществам; расширить их кругозор; сформировать положительные установки к принятию психолого-педагогической, психокоррекционной, медицинской и иной помощи.

Программа структурно состоит из следующих теоретико-методологических составляющих:

- информационно-правовой компонент — заключается в информировании

осужденного о вреде употребления наркотических веществ для организма человека, психофизиологических изменениях в организме под влиянием наркотиков, социально-правовых последствиях употребления наркотических веществ, уголовной ответственности за распространение наркотиков;

- психолого-педагогический компонент — включает психолого-педагогические технологии воздействия на личность осужденных, предназначенные для изменения жизненных стратегий, форм поведения в социальной среде, формирования недостающих убеждений;

- психокоррекционный компонент — подразумевает использование психокоррекционных технологий воздействия на личность осужденных, предрасположенных к употреблению наркотиков либо находящихся в состоянии длительной вынужденной ремиссии.

Просветительский блок. Важность профилактической работы с осужденными подчеркивается положениями Концепции развития УИС до 2020 года, согласно которой приоритетными задачами являются повышение эффективности социальной и психологической работы, разработка новых форм воспитательного воздействия, усиление психолого-педагогической работы с личностью осужденных.

В рамках реализации просветительского блока программы с осужденными, содержащимися в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы [2], проводятся лекции на темы: «Что я знаю о наркомании?»; «Наркомания и СПИД»; «Наркомания и гепатит»; «Воздействие наркомании на организм женщины в период беременности и ро-

дов»; «Дети наркозависимых»; «Наркофизиология или путешествие в мозг человека»; «Уголовная и административная ответственность за употребление, хранение и распространение наркотиков»; «Здоровый образ жизни как необходимый компонент эффективной ресоциализации и социальной адаптации».

Сотрудниками психологической и медицинской служб, социальными работниками, начальниками отрядов по данным темам рекомендуется чтение лекций осужденным. После прослушивания лекции каждое выступление обсуждается осужденными под руководством лектора и делаются значимые выводы о том, что употреблять наркотические вещества вредно, они оказывают сильный негативный психофизиологический эффект на организм человека, их употребление и распространение противозаконно, наркотические вещества приводят к формированию психической и физиологической зависимостей, заболеваниям СПИДом и гепатитом, дети наркозависимых рождаются с серьезными пороками развития.

В рамках встреч с осужденными в учреждениях УИС персоналу, осуществляющему просветительскую деятельность, целесообразно также рассматривать следующие альтернативы наркотизации: занятия спортом (борьбой, плаванием, дзюдо, самбо, легкой и тяжелой атлетикой); участие в спортивных мероприятиях (играх в волейбол, футбол, лыжных гонках, кроссах, заплывах), физическая подготовка; художественная самодеятельность, танцы; культурные мероприятия (посещение концертов, выставок); расширение кругозора; чтение книг; просмотр и обсуждение кинофильмов.

Таблица 1

Признак	Методика	Шкала	Степень выраженности в стенах
Деформации эмоциональной сферы	ИТО	Lab (лабильность)	8–10
	BDI	Dep (общий уровень депрессивности)	7–10
Экстернальность	УСК	И _е (общий уровень интернальности)	0–3
Психологические защиты	LSI	ПзП (общий уровень психозащитного поведения)	7–10
Наличие целей в жизни	СЖО	Ц (цели в жизни)	0–3
Поиск острых ощущений	ППО	ПО (потребность в острых ощущениях)	7–10
Способность к эмпатии	УЭС	ОУ (общий уровень эмпатии)	0–3
Копинг-стратегии	WSQ	Изб (бегство-избегание)	8–10
		Пл (планирование решения проблем)	0–3
		Дис (дистанцирование)	7–10
Способность к аддиктивному поведению	СОП	Адд (склонность к аддиктивному поведению)	5–10

На базе исправительных учреждений в рамках профилактики наркотической зависимости осужденных рекомендуется также реализация следующих мероприятий:

- проведение Дня здоровья;
- встреч с медицинскими работниками;
- акций «Мы за здоровье», «Скажи наркотикам НЕТ!», «Здоровым быть модно!»;
- организация тематических мероприятий, посвящённых Всемирному дню борьбы со СПИДом (1 декабря), Дню борьбы с наркоманией и наркобизнесом (1 марта), Всемирному дню здоровья (7 апреля), Дню памяти погибших от СПИДа (19 мая);
- круглых столов «Что нужно знать о наркомании и токсикомании», «История и вредные привычки», «Как бороть-

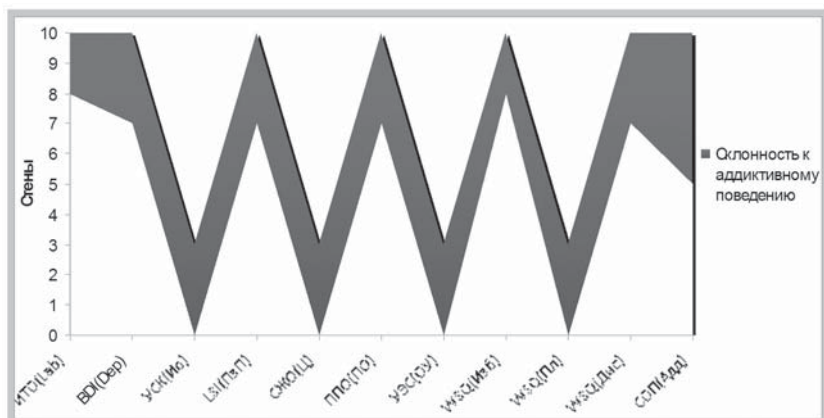
ся с вредными привычками», «Хочешь быть здоровым — будь им»;

- оформление тематических стендов;
- конкурсов плакатов, стенных газет «Здоровым быть здорово!», «Скажи ПАВ — НЕТ!», «Здорова нация — здорова планета», «Наркомания — бич цивилизации»;
- тренингов по формированию здорового образа жизни.

В рамках реализации просветительского блока Программы необходимо, чтобы в исправительном учреждении осужденным были созданы все условия для занятий спортом, художественной самодеятельностью, участия в культурно-массовой работе, саморазвитии.

Психодиагностический блок. Применение психодиагностического блока

Рис. 1. Модель личности осужденного, склонного к аддиктивному поведению

обусловлено выявлением у осужденных психологических особенностей, способствующих возникновению наркотической зависимости, а также препятствующих реабилитации [2].

Для выявления этих особенностей для осужденных взрослого возраста рекомендуется использовать блок следующих методик: Индивидуально-типологический опросник (ИТО) Л.Н. Собчик; Уровень субъективного контроля (УСК) в адаптации Е.Ф. Бажина, А.М. Эткинда; Индекс жизненного стиля (LSI) Д.А. Леонтьева; шкала депрессивности Бека (BDI); Диагностика потребности в поисках ощущений (ППО) М. Цукермана; Оценка уровня эмпатических способностей (УЭС) В.В. Бойко; Опросник способов совладания (WSCQ) R. Lazarus, S. Folkman, 1988 в адаптации Крюкова Т.Л., Куфтык Е.В.

Для несовершеннолетних осужденных рекомендуется использовать методику Диагностика склонности к отклоняющемуся поведению (СОП). Остановимся

на рассмотрении особенностей этих методик более подробно.

Используя степень выраженности наиболее важных параметров предложенных методик [1,3,4,5,6], характеризующих черты аддиктивной личности, представим модель наркозависимой личности осужденного и личности, склонной к наркотической зависимости в виде таблицы (см. Табл. 1).

Процент попадания в указанные интервалы, представленные в таблице и соответствующем ей графике (Рис. 1), указывает на склонность осужденного к наркотической зависимости либо свидетельствует о деформации личности на фоне уже сформированной наркотической зависимости [11,12,13,14].

Профилактический блок. В рамках реализуемой программы [2] пениitenciарным психологам, социальным работникам, начальникам отрядов исправительного учреждения необходимо осуществлять свою профилактическую деятельность комплексно с учетом результатов психологического тестирования осужденных.

По результатам психологического тестирования с осужденными, не имеющими наркотической зависимости, реализуется первичная профилактика; с осужденными, потенциально предрасположенными к употреблению наркотиков — вторичная профилактика; по отношению к наркозависимым осужденным, находящимся в состоянии длительной вынужденной ремиссии — третичная профилактика.

Первичная профилактика (общая профилактика) адресована большинству осужденных, включает комплекс мероприятий, предназначенных для избегания злоупотребления наркотиками, состоит из информационно-просветительской, медицинской и социально-психологической деятельности персонала исправительного учреждения.

Вторичная профилактика предназначена для осужденных, имеющих индивидуально-психологические особенности, способствующие наркотизации личности, включает систему мероприятий, аналогичных раннему лечению.

Третичная профилактика заключается в оказании адресной психолого-педагогической и психотерапевтической помощи, лечении наркозависимых осужденных, находящихся в состоянии длительной вынужденной ремиссии; ее цель заключается в прекращении употребления наркотиков и избегании дальнейших ухудшений в организме человека.

Важно отметить, что эффективность профилактической работы напрямую зависит от правильно выбранной психолого-педагогической технологии и стратегии в отношении осужденного. Под психолого-педагогическими технологиями понимается совокупность при-

емов, операций и средств, направленных на реализацию образовательных, воспитательных и развивающих задач, воздействующих на личность осужденного посредством социальных, психологических и педагогических механизмов, включающих раскрытие индивидуальности, оптимизацию отношений с окружающим миром и самим собой.

Первичная профилактика наркомании осужденных в исправительном учреждении осуществляется посредством следующих стратегий: информирование осужденных о ПАВ, их видах и воздействии на организм, психику и поведение человека и формирование мотивации на гармоничное социально-психологическое и физическое развитие; формирование у осужденных мотивации на социально-поддерживающее поведение; развитие протективных факторов здорового социально эффективного поведения; развитие навыков разрешения проблем, поиска социальной поддержки, отказа от ПАВ.

Психологические технологии первичной профилактики включают в себя: развитие личностных ресурсов; формирование социальной и персональной компетентности; развитие адаптивных стратегий поведения; формирование функциональной семьи.

Социальные и педагогические технологии первичной профилактики осужденных включают в себя: антинаркотическое обучение; использование альтернативных употреблению наркотиков профилактических программ; создание социально-поддерживающих систем (социальные службы, клубы, молодежные организации и т.д.); проведение антинаркотических акций; организация профилактической деятельности соци-

альных работников, волонтеров.

Медицинские технологии первичной профилактики осужденных сложны и осуществляются посредством определения генетических и биологических маркеров поведения и их коррекции на медицинском уровне.

Вторичная профилактика наркомании осужденных осуществляется с применением следующих стратегий: формирование мотивации на социально приемлемое поведение; изменение дезадаптивных форм поведения на адаптивные; формирование и развитие социально-поддерживающей среды.

Психологические технологии вторичной профилактики осужденных включают: осознание формирующейся зависимости от наркотика как личностной проблемы; развитие эмоциональных, когнитивных и поведенческих стратегий; развитие личностных и средовых ресурсов преодоления проблемы формирующейся зависимости от ПАВ (Я-концепции, коммуникативных ресурсов, социальной компетентности, ценностных ориентаций; принятие ответственности за свою жизнь, поведение и его последствия; восприятие социальной поддержки; изменение стереотипов и ролей взаимодействия в семье; формирование психологической резистентности к давлению наркотической среды и др.).

Социальные и педагогические технологии вторичной профилактики осужденных подразумевают под собой: формирование мотивации на полное прекращение употребления наркотиков; формирование мотивации на изменение поведения; формирование социально-поддерживающего поведения и стратегии поиска социальной поддержки в социальных сетях.

Медицинские технологии вторичной профилактики осужденных заключаются в нормализации физического и психического состояния, формировании биохимического и физиологического равновесия личности.

Третичная профилактика наркотической зависимости осужденных осуществляется с применением следующих стратегий: формирование мотивации на изменение поведения; изменение зависимых, дезадаптивных форм поведения на адаптивные; осознание ценностей личности; изменение жизненного стиля; развитие коммуникативной и социальной компетентности; формирование и развитие социально — поддерживающих сетей.

Психологические технологии третичной профилактики наркомании осужденных включают: осознание личностных, экзистенциальных, духовных и нравственных ценностей; осознание личных целей и путей их достижения; осознание влечения и зависимости; изменение жизненного стиля в целом; развитие коммуникативной и социальной компетентности; развитие когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер; развитие личностных ресурсов совладания с зависимостью.

Социальные и педагогические технологии третичной профилактики наркомании осужденных подразумевают: формирование социально-поддерживающей и развивающей среды; развитие социальной компетентности, преодоление искушения наркотизации; формирование мотивации на изменение поведения, прекращение употребления ПАВ и поддержание здоровья; формирование социально-поддерживающей стратегии поиска со-

циальной поддержки в поддерживающей социальной среде.

Медицинские технологии третичной профилактики заключаются в грамотном психофармакологическом вмешательстве при соответствующих терапевтических состояниях, а также в нормализации физического и психического состояния, биохимического и физиологического равновесия.

Таким образом, первичная, вторичная и третичная профилактики наркотической зависимости осужденных носят комплексный, междисциплинарный характер и могут быть реализованы в исправительном учреждении при совместной работе пенитенциарных психологов, социальных работников, начальников отрядов исправительных учреждений, медицинских работников, наркологов.

Психокоррекционный блок.

Для психокоррекционной работы с целью профилактики наркотической зависимости осужденных в исправительных учреждениях УИС целесообразно использовать следующие психокоррекционные методики: поведенческий тренинг, музыкотерапию, библиотерапию, арт-терапию, социально-психологический тренинг, педагогический аутотренинг, психогимнастику, поведенческую психотерапию, православную терапию, логотерапию, психодраму, позитивную психотерапию, когнитивную терапию, поддерживающую терапию, глубинную психотерапию и др.

Литература

1. Белоусова А.К., Николаев А.Ю., Евсеева О.Е. Когнитивная сфера наркотизированной личности в юношеском возрасте // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 37-46.

2. Ганишина И.С. Программа психологического просвещения осужденных по профилактике наркотической зависимости: практические рекомендации. Рязань, 2014. 32 с.

3. Ганишина И.С., Ушатиков А.И. Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних: учебное пособие. М., 2006. 288 с.

4. Ганишина И.С. Психологическое влияние неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних: дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004. 160 с.

5. Ганишина И.С. Психологическое влияние неблагополучной семьи на девиантное поведение несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2004. 23 с.

6. Ганишина И.С., Гаврина Е.Е. Общий психологический практикум: учебное пособие. Рязань, 2011. 256 с.

7. Ганишина И.С., Жарких А.А. К вопросу о наркотической зависимости подозреваемых, обвиняемых, осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 66-73.

8. Датий А.В., Ганишина И.С. Характеристика больных наркоманией осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью. Вестник Кузбасского института. 2014. № 2 (19). С. 68-76.

9. Датий А.В., Ганишина И.С., Кузнецова А.С. Характеристика больных наркоманией осужденных мужчин, обратившихся за психологической помощью. Вестник Пермского института ФСИН России. 2014. № 2 (13). С. 21-25.

10. Гришко А.Я. Уровень субъективного контроля осужденных, больных наркоманией // Прикладная юридическая психология. — 2007. — № 1. С. 14-19.

11. Жарких А.А. Возможности Must-теста в исследовании психологических особенностей мотивационной сферы наркозависимых осужденных // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 2. С. 62-73.

12. Жарких А.А. Особенности мотивационно-смысловой сферы наркозависимых осужденных в рамках теории ведущих тенденций // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 2. — С. 49-58.

13. Савельева Т.И. Психокоррекция защитной сферы осужденных, употреблявших психоактивные вещества // Прикладная юридическая психология. — 2008. — № 2. — С. 137-142.

14. Сочивко Д.В., Савельева Т.И. Предимпозивное «Я» — фокус эмпирической, теоретических и психотехнологических исследований в юридической психологии // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 1. — С. 45-55.

СТРУКТУРА И ДЕТЕРМИНАЦИЯ ГРУППОВОГО ОТНОШЕНИЯ К ВРЕМЕНИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Т. А. Нестик

Аннотация: в статье предложена социально-психологическая концепция группового отношения ко времени в организации. Описаны существующие подходы к выделению структуры данного феномена, дано его определение, раскрыта социально-психологическая структура.

Социально-психологическая структура отношения группы ко времени включает в себя два основных феномена: 1) отношение ко времени как ресурсу совместной деятельности; 2) отношение к событиям прошлого, настоящего и будущего. Каждый из них имеет ценностно-мотивационный, когнитивный, эмоционально-оценочный и конативный компоненты.

Выделены психологические механизмы формирования группового отношения ко времени: синхронизация ритмов совместной деятельности в ответ на требования внешней среды; групповая рефлексия совместного прошлого, настоящего и будущего; формирование коллективных целей; механизмы формирования коллективных эмоциональных состояний; поддержание позитивной идентичности через конструирование представлений о совместном прошлом и будущем.

В ходе исследования, проведенного среди сотрудников коммерческих организаций ($N = 614$), обнаружена положительная связь субъективной ценности времени с темпом совместной деятельности, а также отрицательная ее связь с авралами. Обнаружена связь

между типом корпоративной культуры и отношением ко времени в организации. Инновационность культуры негативно связана с пунктуальностью; ориентация на предпринимательскую культуру — с ценностью времени, полихронностью и пунктуальностью; ориентация на бюрократическую культуру — с долгосрочным планированием и низкой ценностью времени.

По результатам другого исследования ($N = 443$), наиболее весомыми социально-психологическими факторами отношения к времени в трудовых коллективах являются характеристики организационной культуры, групповая идентификация, влияние лидера и коллективные эмоциональные состояния. Обнаружена связь между групповым отношением ко времени и групповой эффективностью. Выявлена связь организационной эффективности с долгосрочной ориентацией, групповой рефлексивностью и ориентацией группы на анализ будущих рисков и возможностей.

Ключевые слова: групповое отношение ко времени, психология времени, временная перспектива, групповая рефлексивность, организационная идентичность, доверие, организационная культура, коллективные эмоциональные состояния.

Ускорение темпа жизни предъявляет сегодня к организациям особые требования, в соответствии с которыми способность первичных трудовых коллективов ценить время и эффективно органи-

зовывать его становится одним из ключевых факторов успешности их деятельности. Время становится все более важным ресурсом совместной деятельности и в другом отношении: как коллективное прошлое, настоящее и будущее.

Несмотря на многочисленность работ в данной области, до сих пор не предложено концепции, описывающей структуру группового отношения ко времени и увязывающей ее с групповыми процессами. Основное внимание исследователей сосредоточено на инструментальных аспектах группового отношения ко времени, то есть на роли отношения ко времени в организации в ходе совместной деятельности, при решении групповых задач. Между тем связь отношения ко времени в группе с процессами социальной интеграции и дифференциации остается практически не исследованной. До сих пор не раскрыта и социально-психологическая структура отношения ко времени в организациях.

Цель статьи — предложить социально-психологическую концепцию отношения ко времени в организациях как одного из видов группового отношения к времени, выделить социально-психологические механизмы формирования и факторы отношения к времени в организациях.

Подходы к изучению группового отношения ко времени в организации

В теории организаций изучение группового отношения ко времени представлено «ньютоновским» и конструкционистским подходами.

В рамках «ньютоновского» подхода к изучению времени в группе основной темой исследований является органи-

зация времени как ресурса совместной деятельности, а также ее влияние на эффективность организации и внедрение изменений. При этом любая социальная группа в организации рассматривается с позиции способности снижать темпоральную неопределенность, разрешать конфликты по поводу последовательности выполнения задач, а также сокращать дефицит времени [41]. Организация представляется как совокупность повторяющихся циклов, которые должны быть синхронизированы друг с другом [31].

В 1980–1990 гг. в социологии и психологии управления на смену «ньютоновской» концепции времени пришла новая, *конструкционистская концепция*, которая исходит из того, что время имеет социальную природу и представляет собой систему отсчета, которая конструируется группой в процессе совместной деятельности для координации действий [13]. В организации существует множество времен, каждое из которых неравномерно, дискретно и обратимо [37]. В рамках этого подхода можно выделить несколько ключевых тем: отношение ко времени как характеристика организационной культуры и субкультур отдельных подразделений [14, 15, 30, 38, 43, 45 и др.], конструирование организационного времени в межличностном дискурсе [46 и др.], влияние отношения ко времени в управленческих командах на стратегию развития организации [42] и организационное научение [36, 39], а также влияние новых технологий на организацию и осмысление времени в организациях [40 и др.].

Как показывает проведенный нами анализ, при всей многочисленности исследовательских направлений в обла-

сти изучения времени в организации до сих пор не выработано единой терминологии и теоретических моделей, которые бы объединяли различные временные аспекты деятельности организации. Основное внимание исследователей по-прежнему привлекает к себе проблема организации времени. Напротив, несмотря на признание социального характера времени и преобладание конструкционистской парадигмы в исследованиях, связь отношения ко времени в организациях с процессами групповой идентификации и интеграции остается малоизученной.

Различные исследователи пытались по-своему описать и классифицировать феноменологию отношения ко времени в малых группах и организациях: графики и сроки окончания работ, границы между рабочим и нерабочим временем, аллокация рабочего времени, пунктуальность, ориентация на будущее, одновременное или последовательное выполнение задач и т. д. [40, 45 и др.]; синхронизация ритмов в межличностном взаимодействии, формальные и неформальные временные нормы [35 и др.]; полихронность, ценность времени, гибкость в планировании [34 и др.]; кодификация опыта прошлого и согласованность представлений о совместном будущем [36, 39]; типы временных циклов совместной деятельности по интенсивности и степени разнородности решаемых задач [33]; ориентация группы на внешние или внутренние психологические ритмы для достижения напряженных коллективных целей [44].

В большинстве подходов к выделению структуры группового отношения ко времени феномены социальной психологии времени рассматриваются только

в контексте продвижения группы к цели, адаптации к окружающей среде и достижения высоких показателей эффективности совместной деятельности, которые требуют от коллектива согласованности действий во времени. В такой постановке анализируемая проблема сохраняется в рамках традиционного ее рассмотрения в психологии управления [2, 12 и др.]. По-прежнему не решены вопросы о механизмах формирования отношения к времени в организациях.

Групповое отношение к времени в организациях: концептуальные представления

Групповое отношение ко времени — это особенности восприятия, переживания, осмысления и организации времени, характерные для членов определенной социальной группы. Детерминация отношения ко времени в социальных группах и его роль в межличностном, внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии являются основной проблемой относительно самостоятельного научного направления — *социальной психологии времени*, объединяющей психологические аспекты организации совместной деятельности во времени с феноменами отношения группы к своему прошлому, настоящему и будущему [17, 19]. Подчеркивая его новизну, следует отметить, что данное направление исследований никак не представлено в современных учебных пособиях [10, 29 и др.].

Категория психологического отношения делает возможным анализ времени группы как единства объективного и субъективного. *Объективное время группы* является совокупностью объективно данных отношений следования

Таблица 1

Компоненты и показатели отношения к времени как ресурсу и организационной временной перспективе

Компонент	Показатели отношения к времени как ресурсу	Показатели организационной временной перспективы
<i>Ценностно-мотивационный</i>	<ul style="list-style-type: none"> • Субъективная ценность времени как ресурса совместной деятельности 	<ul style="list-style-type: none"> • Коллективные цели • Временная ориентация (значимость прошлого, настоящего и будущего организации)
<i>Когнитивный</i>	<ul style="list-style-type: none"> • Представления об объективных временных характеристиках внутри и вне организации. • Социально-временные авто- и гетеростереотипы (представления об отношении ко времени как к ресурсу, характерному для различных подразделений и категорий сотрудников). 	<ul style="list-style-type: none"> • Содержание представлений о прошлом, настоящем и будущем организации (коллективная память и образ будущего) • Групповые представления о предсказуемости будущего • Долгосрочность, детализированность и многовариантность планирования в организации • Протяженность групповой временной перспективы (интервал, охватываемый представлениями о прошлом и будущем организации)
<i>Эмоционально-оценочный</i>	<ul style="list-style-type: none"> • Удовлетворенность эффективностью управления временем в организации 	<ul style="list-style-type: none"> • Оценка прошлого, настоящего и будущего организации (валентность)
<i>Конативный</i>	<ul style="list-style-type: none"> • Ориентация на планирование совместной деятельности • Ориентация на соблюдение установленных сроков (пунктуальность) • Предпочитаемый темп деятельности • Предпочитаемые способы распределения рабочего времени • Полихронность / монохронность (ориентация на одновременное выполнение нескольких задач) 	<ul style="list-style-type: none"> • Ориентация на обмен опытом • Ретроспективная и проспективная групповая рефлексивность (ориентация на анализ совместного опыта, рисков и возможностей при реализации организационных задач) • Ориентация на неформальное обсуждение совместного прошлого и будущего

и одновременности между событиями, между действиями членов группы, относительно любого другого отличного от них события. *Субъективное время группы* представляет собой совокупность отношений группы к этим временным отношениям, то есть объективные временные отношения между событиями в групповом сознании «удваиваются», превращаясь в *отношения к отношениям* (А.Ф. Лазурский, Б.Ф. Ломов, В.Н. Мясищев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова, А.Л. Жу-

равлев, В.П. Позняков и др.), — они воспринимаются, переживаются и осмысливаются, приобретая групповое значение и оценку. Таким образом, субъективное время группы можно представить как *психологическое отношение*, объединяющее в себе основные составляющие группового сознания: познавательную, эмоциональную и регулятивную [8, 9, 24, 25].

Социально-психологическая структура отношения группы ко времени вклю-

чает в себя два основных феномена: 1) отношение ко времени как ресурсу совместной деятельности; 2) отношение к значимым для данной группы событиям прошлого, настоящего и будущего. Каждый из этих двух феноменов группового отношения ко времени включает в себя ценностно-мотивационный, когнитивный, эмоционально-оценочный и коннотативный компоненты, которые нельзя свести к особенностям индивидуально-го переживания, осознания и организации времени (табл. 1).

Отношение ко времени включено во все психологические отношения группы, поэтому изменение отношения группы к себе, другим группам, к миру в целом влечет за собой изменения в ее отношении ко времени. Отношение ко времени как к ресурсу, то есть нормы, ценности и представления, регулирующие организацию времени в трудовом коллективе, выполняют две основные функции: нормативно-регулирующую и идентификационную. Время помогает членам коллектива координировать свои действия в ходе совместной деятельности, а также служит одним из маркеров отличия их группы от других групп и организаций, может выступать в качестве основания для социальной категоризации и социального сравнения.

Групповая временная перспектива играет важную роль в социальной интеграции организации и формировании организационного социального капитала [16], выполняя несколько функций. Во-первых, она сплачивает группу через формирование представления об общей судьбе, общем прошлом, общих возможностях и рисках в будущем. Во-вторых, она выполняет функцию поддержания позитивной социальной идентичности

сотрудников, высвечивая в прошлом и будущем те эпизоды, которые подкрепляют их положительную самооценку. В-третьих, она способствует адаптации к новому, облегчая принятие организационных изменений, обеспечивая преемственность в развитии организации, увязывая новые задачи с уже имеющимся опытом [11, 26]. В-четвертых, она поддерживает легитимность власти групповых лидеров.

Среди основных факторов формирования группового отношения ко времени выделяются личностные, межличностные, групповые, межгрупповые, социетальные, а также ситуационные. К *личностным* факторам относятся личностные характеристики членов группы: отношения личности к времени (в том числе временная перспектива), ценностные ориентации, характеристики социальной идентичности, характеристики лидерского видения. К *межличностным* факторам относятся прежде всего совместимость характеристик индивидуального отношения ко времени в диаде, а также характеристики социальной сети, в которой обсуждается совместное прошлое, настоящее и будущее. К *групповым* факторам относятся характеристики групповой идентичности, уровень доверия в группе, сплоченность, разнородность состава группы, продолжительность ее существования, особенности групповой динамики и коммуникативной структуры, групповые ценности (организационная культура). *Межгрупповые* факторы включают в себя социальное сравнение, оценку успешности межгруппового взаимодействия, феномены ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации, межгрупповые стереотипы. К *социетальным* фак-

торам относятся ценности и нормы культуры в отношении времени, политическая и социально-экономическая ситуация в стране. Наконец, к *ситуационным* факторам относятся уровень неопределенности и скорости изменений внешней среды, временные характеристики решаемой задачи (скорость получения обратной связи в ответ на действия группы, взаимозависимость действий членов группы во времени, зависимость успешности деятельности от ее скорости и т. д.).

Наиболее важными *психологическими механизмами* формирования группового отношения к времени являются: 1) синхронизация ритмов совместной деятельности в ответ на объективные требования групповой задачи и меняющейся внешней среды; 2) групповая рефлексия совместного прошлого, настоящего и будущего; 3) формирование коллективных целей (в том числе через трансляцию лидером своего видения будущего остальным членам группы); 4) механизмы формирования коллективных эмоциональных состояний (заражение, распространение слухов в межличностном общении); 5) поддержание позитивной идентичности через конструирование представлений о совместном прошлом и будущем, через стереотипизацию групповых характеристик отношения ко времени в своей и чужой группах.

При использовании системного подхода в социально-психологических исследованиях чрезвычайно важно выделение системообразующего фактора (или роли) по отношению к изучаемому явлению [1]. В формировании групповой временной перспективы в организациях системообразующую роль, по нашему мнению, играет *коллективный*

образ будущего, в частности оценка членами группы возможности влиять на будущее, отчетливость коллективных целей и оценка группового будущего. Фаталистическое и негативное отношение группы к совместному будущему приводит к росту ориентации группы на прошлое, снижению ценности времени как ресурса.

Сформированное лидерами видение будущего мотивирует и сплачивает коллектив, повышая приверженность совместным целям, несмотря на меняющиеся условия совместной деятельности [18, 23]. Групповая рефлексивность, напротив, повышает способность группы адаптироваться к изменениям [3, 4], предвосхищать их и действовать на опережение [6, 21, 22]. Несмотря на разнонаправленность этих процессов, они взаимосвязаны: групповая рефлексия в отношении долгосрочного будущего возможна при уверенности команды в своих силах и положительной оценке совместного будущего. Панические и тревожные коллективные состояния, возникающие при дефиците информации и воспринимаемой угрозе существованию коллектива, способны повышать ориентацию сотрудников на будущее. При этом прошлое противопоставляется будущему, служит членам группы защитой позитивной самооценки, но не используется для совершенствования совместной деятельности.

Некоторые результаты эмпирических исследований группового отношения к времени в российских организациях

С целью изучения социально-психологической структуры, функций и детерминации группового отношения ко

времени в организациях в 2006–2013 гг. нами была проведена серия эмпирических исследований, в которых приняли участие рядовые работники и руководители российских частных и государственных организаций [17, 19].

Для изучения феноменов группового отношения ко времени нами был разработан ряд авторских методик: анкета «Временные характеристики организационной культуры», опросники «Временная ориентация организационной культуры», «Групповая рефлексивность» и «Ориентация на обмен знаниями» [7], методики «Социально-временная дистанция», «Линия жизни организации» [17]. Кроме того, для измерения характеристик групповой временной перспективы в авторской модификации использовалась проективная методика «Круги» Т. Коттла, шкала «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна, семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена [17].

Для измерения факторов группового отношения ко времени в организациях использовались методики «Организационная культура» Д. Денисона и «Организационная культура» К. Камерона и Р. Куинна; «Шкала организационного доверия» Л. Хаффа и Л. Келли; опросник Г. Чини «Организационная идентичность»; шкала «Организационное настроение» А.И. Пригожина; методика «Формирование командного видения» Дж. Кузеса и Б. Познера [17].

Факторы группового отношения ко времени в организациях

Корреляционный анализ, проведенный по выборке из 64 российских коммерческих организаций ($N = 614$; 40% — торговые компании, 15% — до-

бывающие и производственные, 15% — телекоммуникационные, 15% — организации сферы услуг, 5% — транспортные; в каждой организации были опрошены от 4 до 60 человек), показывает, что *ценность времени как ресурса* тем выше, чем более организация ориентирована на высокий темп деятельности ($r = 0,421$ при $p = 0,004$). Вместе с тем, чем чаще сотрудники испытывают перегрузку и авралы, тем ниже для них ценность времени ($r = -0,212$ при $p < 0,001$). Наоборот, чем более сотрудники уверены в способности своего коллектива соблюдать установленные сроки, тем выше для них ценность времени как ресурса ($r = 0,357$, при $p < 0,001$). Возможно, эта взаимосвязь объясняется эффектом «выученной беспомощности» в условиях непрерывного дефицита времени. Высокая интенсивность авралов приучает сотрудников к бессмысленности экономии времени: время для них обесценивается. Также была выявлена связь отношения ко времени как к ресурсу с типологическими характеристиками организационной культуры. Так, ориентация на инновационную культуру связана с низкой пунктуальностью сотрудников, а на рыночную — с высокой ценностью времени, высокой полихронностью при организации деятельности и пунктуальностью. Наконец, ориентация на бюрократическую культуру связана с более долгосрочной ориентацией при планировании деятельности, но при этом с высокой частотой авралов и перегрузки сотрудников, низкой ценностью времени [5, 7, 15, 20].

С помощью регрессионного анализа, проведенного по данным опроса сотрудников 18 российских частных компаний г. Москвы ($N = 443$; 23% — рядовые

Таблица 2

Характеристики организационной культуры, влияющие на групповую временную перспективу (значимые коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β						R^2
	Сила корпоративной культуры (общность ценностей)	Организационное доверие	Ориентация на организационные изменения	Ориентация на ценности предпринимательской культуры	Ориентация на ценности бюрократической культуры	Ориентация на развитие знаний и навыков	
Оценка коллективного прошлого	0,347	0,291	-0,296	-	-		0,280
Оценка коллективного настоящего	0,298	0,348	0,255	-0,252	-		0,377
Оценка коллективного будущего	0,172	-	0,297	-	-0,210	0,191	0,446

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; β — стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 — доля дисперсии.

Таблица 3

Организационная идентификация как предиктор организационной временной перспективы (коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	R	R2	F	P
Восприятие будущего организации как своего собственного	0,428	0,183	22,89	<0,001
Значимость будущего организации	0,397	0,158	19,0	<0,001
Позитивная оценка будущего	0,409	0,167	16,0	<0,001
Групповая рефлексивность в отношении совместного прошлого	0,379	0,144	13,4	<0,001
Оценка связи будущего организации с ее прошлым и настоящим	0,318	0,101	11,45	0,001
Положительная оценка настоящего организации	0,303	0,092	10,29	0,002

работники; 48% — руководители низового и среднего звеньев; 29% — топ-менеджеры; 56% — мужчины, 44% — женщины; средний возраст — 32 года), нами были выявлены факторы, влияющие на групповую временную перспек-

тиву в организации. Было эмпирически подтверждено влияние на характеристики групповой временной перспективы таких социально-психологических феноменов, как социальная интеграция (групповая идентификация, общность цен-

ностей, групповое доверие), групповая рефлексия, коллективные эмоциональные состояния и характеристики корпоративной культуры (табл. 2–4).

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что социальная интеграция (общность ценностей, организационное доверие) повышает положительную оценку прошлого, настоящего и будущего организации, что может объясняться не только удовлетворенностью отношениями с коллегами, но и психологическим механизмом поддержания положительной групповой идентичности. Напротив, ориентация на изменения подталкивает к переоценке прежних ценностей и норм. По-видимому, она смещает идентификацию с прошлого на будущее и поэтому негативно сказывается на оценке коллективного прошлого ($\beta = -0,296$), тогда как оценку настоящего и будущего повышает ($\beta = 0,255$ и $\beta = 0,297$). Ориентация на ценности предпринимательской культуры (высокая требовательность к результатам деятельности при поощрении межличностной и межгрупповой конкуренции) снижает позитивную оценку настоящего. Ориентация на ценности бюрократической культуры (гарантия занятости в обмен на безусловное подчинение, соответствие стандартам и планам) негативно влияет на оценку будущего организации ($\beta = -0,210$). Причиной эффекта может быть низкая вовлеченность и отчуждение сотрудников по отношению к организации.

Как видно по данным таблицы 3, групповая идентификация влияет на отношение членов группы к совместному прошлому и будущему. Важным психологическим механизмом оказывается защита позитивной групповой идентич-

ности: идентифицируя себя с организацией и ее коллективом, сотрудник склонен положительно оценивать ее настоящее и будущее. Идентификация с группой вызывает у него большую готовность к анализу ее прошлого и будущего, большую значимость коллективного будущего.

Данные таблицы 4 показывают, что коллективные эмоциональные состояния играют важную роль в формировании аффективного и когнитивного компонентов групповой временной перспективы. Положительные переживания стимулируют групповую рефлексивность, помогают увидеть положительные стороны в настоящем и поддерживают уверенность в будущем организации. Как известно, положительные эмоции облегчают достижение договоренностей и поиск креативных решений, повышают вовлеченность, установление межличностных контактов и обмен опытом в организациях [32]. Напротив, негативные коллективные переживания повышают нормативность поведения, сдерживают групповую рефлексивность и препятствуют прояснению коллективных целей.

Важно отметить, что вклад позитивных эмоциональных состояний в формирование компонентов групповой временной перспективы значительно выше, чем негативных. Эти данные указывают на то, что алармистский подход, нагнетание тревоги по поводу будущего менее эффективны в управлении коллективными рисками, чем формирование позитивного образа совместного будущего. Этому вполне можно обучать с помощью специально разработанных программ при организации общего образования [27, 28].

Таблица 4

Влияние коллективных эмоциональных состояний на организационную временную перспективу (коэффициенты линейной регрессии)

Зависимые переменные	Предикторы, β		R^2
	Коллективные тревожные состояния (паника, тревога, уныние)	Позитивные коллективные переживания (надежда, эмоциональный подъем)	
Групповая рефлексивность	-0,167***	0,329***	0,121
Отчетливость коллективных целей	-0,231*	0,522***	0,423
Оценка коллективного настоящего	-0,185***	0,526***	0,351
Оценка коллективного будущего	-0,066	0,549***	0,319
Оценка предсказуемости коллективного будущего	-0,158*	0,295***	0,130
Оценка способности влиять на коллективное будущее	-0,201***	0,426***	0,251

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; β — стандартизированные коэффициенты регрессии; R^2 — доля дисперсии.

Выводы

1. Выделены *компоненты* группового отношения ко времени в организациях: ценностно-мотивационный, когнитивный, эмоционально-оценочной и конативный. Определены социально-психологические *функции* группового отношения ко времени как к ресурсу совместной деятельности и группового отношения к прошлому, настоящему и будущему организации.

2. Наиболее важными социально-психологическими факторами отношения ко времени как к ресурсу являются социальная интеграция (общность ценностей, ориентация на командную работу, сплоченность, доверие), ориентация организационной культуры на клиентов, а также предпринимательские ценности и делегирование полномочий. Установлена взаимосвязь между типологиче-

скими характеристиками организационной культуры и отношением ко времени в организации.

3. Эмпирически подтверждено влияние на характеристики групповой временной перспективы таких социально-психологических феноменов, как социальная интеграция (групповая идентификация, общность ценностей, групповое доверие), коллективные эмоциональные состояния, а также характеристики корпоративной культуры.

Литература

1. Журавлев А.Л. Роль системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 6. С. 53–64.
2. Журавлев А.Л. Социально-психологический анализ исполнительской деятельности // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 1. С. 6–16.
3. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы //

Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

4. Журавлев А.Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Институт психологии РАН, 2011.

5. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Управление совместной деятельностью: новые направления исследований в зарубежной психологии // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 5–15.

6. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.

7. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований. М.: Институт психологии РАН, 2010.

8. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 1. № 3. С. 46–64.

9. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Институт психологии РАН, 2012.

10. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Форум; Инфра-М, 2008.

11. Личность профессионала в современном мире / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2013.

12. Ломов Б.Ф., Журавлев А.Л. Психология и управление. М.: Знание, 1978.

13. Нестик Т.А. Социальное конструирование времени // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 12–21.

14. Нестик Т.А. Горизонты управления временем в организации: от личности к группе // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2004. № 4. С. 8–20.

15. Нестик Т.А. Отношение сотрудников к времени в организациях с различной организационной культурой // Материалы итоговой научной конференции Института психологии РАН (12–13 февраля 2009 г.). М.: Институт психологии РАН, 2009а. С. 133–147.

16. Нестик Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ (сообщение второе) // Психологический журнал. 2009б. Т. 30. № 2. С. 29–42.

17. Нестик Т.А. Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: Институт психологии РАН, 2011а.

18. Нестик Т.А. Психологическое время руководителей: отношение к будущему организации и по-

лихронность // Психологические проблемы современного бизнеса / под ред. В.А. Штроо, Н.Л. Ивановой, Н.В. Антоновой. М.: Изд-во НИУ «Высшая школа экономики», 2011. С.198–215.

19. Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Институт психологии РАН, 2014.

20. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Управление совместной деятельностью в зарубежной психологии: тенденции и перспективы исследований // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2009. № 1. С. 3–30.

21. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Обмен знаниями, групповая рефлексивность и корпоративная память как объекты социальной психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 5–16.

22. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 212–221.

23. Нестик Т.А., Карасева Е.В. Управленческое видение как социально-психологический феномен // Психологические инновации в экономике и финансах: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 19–20 марта 2009 г.) / отв. ред. А.Л. Журавлев, В.С. Трипольский, М.А. Федотова. М.: ФА, «Ларк лтд», 2009. С. 213–215.

24. Позняков В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.

25. Позняков В.П., Журавлев А.Л. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 4. С. 24–32.

26. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Институт психологии РАН, 2007.

27. Рубцов В.В., Журавлев А.Л., Марголис А.А., Ушаков Д.В. Образование одаренных — государственная проблема // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 5–14.

28. Рубцов В.В., Журавлев А.Л., Марголис А.А., Ушаков Д.В. Развитие системы образования одаренных детей: приоритетные направления // Нижегородское образование. 2010. № 4. С. 7–14.

29. Социальная психология: учеб. пособие для вузов / отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.

30. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2003.

31. Ancona D.G., Goodman P.S., Lawrence B.S., Tushman M.L. Time: a new research lens // Academy of Management Review. 2001. V. 26. N. 4. P. 645–663.

32. Ashkanasy N.M., Humphrey R.H. Current Emotion Research in Organizational Behavior // Emotion

Review. 2011. V. 3. № 2. P. 214–224.

33. *Ballard D.I.* Organizational Temporality Over Time: Activity Cycles as Sources of Entrainment // Time in Organizational Research / Ed. by R.A. Roe, M.J. Waller and S.R. Clegg. N.Y. ; L.: Routledge, 2009. P. 204–219.

34. *Ballard D.I., Seibold D.R.* Time Orientation and Temporal Variation Across Work Groups: Implications for Group and Organizational Communication // Western Journal of Communication. 2000. V. 64. № 2. P. 218–243.

35. *Blount S., Janicik G.A.* When plans change: examining how people evaluate timing changes in work organizations // Academy of management Review. 2001. V. 26. № 4. P. 566–585.

36. *Butler R.* Time in organizations: its experience, explanations and effects // Organization Studies. 1995. V. 16. № 6. P. 925–950.

37. *Clark P.A.* A review of theories of time and structure for organizational sociology // Research in the Sociology of Organizations. 1985. V. 4. P. 35–79

38. *Dubinskas F.A.* Cultural constructions: The many faces of time // Making Time: Ethnographies of High-Technology Organizations / Ed. by Frank A. Dubinskas. Philadelphia: Temple University Press, 1988. P. 3–38.

39. *Fischer E., Reuber A.R., Hababou M., Johnson W., Lee S.* The Role of Socially Constructed Temporal Perspectives in the Emergence of Rapid-Growth

Firms // Entrepreneurship: Theory & Practice. 1997. V. 22. № 2. P. 13–30.

40. *Lee H., Liebenau J.* Temporal effects of information systems on business processes: focusing on the dimensions of temporality // Accounting, Management and Information Technologies. 2000. № 10. P. 157–185.

41. *McGrath J.E., Kelly J.R.* Time and human interaction. Toward a social psychology of time. N.Y. ; L., 1986.

42. *Mosakowski E., Earley P.* A selective review of time assumptions in strategy research // Academy of Management Review. 2000. V. 25. № 4. P. 796–812.

43. *Perlow L.A.* Time to Coordinate // Work & Occupations. 2001. V. 28. № 1. P. 91–111.

44. *Pina e Cunha M.* The Organizing of Rhythm, the Rhythm of Organizing // Time in Organizational Research / Ed. by R.A. Roe, M.J. Waller and S.R. Clegg. N.Y. ; L.: Routledge, 2009. P. 220–237.

45. *Schriber J.B., Gutek B.A.* Some Time Dimensions of Work: Measurement of an Underlying Aspect of Organisation Culture // Journal of Applied Psychology. 1987. V. 72(4). P. 642–650.

46. *Waller M.J., Uitdewilligen S.* Talking to the Room: Collective Sensemaking During Crisis Situations // Time in Organizational Research / Ed. by R.A. Roe, M.J. Waller and S.R. Clegg. N.Y. ; L.: Routledge, 2009. P. 186–203.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫХ МОЛОДЕЖНОГО ВОЗРАСТА О БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

С. А. Красненкова, И. И. Маркова

Аннотация: семья является одним из фундаментальных и благоприятных факторов, способствующих успешной ресоциализации осужденного. Положительные социальные, в частности супружеские, связи имеют существенное значение, как в период освобождения, так и во время всего срока отбывания наказания в местах лишения свободы. Особенно они важны для лиц молодежного возраста и тех, кто впервые оказался в условиях вынужденной

изоляции от общества, семьи. Целью проведенного эмпирического исследования стало выявление особенностей представлений о брачно-семейных отношениях у осужденных молодежного возраста, освобождающихся из мест лишения свободы. Исследование показало, что для осужденных главными мотивами вступления в брак являются продолжение рода, возможность почувствовать себя счастливым, полноценным человеком, а также материальный

расчет. К наиболее ценным качествам брачного партнера были отнесены верность, надежность, способность принимать супруга со всеми достоинствами и недостатками, материальная обеспеченность. Среди причин, препятствующих созданию семьи, названы отсутствие жилплощади и возможная ошибка в выборе партнера.

Представления осужденных о брачно-семейных отношениях носят традиционный характер; семейные роли отличаются недостаточной согласованностью; иерархичность отношений, доминирование и значимость мужчины выражены четко. При этом выявляется слабая эмоциональная связь с будущей семьей и высокий уровень тревожности по поводу своего семейного будущего.

Предложенный материал поможет заинтересованным лицам повысить профессиональную компетентность, эффективность психолого-педагогического воздействия на личность осужденных, оптимизировав период их социальной адаптации после освобождения.

Ключевые слова: *осужденные к лишению свободы, делинквенты молодого возраста, законопослушные юноши, социально-полезные связи, семья, брачно-семейные отношения, ценностно-смысловая сфера личности, мотивы вступления в брак, ресоциализация осужденных.*

В рамках создания в современной России единой системы социальной профилактики и предупреждения преступности, как в пенитенциарный, так и в постпенитенциарный период, все большую актуальность приобретают вопросы усиления социальной защиты населения, правового, патриотического, нрав-

ственного воспитания молодежи, а также повышения статуса семьи.

«Семья — это общество в миниатюре, от целостности которого зависит безопасность всего большого человеческого общества», — писал Ф. Адлер.

Семейное положение — один из важных социально-демографических показателей исследования социальных связей личности. Семья является объектом исследования различных наук, среди которых, прежде всего, право, социология, философия, психология. В юридической, в частности пенитенциарной психологии проблемы семьи рассматриваются преимущественно с позиции влияния на детерминацию девиантного поведения личности осужденных различных возрастных групп [1; 2; 3; 4; 5], либо с позиции профилактического, коррекционного воздействия [6; 7]. Так, еще в 1975 году исследуя ценностные ориентации осужденных в значении далеких перспектив, А.С. Михлин и В.П. Пирожков отмечали, что у большинства испытуемых не утрачены и распределяются следующим образом такие семейные ценности, как семейное благополучие (51,6%), интересная работа (29,8%), материальное обеспечение (28,8%), получение образования (17,7%), обеспеченность жильем (8,2%). Именно семья занимает особое место среди ценностей осужденных. При этом критериями семейного счастья являются взаимопонимание, супружеская верность, наличие детей, здоровье жены, взаимная забота, уют и др.

По данным исследований, проведенных под руководством А.И. Ушатикова и Б.Б.Казака, ранжирование осужденными своих жизненных планов выглядело следующим образом. Большинство ре-

спондентов свое будущее связывали с созданием семьи (ранг 1). Отмечались желание повысить свой образовательный и профессиональный уровень (ранг 2); устроиться в производственной сфере (ранг 3); намерение уехать за границу (ранг 4); заниматься индивидуальной трудовой деятельностью (ранг 5), предпринимательством (ранг 6); либо не трудоустроиваться (ранг 7) [8, с. 308].

В свою очередь Д.В. Сочивко, Т.Н. Савченко, Г.М. Головиной [9] выявлено, что для осужденных семья создает ощущение наполненности жизни и выступает наиболее значимым фактором субъективного качества жизни.

Исследуя влияние религиозности на личностные отношения и психологические свойства осужденных женщин, Д.В. Сочивко и другие ученые отметили выраженный рост желания изменить себя, свой образ жизни, делами подтвердить духовное развитие. И первое, что начинают делать осужденные для обеспечения духовного содержания своей ресоциализации, — это восстанавливать отношения с родственниками. Именно в семье заключенные ищут опоры будущей ресоциализации [10].

Наличие семьи в большинстве случаев благоприятно воздействует на лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, облегчает их социальную адаптацию после освобождения [11; 12].

В своем социологическом исследовании, изучая факторы и результат ресоциализации осужденных, отбывающих впервые наказание, К.С. Тумаров [13] доказывает, что семья в системе ценностных установок осужденных является ведущей. Семья приобретает значение психологического образа дома, становится субъектом не только материаль-

ной помощи, но и психологической, эмоциональной поддержки. Крайне редкие встречи с родственниками, либо утрата связи с ними нарушают родственные и социальные связи, способствуют напряженности отношений, поражают эмоционально-психологическую изоляцию.

Таким образом, в поле зрения исследователей практически не попадали проблемы отношения осужденных к своему семейному будущему, перспективам семейной жизни при освобождении из мест лишения свободы. Представления осужденных о собственной будущей семье не являлись предметом специального психологического исследования. Семья изучалась лишь как один из компонентов ценностно-смысловой сферы заключенных.

С целью выявления особенностей представлений о брачно-семейных отношениях у осужденных молодежного возраста, освобождающихся из мест лишения свободы, нами было проведено эмпирическое исследование.

В нем приняли участие 100 лиц мужского пола в возрасте 22–24 лет, которые были распределены на 2 группы, сформированные в зависимости от склонности к делинквентному поведению, соответственно по 50 человек в каждой. В основную группу вошли юноши, отбывающие наказание в пенитенциарных учреждениях Воронежской области. В контрольную группу вошли юноши, обучающиеся в высших учебных заведениях города Воронежа, отличающиеся законопослушным поведением.

В ходе исследования, проведенного в марте 2014 года, применялся следующий психодиагностический инструментарий. Использовался набор мето-

дик, включивший в себя методику «Ценностные ориентации» М. Рокича, адаптированную А. Гоштаутасом, М.А. Семёновым, В.А. Ядовым [14, с. 637–641]; специально разработанную (авторскую) анкету; опросник Ю.Е. Алешиной «Распределения ролей в семье» [15, с. 237–245]; проективную методику «Семейная социограмма» Э. Эйдемиллера, В. Юстицкиса [16, с. 611–628], а также рисунок «Моя будущая семья» по схеме Р. Бернса, С. Кауфмана [17, с. 116–137].

Данные, полученные в ходе эмпирического исследования, были обработаны путем качественного и количественного анализа. Достоверность различий в основной и контрольной группах определялась с помощью непараметрического критерия Q-Розенбаума, многофункционального критерия ϕ -Фишера, критерия согласия Пирсона. Критерием достоверности различий традиционно было выбрано значение $p < 0,05$. Количественный анализ полученных в ходе психодиагностики результатов осуществлялся с помощью распространенного средства компьютерного анализа данных в психологии — программы IBMSPSSStatistics 19.

Анализ результатов исследования терминальных ценностей («ценности-цели» по классификации М. Рокича), показал, что счастливая семейная жизнь является наиболее важной единицей в иерархии жизненных ценностей как осужденных (II ранг после «свободы», «независимости»), так и законопослушных юношей (III ранг после «здоровья», «любви»).

Анализ результатов, полученных в ходе применения анкеты (авторской) показал, что для осужденных главными мотивами вступления в брак являются про-

должение рода (76%), взаимная любовь (69%), возможность почувствовать себя счастливым, полноценным человеком (46%), материальная обеспеченность будущей жены (35%). Законопослушными юношами назывались следующие причины: взаимная любовь (53%), желание иметь собственную семью (41%), расчет (высокое социальное и экономическое положение партнерши) — 15%.

Большинство испытуемых основной группы (73%) считали, что продолжительность добрачного знакомства не должна превышать 3–5 месяцев, в свою очередь 66% испытуемых контрольной группы отмечали, что требуется больше года для принятия решения о женитьбе.

Среди наиболее ценных качеств брачного партнера осужденными выделялись верность (42%), надежность (36%), способность принимать супруга со всеми достоинствами и недостатками (27%), внимательное отношение (25%), внешние данные (14%). Законопослушные юноши отмечали, что в брачном партнере ценят понимание и поддержку (53%), внешнюю привлекательность (42%), верность (40%), образованность (24%).

Испытуемыми основной группы было отмечено, что семья способствует укреплению отношений (67%), дает психологическую поддержку (66%). Респонденты контрольной группы, — что семья дает ощущение стабильности (55%), уверенности (52%), способствует карьерному и творческому росту супругов (34%).

Если в основной группе 90% испытуемых определяющими в семье называли принципы мужа, то, по мнению 78% опрошенных контрольной группы, в равной мере должны учитываться принципы обоих супругов.

Таблица 1

Представления о предпосылках благополучия семейных отношений, %

Параметры ранжирования	Основная группа	Контрольная группа
1. Взаимопонимание	90	86
2. Любовь	45	40
3. Дети	20	28
4. Доверие	12	10,5
5. Финансовое состояние супругов	12	9
6. Верность	9	7
7. Сходство взглядов	-	5
8. Терпение	25	3,5
9. Привязанность	2	3,5
10. Взаимоподдержка	2	1,7
11. Сходство характеров	-	-
12. Умение идти на компромисс	-	-
13. Романтичность	-	-
14. Мудрость и терпение	3	-
15. Коммуникабельность	-	-
16. Хорошие отношения с родителями супруга	1	-

Большинство осужденных (76%) заявили о готовности иметь более двух детей, в контрольной группе — не более двух детей (86%).

По мнению осужденных главными причинами, препятствующими созданию семьи, являются отсутствие жилплощади (35%) и возможная ошибка в выборе партнера (10%). По мнению законопослушных юношей, главным препятствием для вступления в брак может стать отсутствие материальной поддержки (50%) и желание пожить для себя (10%).

Анализ результатов ранжирования испытываемыми условиями благополучия семейных отношений отражен в таблице 1.

Статистически достоверных различий по большинству сравниваемых показателей между основной и контрольной группами выявлено не было. Взаимопонимание, любовь, дети, доверие

определяют благополучие семейных отношений. Однако в отличие от законопослушных юношей (3,5%), по мнению осужденных, решающую роль во взаимоотношениях между супругами играет терпение (25%).

Анализ результатов опросника Ю.Е. Алешиной «Распределение ролей в семье» отражен в таблице 2.

Достоверные различия были обнаружены в распределении семейных ролей ($p < 0,05$). По мнению осужденных, жена должна отвечать за воспитание детей (70%), обеспечение эмоционального климата в семье (70%), организацию семейного досуга, формирование у членов семьи определенных культурных ценностей, разнообразных интересов и увлечений (50%), ведение хозяйства (45%). По мнению 80% осужденных, мужчина в семье реализует функ-

Таблица 2

Результаты исследования ролей в будущей семье, %

Семейные роли	Основная группа			Контрольная группа		
	Муж	Жена	Муж и жена	Муж	Жена	Муж и жена
1. Воспитание детей	-	70	30	-	30	70
2. Эмоциональный климат в семье	-	70	30	5	25	70
3. Материальное обеспечение семьи	30	5	65	85	15	-
4. Организация семейных развлечений	35	10	55	15	15	70
5. Роль «хозяина» и «хозяйки» (<i>покупка продуктов и приготовление пищи, обеспечение уюта, порядка и чистоты в доме, мелкий ремонт — курсив наш</i>)	20	45	35	20	50	30
6. Сексуальная жизнь семьи	80	5	15	65	5	30
7. Организация семейной субкультуры (<i>организация досуга, формирование определенных культурных ценностей, интересов и увлечений — курсив наш</i>)	25	50	25	50	-	50

ции сексуальных контактов, инициирует и определяет характер сексуальных отношений. Ответственность за материальное обеспечение семьи должны разделять оба супруга (65%).

Законопослушные юноши многие функции планируют выполнять вместе с супругой: воспитание детей (70%), обеспечение эмоционального климата в семье (70%), организация семейных развлечений (70%) и семейного досуга (50%). По их мнению, функции материального обеспечения (85%) и сексуальных контактов в семье должен реализовывать муж (65%).

Изучение социограмм, полученных в ходе применения проективной методики «Семейная социограмма» Э. Эйдемиллера, В. Юстицкиса, показало, что 45% делинквентов наиболее значимой фи-

гурой в будущей семье видят себя, 20% — супругу, 35% — детей. В группе законопослушных юношей 65% испытуемых считают одинаково значимыми мужа и жену, 25% — себя, 10% — детей.

В основной группе наибольшей властью наделили себя 80% испытуемых, 20% — жену. В контрольной группе себя наделили властью 60% законопослушных юношей, 25% выступили за равноправие супругов, 15% готовы признать власть жены в семье.

Среди испытуемых основной группы, по сравнению с контрольной (60% и 20% соответственно, $p < 0,05$), значительно больше тех, кто переживает высокий уровень тревожности по поводу своего семейного будущего.

Анализ рисунков испытуемых «Моя будущая семья» (по схеме Р. Бернса,

С. Кауфмана) указал на то, что представления осужденных о своей будущей семье отличаются недостаточной четкостью, сопровождаются повышенной тревожностью. В рисунках отсутствует общая деятельность между членами семьи (75%), фигуры прорисованы слабо, выполнены схематично (74%), небрежно (65%), много стираний и исправлений линий (65%), редко встречается улыбка (69%). На каждом втором рисунке члены семьи изображаются взаимно удаленными (72%).

Качество рисунков законопослушных юношей указывает на благоприятное восприятие будущей семейной жизни. Члены семьи адекватно распределены на листе (80%), их изображения выполнены линиями хорошего качества (74%), выражена пространственная близость, контакт рук, обращенность членов семьи друг к другу (88%). Они заняты общей деятельностью (82%). На лицах персонажей часто встречаются улыбки (69%).

Анализ результатов проведенного исследования позволил сделать следующие выводы об особенностях представлений осужденных молодежного возраста о брачно-семейных отношениях.

Во-первых, для осужденных главными мотивами вступления в брак являются продолжение рода, возможность почувствовать себя счастливым, полноценным человеком, а также материальный расчет. Наиболее ценными качествами брачного партнера осужденные считают верность, надежность, способность принимать супруга со всеми достоинствами и недостатками, материальная обеспеченность. Последнее подтверждают и наблюдения персонала пенитенциарных учреждений, сви-

детельствующие о стремлении осужденных мужского пола жениться в первую очередь на финансово независимых женщинах, готовых к материальной поддержке супруга, как в период отбывания им наказания, так и после освобождения.

Основными причинами, препятствующими созданию семьи, для осужденных являются отсутствие жилплощади и возможная ошибка в выборе партнера.

Во-вторых, представления осужденных о брачно-семейных отношениях носят преимущественно традиционный характер. Муж реализует функции сексуальных контактов, жена отвечает за воспитание детей, эмоциональный климат семьи, организацию развлечений, семейную субкультуру (поддержание семейных традиций), ведение хозяйства. При этом материальное обеспечение семьи — забота обоих супругов.

В-третьих, в представлениях осужденных семейные роли отличаются недостаточной согласованностью, по сравнению с мужчинами, женщины больше загружаются семейными обязанностями. Иерархичность отношений, доминирование и значимость мужчины выражены четко.

Выявляется слабая эмоциональная связь с будущей семьей и высокий уровень тревожности по поводу своего семейного будущего.

В качестве ресурсов ресоциализации осужденных молодежного возраста можно рассматривать их отношение к семье как особо значимой ценности, а также представления о содержании семейного счастья, условиях благополучия семейных отношений, приверженность традиционным устоям семьи.

Проведенное исследование имеет прикладной характер. Информированность сотрудников воспитательного аппарата пенитенциарных учреждений об особенностях отношения осужденных к семье как социальной ценности, их представлениях о брачно-семейных узах может способствовать более эффективному использованию положительного влияния данных категорий при совершенствовании направления работы, создающей предпосылки для ресоциализации осужденных. Нельзя упускать вопросы формирования у осужденных гражданской позиции, от которой зависит установка на создание прочной семьи. Решение личности о создании семьи должно быть взвешенным и зрелым.

Создание семьи, поддержание социально-полезных связей весьма важно для осужденных, так как в условиях ограничения доступа ко многим значимым для личности ценностям, общение с родственниками, супругом помогает избавиться от одиночества, апатии, предупредить деструктивное поведение. Именно семья, являясь естественным и основным социальным институтом человека, способна оказать влияние на поведение, жизненные позиции личности, способствовать эффективной адаптации осужденного, его интеграции в общество.

Литература

1. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. 2011. №4. С. 212–124.

2. Молостов А.В., Качурина А.А. Особенности семейного воспитания и межличностного общения осужденных женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления, совершенных в отношении близких родственников // Прикладная юридическая психология. 2010. №3. С. 92–100.

3. Реуцкая И.Е. Психологические особенности родителей и несовершеннолетних из неблагополучных семей // Прикладная юридическая психология. 2011. №3. С. 85–94.

4. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Гольшева Ю.А. Религиозность, духовно-нравственное развитие и личностный рост осужденных молодежного возраста // Прикладная практическая психология. 2011. №1. С. 133–146.

5. Хачатурян С.Д., Худоненко С.А. Особенности эмоциональной близости в семьях несовершеннолетних осужденных без лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2012. №3. С. 94–105.

6. Душкин А.С. Психологическая профилактика девиантного поведения подростков в семье // Прикладная юридическая психология. 2009. №4. С. 153–155.

7. Реуцкая И.Е. Коррекция неблагополучной обстановки в семье как способ профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. 2012. №1. С. 94–100.

8. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Основы пенитенциарной психологии: учеб. пособие. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2001. 536 с.

9. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная практическая психология. 2010. №4. С.8–22.

10. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Гольшева Ю.А. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная практическая психология. 2012. №1. С. 60–74.

11. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. №3. С. 68–75.

12. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. №4. С. 126–133.

13. Тумаров К.С. Ресоциализация осужденных в пенитенциарном учреждении в условиях современной России. Дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. Ставроп. гос. ун-т., 2012. 164 с.

14. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2007. 672 с.

15. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 432 с.

16. Эйдемиллер Э., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2010. 672 с.

17. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2007. 159 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ АГРЕССИВНОСТИ*

Н. В. Чудова

Аннотация: В статье содержатся результаты проведенного автором исследования, позволившего обнаружить связи между агрессивностью и ценностями и описать механизм действия враждебной картины мира. Рассмотрены данные, полученные при изучении психологических особенностей людей, принимающих ценности, входящие в группы так называемых метаценностей — Сохранения, Самоутверждения, Открытости и Толерантности (портретный ценностный вопросник Ш. Шварца *Portrait Values Questionnaire*). В ходе исследования применялся широкий спектр личностных опросников: агрессивности Басса — Перри; эмоционального интеллекта; тест Кеттелла; черт характера; шкала базисных убеждений; конструктивного мышления; нарциссических черт личности; перфекционизма, а также проективный тест враждебности; методика дискриминации свойств понятий; методика ценностного семантического дифференциала. Исследование проведено в группе образованных или получающих высшее образование законопослушных городских жителей (258 испытуемых в возрасте от 18 до 65 лет). Обнаружилось, что приверженность ценностям Сохранения, Самоутверждения, Открытости не связана с личностной агрессивностью — между группами с высокими и низкими баллами по каждой из этих трех метаценностей нет различий по опроснику агрессивности Баса — Перри. Об-

наружены, однако, высокая корреляция между предпочтением ценностей Универсализма и Выхода за пределы своего Я (метаценность Толерантности), а также повышенные значения уровня враждебности, гневливости и склонности к физической агрессии в группе с высокими показателями приверженности этим ценностям. Кроме того, в группе повышены показатели склонности к категорическому мышлению. Полученные результаты позволяют сделать вывод о существовании аффективно-когнитивно-ценностного комплекса, в котором в роли легитиматора враждебности выступают идеи защиты прав человека, охраны природы, поддержки толерантности. Обнаружено, что выявленные отношения образуют замкнутый контур с положительной обратной связью, что означает неизбежное нарастание выраженности всех трех признаков. Усиление толерантности, рост враждебности и снижение конструктивности мыслительного процесса взаимно «подпитывают» друг друга и делают саму систему аффективно-когнитивной регуляции неустойчивой. Ценности в этом комплексе, по-видимому, играют роль идеологии, предписывающей определенные суждения и оценки.

Ключевые слова: метаценности, ценностные образования, агрессивность, враждебная картина мира, нарциссизм, перфекционизм, конструктивное мышление, базовые убеждения.

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 13-06-00641).

Ценности выступают как внутренние носители социальной регуляции, укорененные в структуре личности, и реализуют высший, личностно-смысловой уровень регуляции его познавательной активности [1]. Согласно Д.А. Леонтьеву [8], под личностными ценностями понимаются идеалы, задающие конечные ориентиры индивидуальной деятельности субъекта. Генетически они производны от ценностей социальных общностей разного масштаба. Селекция, присвоение и ассимиляция индивидом социальных ценностей опосредуются его социальной идентичностью и ценностями референтных для него малых контактных групп [7]. При этом они представляют собой обобщенный результат опыта взаимодействия с миром, что дает повод для установления связей между предпочтением определенных ценностей и наличием тех или иных психологических особенностей. Особый интерес представляет в подобном исследовании возможность проследить отношение к агрессии людей с разными типами ценностных приоритетов. Актуальность такого рода данных связана как с новыми задачами изучения агрессивности [3] и сферы ценностей [10], так и задачами практической, в том числе психологической, работы с людьми, чья агрессия привела их в места лишения свободы [4, 5, 11].

Под ценностями понимаются критерии выбора и обоснования действий, оценки других людей и себя, а также событий [6]. Мы вслед за Ш. Шварцем [13] рассматриваем их как систему, которая связана в первую очередь с такими переменными, как установки, поведение, членство в группах. В связи с этим ключевой методикой в нашем исследовании

стал портретный ценностный вопросник Ш. Шварца Portrait Values Questionnaire (в модификации ESS, описание PVQ-21 дано в литературе [9]). Эта методика построена на основе разработанной Шварцем классификации ценностей, где выделяется 10 типологических ценностных индексов (шкал): Безопасность, Конформность, Традиция, Самостоятельность, Риск-новизна, Гедонизм, Достижение, Власть-богатство, Благожелательность, Универсализм. В данной модификации испытуемый оценивает 21 описание людей, характеризующихся теми или иными ценностями, по 6-бальной шкале — от «очень похож на меня» до «совсем не похож на меня».

Психологические особенности, определяющие появление тех или иных ценностей как регуляторов деятельности, могут иметь своим источником как характерологические механизмы, так и способы переработки информации и специфичные для определенных представлений о мире и о себе личностные проблемы. В учетом этого применялся широкий спектр личностных опросников: агрессивности Баса — Перри (BPAQ) в адаптации С. Ениколопова, Н.П. Цибульского; эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д. Люсина; тест Кеттелла; черт характера (ОЧХ) О.Н. Маноловой, В.М. Русалова; шкала базисных убеждений Янофф — Бульман (ШБУ) в адаптации М.А. Падун; конструктивного мышления С. Эпштейна (ОКМ) в адаптации С.Н. Ениколопова, С.В. Лебедева; нарциссические черты личности (НЧЛ) Н.М. Клепиковой, О.А. Шамшиковой; проективный тест враждебности (ПТВ); перфекционизма (ОП) Н.Г. Гараян, А.Б. Холмогоровой; методика дискриминации свойств понятий В.В. Плотно-

никова, Л.А. Северьяновой, Д.В. Плотникова, Д.В. Бердникова (МДСП); методика ценностного семантического дифференциала Ю.М. Кузнецовой (ЦСД).

Исследование проведено в группе образованных или получающих высшее образование москвичей (258 испытуемых в возрасте от 18 до 65 лет). Достоверность различий между группами с высокими и низкими баллами по каждой из четырех метаценностей для всех показателей методик устанавливалась с помощью критерия Манна — Уитни, корреляции — с помощью критерия Спирмена.

Рассмотрим данные, полученные нами при изучении психологических особенностей людей, принимающих ценности, входящие в группы так называемых метаценностей — Сохранения, Самоутверждения, Открытости и Толерантности.

Личностные особенности «охранителей»

В группу «охранителей» входят люди, выбирающие такие ценности, как безопасность, традиция и конформизм (метаценность Сохранение PVQ-21) и предпочитающие ценности самостоятельности (метаценность Открытости), благожелательности и универсализма (метаценность Выхода за пределы своего Я). Согласно ЦСД эти люди воспринимают Принципиальность, Жалость и Уважение как нечто бесполезное, что вполне соответствует ориентации на коллективизм. При этом как Принципиальность, так и Уступчивость для них не выступают как побуждающие к активности ценности.

В этой группе чаще встречаются люди со склонностью к дерзкому и за-

носчивому поведению (НЧЛ), ощущающие собственную ценность (ШБУ). Это, однако, не результирует у «охранителя» в высокие оценки себя как агрессивного и не связано с наличием неосознаваемой враждебности (нет отличий по ВРАQ и ПТВ).

Объединяет людей, выбравших ценности сохранения, сниженная, склонность к педантичности (ОЧХ) и к селектированию негативной информации о себе (ОП). Видимо, эти люди уверены в себе и не терзаются сомнениями в верности выбранного пути (за счет характерологически обусловленной нечувствительности к ошибкам в деятельности), поэтому могут позволить себе легко относиться к любой, даже негативной, информации о них и плодах их деятельности.

Корреляционное исследование подтверждает эти выводы: чем увереннее человек узнаёт себя в портрете «охранителя», тем слабее у него выражены психастенические и эмотивные тенденции (ОЧХ), а также подозрительность (ПТВ). Уточним, что речь идёт о таких чертах: 1) сниженный самоконтроль и чувство ответственности, ощущение вседозволенности и безнаказанности; 2) несклонность к сострадательности, чуткости, созерцательности; 3) несклонность видеть других людей как доминантных и завистливых, презирающих слабость.

Личностные особенности «самоутверждающихся»

В портрете, предлагаемом методикой Шварца, может узнать себя не только по-настоящему богатый человек, облечённый к тому же большой властью, но и амбициозный студент и уверенный в себе заведующий кафедрой.

Приверженец метаценности Самоутверждения (ценности Достижений и Власти-Богатства PVQ-21) — это, во-первых, человек, реже испытывающий гнев и не стремящийся к физическому насилию (BPAQ). Возможно, для окружающих он предстаёт деспотом или грубияном, но он сам воспринимает весь объём своих агрессивных действий только как средства разрешения проблемы: если он кого-то и принуждает к чему-то, то отнюдь не из-за того, что злится и негодует — для него это «лишь бизнес, ничего личного». К тому же такие сущности, как Агрессия, Сила и Власть, не кажутся ему позитивными.

Во-вторых, это человек, любящий получать удовольствия, — третья ценность PVQ-21, которую разделяет большинство «самоутверждающихся», описывается следующим образом: «Для него важно хорошо проводить время. Ему нравится себя баловать. Он ищет любую возможность повеселиться. Для него важно заниматься тем, что доставляет ему удовольствие».

В-третьих, такая ценностная ориентация базируется на здоровой почве. Эта группа отличается от своих оппонентов, отвергающий ценности самоутверждения, отсутствием нарциссических проблем (НЧЛ) и перфекционизма (ОП): им не свойственны ни обостренное чувство самозначимости, ни поглощенность фантазиями о величии, ни завышенные притязания, характерные, как выяснилось, для презирующих власть, богатство и успех. Помимо этого, «самоутверждающиеся» не страдают отсутствием эмпатии и не стремятся к манипуляциям в межличностных отношениях. Эти люди не так открыты и общительны как те, кто обесценивает самоутвержде-

ние, но менее жестки, чем они (А, I, L по тесту Кеттелла).

В-четвертых, необходимо отметить, что отвержение ценностей самоутверждения связано с наличием определенных характерологических особенностей: застревания, возбудимости, педантизма и демонстративности.

Таким образом, скорее можно говорить об особенностях тех, кто обесценивает желание быть успешным, чем о каких-то особых качествах «самоутверждающихся».

Анализ корреляций показал наличие еще одной интересной связи — между выбором ценностей самоутверждения и психологическими особенностями. Чем выше принятие этих ценностей, тем выше способность к эффективной переработке информации — растёт конструктивность мышления, преимущественно за счет снижения склонности к категоричным суждениям (ОКМ). Так что принятие собственных желаний быть «здоровым и богатым» опирается на когнитивное и личностное благополучие, а отвержение подобных желаний связано с развитием на почве определенных черт характера категоричности и неконструктивности, нарциссических тенденций, агрессивности.

Личностные особенности «открытых»

В группе «открытых» (метаценность Открытость PVQ-21) чаще принимаются метаценность Самоутверждения и Выхода за пределы своего «Я». Применение ценностного семантического дифференциала (ЦСД) позволило немного дополнить представление о ценностях людей, поддерживающих метаценность «Открытость изменениям»: Достоинство

оценивается такими людьми значимо чаще как нечто хорошее, а Принципиальность — как нечто побуждающее.

В этой группе не наблюдается ни особой агрессивности, ни особой мягкости — значимых различий между группами высоко-«открытых» и низко-«открытых» по шкалам опросника агрессивности ВРАQ нет. На уровне личностных черт (по тесту Кеттелла) «открытые» проявляют себя как замкнутые (-А) и озабоченные (-F). В этой группе ниже показатели Эмотивности (по ОЧХ), но и ниже Потребность в восхищении и Вера в собственную уникальность (по НЧЛ). У них значимо ниже склонность к Перфекционизму (по ОП) и склонность верить в удачу (по ШБУ).

Обнаружились следующие связи между предпочтением метаценности Открытости и личностными особенностями. Выбор ценностей открытости положительно коррелирует с эмоциональным интеллектом (по ЭМИн) и с дистимностью (по ОЧХ). Отрицательны корреляции со склонностью к физической агрессии (по ВРАQ), демонстративностью (по ОЧХ), верой в собственную уникальность и потребностью в восхищении (по опроснику НЧЛ), перфекционизмом (за счет общей шкалы ОП и шкалы Восприятие других как делегирующих высокие ожидания), открытостью, беспечностью и смелостью (шкалы А, F и Н теста Кеттелла).

Как можно видеть, открытость в данном случае есть характеристика не коммуникативной, а интеллектуальной и эмоциональной сфер, то есть это открытость новизне и изменениям в сфере познания — интеллектуального и эмоционального. Равно и удовольствие от риска такой человек получает не в ситуа-

ции физической опасности и моторного напряжения — его, скорее, привлекают приключения в сфере интеллектуального поиска и яркие душевные переживания. Приняв это уточнение, можно констатировать, что ценностные предпочтения этого человека довольно точно отражают особенности его эмоционального реагирования, черты характера и специфику мотивации, то есть репрезентируют самому человеку и окружающим его реальные устремления и желания.

Личностные особенности «толерантных»

В группе «толерантных» чаще принимаются метаценность Сохранения и ценности Самостоятельности и Риска, входящие в метаценность Открытость изменениям (PVQ-21). Применение ЦСД позволило уточнить отношение людей, поддерживающих ценность Выхода за пределы своего «Я» к ряду понятий, которые имеют в культуре ярко выраженную ценностную окраску. Оказалось, что Безопасность и Принципиальность такими людьми значимо чаще оцениваются как нечто полезное, Жестокость — как бесполезное, Агрессия и Обман — как плохое, а Уважение — как хорошее, Уступчивость воспринимается как нечто побуждающее.

В этой группе значимо выше показатели (по сравнению с группой тех, у кого принятие данной ценности ниже групповой нормы) по всем шкалам опросника агрессивности ВРАQ — склонность к физической агрессии, гневу и показатель враждебности. Кроме того, в этой группе выше показатели Эмоциональной нестабильности, Твердости и Подозрительности (-С, -I, L по тесту Кеттелла), выше склонность к Возбудимости и

ниже — к Эмотивности (по ОЧХ), выше склонность Ожидать особое отношение к себе (по НЧЛ).

Выбор ценностей заботы и толерантности положительно коррелирует с враждебностью и склонностью к гневу (за счет корреляции показателей ВРАQ с ценностью Универсализма PVQ-21), с возбудимостью как чертой характера (по ОЧХ), категоричностью мышления (по ОКМ), подозрительностью (шкала L теста Кеттелла). Значимые отрицательные корреляции обнаружены со способностью оперировать родо-видовыми связями (по МДСП), с эмоциональной стабильностью и чувствительностью (шкалы С и I теста Кеттелла), эмотивностью (по ОЧХ; за счет корреляции с ценностью Благожелательности).

Как можно видеть, полученные взаимосвязи дают вполне согласованную картину. Чем увереннее человек разделяет ценности толерантности, чем более он беспокоится о правах людей и защите природы, тем скорее он:

- склонен к подозрительности и обидчивости;
- склонен к вспышкам гнева, иногда разряжающимся в физическую агрессию;
- ревнив, замкнут, задумчив, тверд, раздражителен, обладает излишним самомнением, направлен на «себя», независим;
- реалист, надеется на себя, берет на себя ответственность, суров, жесток, действует по практическим соображениям, самостоятелен, циничен, не чувствителен к своему физическому состоянию, скепичен, самоуверен; нетерпим, нетерпелив, раздражителен, склонен к озабоченности и огорчениям, откладывает решение сложных вопросов;

- импульсивен, обладает высокой моторной активностью и скоростью, интенсивностью и амплитудой эмоциональных реакций, имеет устойчивую, определенную самим индивидом в результате жизненного опыта систему ценностей, отличается стремлением к соперничеству, для него характерны эгоцентризм и четко очерченные границы собственного «Я», при этом отличается внушаемостью;

- не обладает высокой эмоциональной чувствительностью и впечатлительностью, не склонен к рефлексии;

- при установлении сходства или различий выносит суждения на основе случайных, эмоциональных или латентных признаков, пользуется допонятийными формами обобщений;

- склонен видеть мир только как черно-белый, без различения деталей, ригиден, склонен к максимализму, часто судит предвзято, решителен, быстро раздражается и злится при столкновении с ситуациями, не вписывающимися в его стереотипы.

Очевидно, что в данном случае выбор ценностей обусловлен действием такого личностного защитного механизма, как отрицание: чем выше у человека враждебность и гневливость, тем больше он верит в свою терпимость, а чем он бесчувственнее и грубее, тем скорее он выбирает ценность благожелательности.

Столь яркое проявление работы механизма отрицания вынуждает нас при интерпретации полученных данных обратиться к схемам психоаналитического подхода. Как указывается в литературе [12], «Фрейд обнаружил, что работа бессознательного определяется не логикой и разумом, но примитивным, направляемым импульсами мышлением,

названным им первичным процессом». Фрейд же установил, что первичный процесс не выделяет целостные объекты. Из этого следует, что в ситуации замены обычного интеллектуального процесса, инспирированного аффектом отражения реальности, нарушается константность восприятия. Это объясняет невозможность субъекта первичного процесса удерживать в диалоге предмет разговора — один и тот же обсуждаемый предмет при каждом новом повороте дискуссии представляется ему новым предметом. Для здорового человека это выглядит как субразорванность или как продвижение по связям синкретических обобщений.

Процесс категоризации предмета, проходящий в условиях аконстантности, сокращается за счет этапа проверки признаков, поскольку эти признаки при фиксации внимания на них утрачивают связь с исходным предметом и выступают уже как самостоятельные предметы. Это заставляет человека делать процесс вынесения суждения быстрым и не отвлекаться на нюансы. Использованный нами опросник ОКМ С. Эпштейна [2] направлен как раз на измерение характера так называемого опытного мышления, которое автор описывает как некий третий, промежуточный между первичным процессом и логическим интеллектом, способ работы с информацией. Одна из шкал методики характеризует близость опытного мышления к первичному процессу по скорости и категоричности суждений. Как было указано выше, обнаружено, что именно эта шкала — Категорического мышления ОКМ — значимо связана не только с предпочтением ценности Универсализ-

ма PVQ-2 1, но и с уровнем враждебности ВРАQ.

Таким образом, можно утверждать: получены эмпирические данные о том, что то примитивное, направляемое импульсами мышление, которое Фрейд назвал первичным процессом, действительно направляется импульсами агрессии, но не любыми, а теми, что легитимированы субъектом в рамках враждебной картины мира. Другие способы принятия собственной агрессивности, которые могут быть измерены с помощью опросника (физическая агрессивность и склонность к гневу), с категоричностью суждений оказались не связаны. Следовательно, такую когнитивную переработку опыта, которая приводит к развитию представлений о враждебности мира, нельзя признать эффективной — именно она консервирует агрессивный импульс, что и провоцирует развитие первичного процесса относительно широкого круга потенциально угрожающих объектов.

Итак, полученные данные позволяют говорить о существовании аффективно-когнитивно-ценностного комплекса, в котором в роли легитиматора враждебности выступает ценность толерантности. Отметим, что выявленные отношения образуют замкнутый контур с положительной обратной связью, что означает неизбежное нарастание выраженности всех трех признаков. Усиление толерантности, рост враждебности и снижение конструктивности мыслительного процесса взаимно «подпитывают» друг друга и делают саму систему аффективно-когнитивной регуляции неустойчивой. Ценности в этом комплексе начинают играть роль идеологии, предписывающей определенные суждения и оценки.

Литература

1. Величковский Б.М. Когнитивная наука: основы психологии познания. Т. 2. М.: Смысл, 2006.

2. Ениколопов С.Н., Лебедев С.В. Адаптация методик исследования посттравматических стрессовых расстройств // Психологическая диагностика. 2004. № 3. С. 19–38.

3. Ениколопов С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 37–47.

4. Датий А.В., Казберов П.Н. Создание базовых (типовых) психокоррекционных программ для работы с осужденными // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 216–218.

5. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Интернет-конференция «Преобразование воспитательных колоний в учреждения для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 181–182.

6. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.

7. Кузнецова Ю.М. Психосемантический подход к описанию влияния эмоционального выгорания на

ценностный контекст педагогической деятельности // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 36–58.

8. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007.

9. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93). С. 33–58.

10. Сочивко Д.В. Психология молодежных субкультур, или «Хлеба и зрелищ» на современный лад // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1.

11. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.А. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1.

12. Шарф Дж.С., Шарфф Д.Э. Основы теорий объектных отношений: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009. С. 23–24.

13. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц [и др.] // Психология / Высшая школа экономики. Т. 9. 2012. № 2. С. 43–71.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЛУШАТЕЛЕЙ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ УЧЕБНЫХ ЦЕНТРОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ

Я. Н. Полякова

Аннотация: развитие профессионально важных качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) продолжает оставаться актуальной проблемой. Внимания ей со стороны сотрудников, которые обеспечивают режим и безопасность в учреждениях УИС, уделяется недостаточно. Главная особенность профессиональной деятельности сотрудника — ежедневный контакт со спецконтингентом. Условия и правила такой коммуникации требуют

соблюдения правовых норм. Безусловно, указанные особенности предъявляют определенные требования к развитию профессионально важных качеств сотрудников УИС.

В развитии указанных качеств большую роль играет установка на сам процесс, которая должна происходить ходе подготовки сотрудников в учебных центрах Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН России). В статье рассмотрены результаты эм-

пирического исследования особенностей развития профессионально важных качеств сотрудников УИС в период первоначального обучения в этих центрах. Условием развития профессионально важных качеств выступает психолого-педагогическое сопровождение слушателей учебных центров ФСИН России. При разработке программы такого сопровождения особое внимание уделялось введению в учебно-воспитательный процесс таких форм психолого-педагогической работы, которые способствовали бы формированию правового самосознания слушателя посредством развития необходимых профессионально важных качеств.

Апробация разработанной программы психолого-педагогического сопровождения проведена со слушателями первоначального обучения учебного центра ФСИН России. Основной целью программы является создание оптимальных условий для развития профессионально важных качеств сотрудников УИС с опорой на личностные качества обучаемых с учетом их развития в пенитенциарной среде.

Оценка эффективности программы проведена на основе применения психодиагностических методик и последующей обработки результатов с помощью методов математической статистики. Замеры произведены у слушателей при поступлении в учебный центр и после окончания обучения. Результаты применения программы показали положительную динамику изменения уровня развития профессионально важных качеств, наиболее интенсивными они были в уровне развития эмоционально-го интеллекта. Навык понимания чувств и эмоций других людей является опре-

деляющим для эффективного исполнения служебных обязанностей сотрудниками УИС.

Внедрение программы психолого-педагогического сопровождения слушателей учебных центров ФСИН России способствует тому, что уже на начальном этапе профессиональной деятельности сотрудника УИС возможно сформировать необходимый потенциал для развития у него профессионально важных качеств.

Ключевые слова: профессионально важные качества сотрудников УИС, психолого-педагогическое сопровождение, программа психолого-педагогического сопровождения, первоначальное профессиональное обучение.

В настоящее время в российском обществе происходят процессы обновления и оптимизации деятельности различных сфер социальной жизни, в том числе УИС. Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года модернизация системы исполнения наказаний связана с переориентацией России на западноевропейский опыт и достижения в пенитенциарной практике, необходимостью учета интересов и требований мирового сообщества по введению международных стандартов обращения с заключенными. Процессы оптимизации деятельности УИС в первую очередь предъявляют более высокие требования к подготовке высококвалифицированных кадров всех уровней, способных обеспечить качественное функционирование системы в целом [2].

Таким образом, задача своевременного обеспечения учреждений и органов УИС квалифицированными кадра-

ми является в настоящее время одной из приоритетных. Обеспечение эффективного процесса исполнения уголовных наказаний, в том числе в виде лишения свободы, зависит не только от создания необходимой правовой, экономической и материально-технической базы, но и в значительной степени от персонала учреждений, исполняющих наказания, степени его подготовки и профессионализма, моральной зрелости и уровня правовой культуры [5].

Профессиональная деятельность сотрудников УИС происходит в условиях повышенной нагрузки, постоянно меняющейся обстановки, характеризуется экстремальностью, стрессогенностью. Одна из основных особенностей профессиональной деятельности сотрудников УИС — это ежедневный контакт со спецконтингентом [11]. Такие обстоятельства требуют от сотрудников мгновенной собранности, способности противостоять не только физической, но и эмоциональной агрессии, и при этом (что очень важно) соблюдения основных прав человека. Но не все сотрудники готовы к действиям в соответствии с этими требованиями, особенно те, кто исполняет служебные обязанности в непосредственном контакте со спецконтингентом — инспекторы служб охраны, режима и надзора.

Служба в УИС предполагает наличие у сотрудников соответствующих нравственных качеств, эмоциональной выдержки, терпимости, самообладания, социального иммунитета к влиянию криминальной субкультуры и других неблагоприятных факторов. Процесс формирования и развития профессионально значимых качеств сотрудника профессионала в УИС носит непрерыв-

ный характер и происходит как непосредственно во время служебной деятельности, так и в системе профессионального образования. Перед образовательными учреждениями дополнительного профессионального образования ФСИН России стоит задача воспитания и обучения кадров, способных действовать адекватно и эффективно при исполнении служебных обязанностей [2].

Анализ практической деятельности учебных центров ФСИН России, а также нормативно-правовых актов, регламентирующих их деятельность, показывают, что указанные направления деятельности реализуются не в полном объеме. В ряде случаев у сотрудников, ответствовавших на начальном этапе профессионального отбора основным требованиям службы в УИС, при прохождении первоначальной подготовки в учебном центре выявляется недостаточный уровень развития профессионально важных качеств, что в дальнейшем отражается на их профессионализме в ходе служебной деятельности.

Вопросами развития профессионально важных качеств сотрудников различных силовых структур на этапе профессиональной подготовки занимались ученые И.В. Горлинский, Т.В. Даниличева, В.Г. Деев, С.А. Лузгин, В.М. Литвишков, В.М. Морозов, С.Н. Пономарев, А.М. Столяренко, М.П. Стурова, Н.А. Тюгаева, А.М. Киселев. Некоторые аспекты психологической подготовки курсантов (слушателей) и сотрудников пенитенциарных учреждений к действиям в экстремальных ситуациях освещены Б.Б. Казаком, О.Г. Ковалевым, И.В. Михалевой, А.В. Наприсом, В.М. Поздняковым, В.А. Семеновым, А.Н. Суховым, А.И. Ушатиковым.

Для развития профессионально важных качеств сотрудников УИС на этапе первоначальной подготовки необходимо придать образовательному процессу профессионально-психологическую направленность. Как следствие, возникает задача разработки психолого-педагогических направлений первоначального обучения сотрудников УИС. Решение данной задачи позволит активизировать психологические механизмы развития профессионально важных качеств еще на этапе адаптации сотрудника к условиям служебной деятельности.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение слушателей учебных центров ФСИН России должно стать тем самым «узлом, соединяющим отдельные виды деятельности» [3] — служебной и учебной. Иными словами, уровень развития профессионально важных качеств выступает одним из критериев оценки психолого-педагогического сопровождения первоначального обучения сотрудников, и чем выше будет уровень развития у них профессионально важных качеств, тем успешнее пройдет их адаптация к служебной деятельности.

Необходимо отметить, что адаптация сотрудника происходит не просто к служебной, а к новой профессиональной деятельности. Эта особенность относится именно к слушателям, проходящим курс первоначального обучения, которые до поступления на службу в УИС занимались деятельностью, отличающейся от пенитенциарной. А.А. Реан указывает, что переход взрослого человека к новой профессиональной деятельности представляет собой принципиально иной феномен по сравнению с поиском и выбором первой профессии. У субъекта уже

имеется определенный уровень знаний, опыта и навыков, а также профессионально важных качеств [10].

Организованное психолого-педагогическое сопровождение слушателей учебных центров ФСИН России становится необходимым условием развития у них профессионально важных качеств. Вследствие этого возникает необходимость сформировать психологическую направленность первоначального обучения [6].

Под психолого-педагогическим сопровождением слушателей, проходящих первоначальное обучение в учебных центрах ФСИН России, будем понимать целостный и непрерывный процесс изучения личности слушателя в целях развития профессионально важных качеств, создания условий для их самореализации во всех сферах деятельности, осуществляемый всеми субъектами воспитательно-образовательного процесса в ситуациях первоначального обучения.

Разработка программы психолого-педагогического сопровождения в ходе первоначальной подготовки в учебных центрах ФСИН России обусловлена как пересмотром системы профессиональной подготовки сотрудников УИС, так и появлением необходимости в системе психолого-педагогического сопровождения обучаемых, способствующей эффективному начальному становлению личности сотрудника УИС.

Разработанная нами программа психолого-педагогического сопровождения основывается на принципах гуманизма, системного целеполагания, системности, субъект-субъектной парадигмы, реализуемой в рамках психолого-педагогического сопровождения, соче-

Таблица 1

Сопоставление групп ПВК и исследуемых индивидуальных качеств

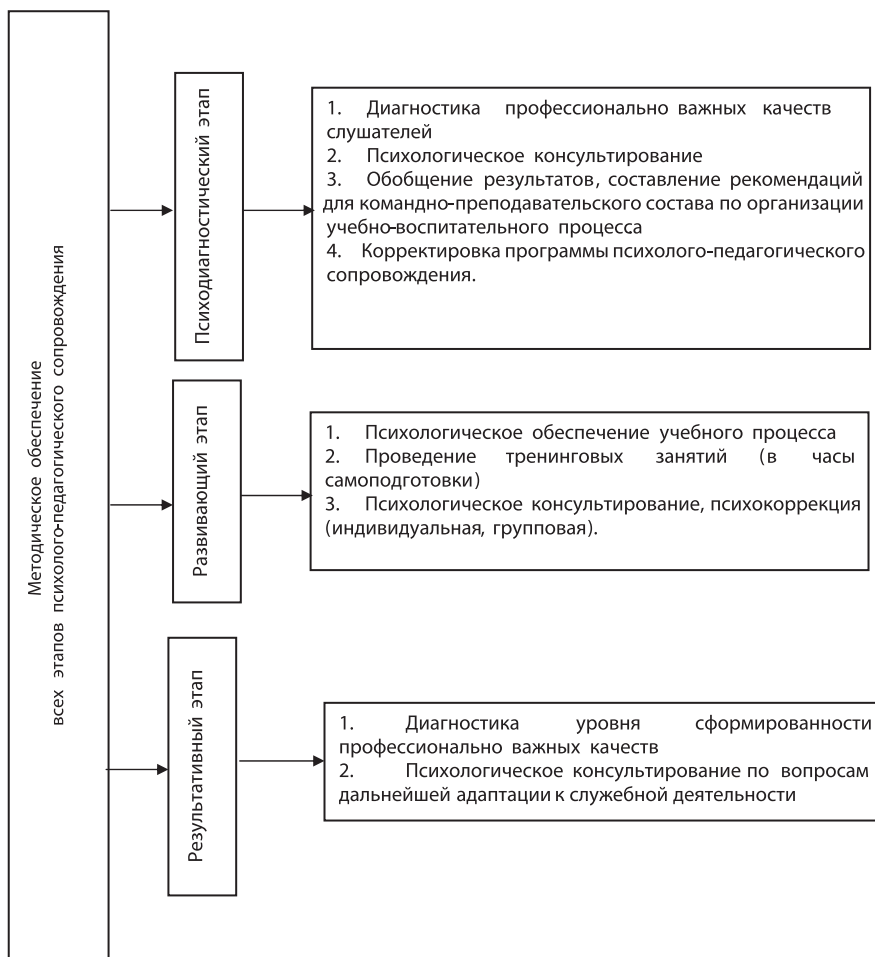
Группа ПВК	Качество
Профессиональная эмпатия — способность к эмоциональному пониманию других людей (в том числе и интуитивному) адекватно условиям пенитенциарного учреждения.	Эмпатия (как способность понимать других людей) Эмоциональное самосознание (интуитивное понимание) Эмоциональная резистентность (устойчивость к эмоциональным факторам) Поведенческая регуляция Моральная нормативность
Высокоорганизованный самоконтроль	Эмоциональный самоконтроль (управление самоотношением) Уровень правосознания Нервно-психическая устойчивость Сила (волевые качества, уверенность, самоконтроль)
Высокий уровень профессиональной культуры	Сила (волевые качества, уверенность, самоконтроль) Уровень правосознания Нервно-психическая устойчивость Активность, общительность Поведенческая регуляция
Профессиональная (пенитенциарная) толерантность — проявление терпимости адекватно условиям пенитенциарной среды	Уровень правосознания Моральная нормативность Эмоциональная влиятельность Коммуникативный потенциал Сила (волевые качества, уверенность, самоконтроль) Оценка (самоуважение) Уважение к социальным и этическим требованиям, ответственность
Профессиональная компетентность как умение грамотно использовать и воспринимать новую информацию.	Активность, общительность Коммуникативный потенциал Моральная нормативность Оценка профессионального уровня (на входном контроле, в период обучения, итоговой аттестации)
Адаптационный потенциал как ресурс к развитию адаптационных способностей	Нервно-психическая устойчивость Личностный адаптационный потенциал Сила (волевые качества, уверенность, самоконтроль)

тает результативный и процессуальный подходы, а также создает условия постоянного взаимодействия субъектов учебно-воспитательного процесса, позволяет корректировать содержание психолого-педагогического сопровождения в зависимости от качественного состава учебной группы. Программа предназначена для категории рядового и младшего начальствующего состава подразделений охраны, режима и безопасности учреждений УИС.

Цель программы: создание оптимальных условий для профессионально-личностного развития сотрудника УИС на этапе первоначального обучения в учебном центре ФСИН России.

Задачи программы:

- выработка и совершенствование умений и навыков профессионального поведения у слушателей в процессе активного социального обучения;
- формирование способностей к профессиональному самосовершен-

Рис. 1. Содержание программы психолого-педагогического сопровождения слушателей специального первоначального обучения учебных центров ФСИН России

ствование, самообразованию;

– развитие профессионально важных качеств сотрудника УИС.

Профессионально важные качества были определены нами по результатам констатирующего эксперимента и объединены в группы, а именно: профессиональная эмпатия, высоко-

организованный самоконтроль, высокий уровень профессиональной культуры, профессиональная (пенитенциарная) толерантность, адаптационный потенциал, профессиональная компетентность [8].

Группы качеств имеют профессиональную (пенитенциарную) направлен-

Таблица 2

Значения p для критерия U Манна-Уитни

Качество	ЭИ	МН	КП	ПР	ЛАП	НПУ	OLD	CLD	ALD	С
Уровень р Вывод асимптотически	0,457	0,749	0,899	0,016	0,136	0,054	0,811	0,668	0,111	0,50

Примечание: Для U , если $p \geq 0,05$, то H_0 принимается.

ность, но опираются в своем развитии на личностные качества слушателей. В таблице 1 сопоставлены группы профессионально важных качеств (далее — ПВК) и индивидуальных личностных качеств, исследуемых по психодиагностическим методикам.

Программа психолого-педагогического сопровождения схематично представлена на рисунке 1.

Формирующий эксперимент по апробации и внедрению данной программы был организован на базе межрегионального учебного центра УФСИН России по Волгоградской области.

Психодиагностические замеры уровня выраженности ПВК были проведены в двух учебных группах слушателей, прибывших на курсы специального первоначального обучения в учебный центр, с целью рандомизации выборок и выделения контрольной и экспериментальной групп. В обследовании приняли участие 36 слушателей (по 18 человек в каждой группе).

Исследование профессионально важных качеств проведено с использованием следующих психодиагностических методик: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) (А.Г. Маклаков, С.В. Черемянин), оценка нервно-психической устойчивости «Прогноз» (Санкт-Петербургская военно-медицинская академия им. С.М.

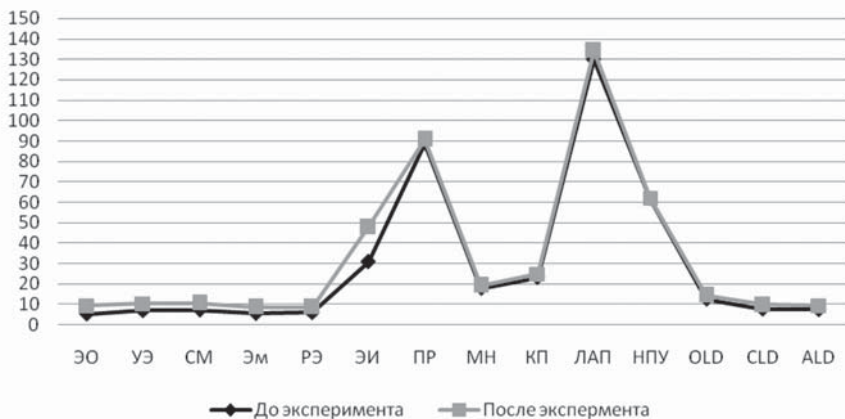
Кирова), методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В.М. Бехтерева), «Диагностика эмоционального интеллекта» (Н. Холл), методика «Пословицы и поговорки», «Шкала совестливости» (В.В. Мельников, Л.Т. Ямпольский).

По результатам, полученным по психодиагностическим методикам в двух группах, проведено сравнение с применением критерия U Манна – Уитни для двух независимых выборок.

Выдвигаемая гипотеза (H_0): уровень измеренного признака в экспериментальной группе не ниже уровня признака в контрольной группе.

В результате применения критерия Манна – Уитни по качеству ПР (поведенческая регуляция) отклоняется гипотеза о том, что уровень признака в экспериментальной группе не ниже уровня признака в контрольной группе, то есть уровень ПР в экспериментальной группе выше (значимость ПР = 0,016 при $p = 0,05$). Этот же критерий, замеренный после окончания обучения, мы подвергнем обработке, чтобы выявить тенденцию к изменению уровня измеряемого признака.

По остальным измеряемым признакам гипотеза подтверждается ($p > 0,05$), следовательно, будем считать, что до проведения эксперимента в контрольной и экспериментальной группах рас-

Рис. 2. Средние показатели по измеряемым качествам в экспериментальной группе (до и после эксперимента)

пределение по всем признакам является одинаковым.

С целью проведения формирующего эксперимента нами была определена экспериментальная группа, состоящая из 18 слушателей категории рядового и младшего начальствующего состава, прибывших на курсы специального первоначального обучения в межрегиональный учебный центр УФСИН России по Волгоградской области. Эксперимент продлился на срок обучения — 1 месяц. Контрольная группа при этом воздействию не подвергалась.

Программа психолого-педагогического сопровождения была реализована поэтапно:

1. Диагностический этап — проведена вводная психодиагностика уровня сформированности профессионально важных качеств слушателей.

По результатам тестирования составлены индивидуальные портреты слушателей, выработаны рекомендации для командно-преподавательского состава по организации учебно-воспи-

тательного процесса. Кроме того, был составлен общий профиль учебной группы, что необходимо для доработки (коррекции) программы психолого-педагогического сопровождения с применением технологии педагогического проектирования. Доработка (коррекция) программы заключается прежде всего в составлении программы тренинговых занятий на основе базовой программы тренинга в том случае, если есть необходимость активизировать развитие тех качеств, уровень которых наиболее низкий.

2. Развивающий этап — реализация программы психолого-педагогического сопровождения.

3. Результативный этап — основная задача заключалась в оценке уровня развития профессионально важных качеств после реализации программы психолого-педагогического сопровождения и сравнения результатов в контрольной и экспериментальной группах с целью выявления уровня эффективности предложенной программы.

Таблица 3

Суммы рангов по Т-критерию Вилкоксона

Критерий	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Сумма положительных рангов	Сумма отрицательных рангов	Сумма положительных рангов	Сумма отрицательных рангов
Общий уровень эмоционального интеллекта (ЭИ)	171,00	0,0	55,50	115,50
Поведенческая регуляция (ПР)	36,00	0,0	83,50	69,50
Морально-нравственная нормативность (МН)	28,00	0,0	57,50	78,5
Коммуникативный потенциал (КП)	28,00	0,0	55,00	98,00
Личностный адаптационный потенциал (ЛАП)	36,00	0,0	56,50	63,50
Нервно-психическая устойчивость (НПУ)	6,00	0,0	29,00	91,00
Самоуважение (оценка OLD)	78,00	0,0	45,50	74,50
Волевые качества (сила CLD)	66,00	0,0	30,50	105,50
Активность (ALD)	45,00	0,0	52,50	67,50
Совестливость (С)	28,00	0,0	28,50	91,50

На диаграмме (рис. 2) приведены профили экспериментальной группы до проведения эксперимента и после его завершения по средним значениям измеренных признаков. Можно отметить, что наибольший рост значений наблюдается по шкалам методики исследования эмоционального интеллекта (Н. Холл), при этом положительные изменения произошли по шкалам самоуважения, волевых качеств, личностному адаптационному потенциалу.

Оценка изменений была проведена с помощью методов математической статистики. Для этого был применен метод Т-критерия Вилкоксона (для выявления

сдвига значений при двух замерах в одной и той же выборке) к результатам, полученным как в экспериментальной, так и в контрольной группе.

Гипотеза согласно Т-критерия Вилкоксона:

H_0 : интенсивность сдвигов в направлении увеличения значения исследуемого признака (типичном направлении) не превосходит интенсивности сдвигов в направлении уменьшения исследуемого признака (нетипичном направлении).

Поскольку суммы отрицательных рангов по измеренным показателям в экспериментальной группе (табл. 3) равны нулю, то в данном случае нам необ-

Таблица 4

Значимость интенсивности отрицательных сдвигов при $p=0,05$

значимость	ЭИ1 - ЭИ	ПР1 - ПР	МН1 - МН	КП1 - КП	ЛАП1 - ЛАП	НПУ1 - НПУ	OLD1 - OLD	CLD1 - CLD	ALD1 - ALD	C1 - C
р для экспериментальной группы	0,000 ^а	0,012 ^а	0,017 ^а	0,017 ^а	0,012 ^а	0,109^а	0,002 ^а	0,003 ^а	0,007 ^а	0,017 ^а
р для контрольной группы	0,191 ^а	0,740^б	0,585 ^а	0,305 ^а	0,842 ^а	0,078 ^а	0,410 ^а	0,052 ^а	0,669 ^а	0,072 ^а

Примечание: а — используются отрицательные ранги, б — использовались положительные ранги.

ходимо оценить интенсивность положительных сдвигов. Другими словами, надо ответить на вопрос: какие показатели увеличились в большей степени, а какие — в меньшей?

Наибольшая интенсивность увеличения показателей наблюдается по качествам: уровень эмоционального интеллекта, самоуважение и волевые качества, наименьшая интенсивность возрастания — по качеству нервно-психической устойчивости (НПУ). Начальные значения НПУ, измеренные у испытуемых до начала эксперимента, свидетельствуют о достаточном уровне развития этого качества. Стоит отметить, что изменения в уровне показателя НПУ целесообразнее измерить повторно через некоторое время после возвращения слушателя к исполнению служебных обязанностей, в рабочую обстановку (поскольку любая учебная, в том числе трениговая, программа обладает отсроченным эффектом). Под нервно-психической устойчивостью понимается способность человека регулировать свое взаимодействие со средой деятельности [1]. Но психологические мероприятия, связанные с моделированием служебных ситуаций и их отработкой, которые содержатся в трениговых занятиях согласно содержанию про-

граммы психолого-педагогического сопровождения, в целом дали положительный результат.

При выборе экспериментальной и контрольной групп мы указывали, что уровень ПР (поведенческой регуляции) в экспериментальной группе был изначально выше, чем в контрольной, поэтому интенсивность положительного сдвига данного показателя может быть незначительной в силу имеющегося достаточного уровня до экспериментального воздействия.

Для контрольной группы интенсивность уменьшения измеренных признаков превосходит интенсивность увеличения их значений при $p > 0,05$ (табл. 4). По критерию поведенческая регуляция (ПР) в контрольной группе наблюдается превышение положительной интенсивности роста значения ($p = 0,740$ для положительного сдвига). Поведенческая регуляция — это понятие, характеризующее способность человека регулировать свое взаимодействие со средой деятельности. Поскольку программой обучения учебного центра предусмотрена индивидуально-воспитательная работа со слушателями, то такое воздействие (в случае грамотной организации) вполне может способствовать такому изменению.

Исходя из результатов исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Анализ полученных в экспериментальной группе данных показал, что произошел рост уровня развития профессионально важных качеств благодаря внедрению в учебно-воспитательный процесс программы психолого-педагогического сопровождения слушателей, проходящих первоначальное обучение в учебных центрах ФСИН России.

2. В контрольной группе применение Т-критерия Вилкоксона позволило сделать вывод о том, что изменений в направлении увеличения значений по всем исследуемым качествам не выявлено, за исключением такого качества, как поведенческая регуляция.

3. Проведенный эксперимент выявил положительную тенденцию в формировании и развитии профессионально важных качеств сотрудников УИС на этапе профессиональной подготовки.

4. Психолого-педагогическое сопровождение слушателей, проходящих первоначальное обучение в учебных центрах ФСИН России, представляет собой образовательную технологию.

Литература

1. Берг Т.Н. Нервно-психическая неустойчивость и способы ее выявления. Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2005. 63 с.

2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. М., 2010

3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

4. Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.

5. Огородников А.В. Особенности деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы России // Вестник СамГУ. 2010. № 5 (79). С. 219–223.

6. Поздняков В.М. Направления совершенствования психологического обеспечения работы с со-

трудниками ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 8–17.

7. Поздняков В. М., Черкасова М. А. Особенности профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных этапах прохождения службы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 22–31.

8. Полякова Я.Н. Профессионально важные качества сотрудника УИС в экспертных оценках и представлениях сотрудников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 275–282.

9. Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы: приказ Минюста России: [от 27 авг. 2012 г. № 169].

10. Рван А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. СПб., 2008. 479 с.

11. Ромашов А.Р. Психологические аспекты воспитания и взаимодействия субъектов пенитенциарных отношений // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 32–37.

12. Симаква Т.А. К вопросу о проблеме правового самосознания // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 32–37.

13. Ушатинов А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. Рязань, 2003.

14. Чекунова Е.А. Психолого-педагогическое сопровождение развития личности в образовательном пространстве школы // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 239–247.

15. Сочивко Д.В. Актуальные проблемы современной пенитенциарной системы и методологии ее изучения // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 1. С. 34–43.

16. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н. Восьмой научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» проблемы массового сознания: управление и манипулирование на границе правового поля // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 145–149.

17. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.

18. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.

19. Сочивко Д.В. Психодинамика чувства юмора // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 14–19.

20. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика семантических полей как фактор управления личностными смыслами поведения (на примере эмпирических исследований лояльности-толерантности курсантов) // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 16–25.

21. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 8–22.

22. Сочивко Д.В., Щелкушкина Е.А. Проблема психодинамической типологии личности осужден-

ных за убийство // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 6–21.

23. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология. Рязань, 2003.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ВПЕРВЫЕ ОСУЖДЕННЫХ В ПРОЦЕССЕ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Л. В. Скрипка

Аннотация: в статье анализируются факторы, оказывающие влияние на личность впервые осужденных, к таким факторам разные авторы относят изоляцию, назначенные сроки наказания, этапы отбывания наказания. Рассматриваются эмоциональные переживания, которые различаются по своему содержанию и направленности, имеют определенную силу, глубину, устойчивость и скорость протекания, они проявляются в виде эмоциональных процессов, состояний, и эмоциональных особенностей личности. Эмоциональный процесс представляет собой определенную реакцию организма на изменение, как во внутренней, так и во внешней среде. Раскрываются эмоциональные состояния, такие как: настроение, стресс, фрустрация, которые переживают впервые осужденные в процессе отбывания наказания. Так на настроение осужденных воздействуют сложившиеся обычаи, традиции и нравы, режим и средства его осуществления, прекращение общения осужденных с родными и близкими, переживания, связанные с физической изоляцией от общества, также сильное влияние на личность осужденного оказывают кол-

лективное и групповое настроение. Более полную оценку поведения и деятельности осужденного в тех или иных условиях дают его эмоциональные особенности и эмоциональные качества. К эмоциональным особенностям человека относятся эмоциональная возбудимость, эмоциональная импульсивность, эмоциональная лабильность (подвижность). В процессе изучения эмоциональной сферы осужденных отмечено, что в большей степени фрустрации подвержены эмоциональные натуры, осужденные с повышенной возбудимостью, не способные к преодолению трудностей, со слабо развитыми волевыми качествами.

Ключевые слова: осужденные, отбывание наказания, эмоциональные переживания, настроение, стресс, фрустрация, эмоциональная возбудимость, эмоциональная импульсивности, эмоциональная лабильность.

Развитие любого человека, а осужденного в особенности, во многом обусловлено его микросоциумом, общением с другими людьми. Человек, впервые помещенный в места лишения свободы, оказывается в сложившейся социаль-

ной среде, отличающейся от той, в которой он жил ранее. Естественно, ему приходится приспосабливаться к этим условиям, и адаптация не проходит бесследно. У индивида изменяются личностные свойства, появляются новые.

Лишение свободы переживается осужденными по-разному и приводит к различным личностным изменениям: в одних случаях — к положительному изменению социально-правовой позиции личности, в других — к усугублению криминогенных склонностей и рецидиву преступлений. Такое влияние обусловлено противоречивым характером самого наказания, о котором юристы пишут, что оно, с одной стороны, полезно, необходимо, защищает общество от преступных посягательств, с другой — исключает осужденных из нормальной жизни, разрушает их положительные социальные связи. В связи с этим свойством наказания А. Л. Ременсон говорил о лишении свободы как об особом конфликтном отношении, для разрешения которого «общество вынуждено пожертвовать одной из противоречивых сторон...» [1].

Переживание лишения свободы обусловлено рядом специфических факторов, оказывающих влияние на личность осужденного. Ю. М. Антонян, Г. Г. Шиханцев, А. Д. Глоточкин, В. Ф. Пирожков, Е. А. Елеонский относили к таким факторам изоляцию от родственников, назначенные сроки наказания, факт утраты свободы, этапы отбывания наказания [1].

Е. А. Елеонский отмечал, что острота переживания наказания во многом зависит от количества судимостей осужденного [1]. Впервые осужденные к лишению свободы особенно трудно переживают начальный период. Это объясняется тем, что у неоднократно отбы-

вающих наказание создаются четкие представления об обстановке в исправительном учреждении и накапливается опыт адаптации. Данное положение подтверждено исследованиями В. М. Литвишкова, который выявил, что неоднократно судимые слабо переживают наказание, так как они уже знакомы с обстановкой и жизнью в колонии и быстро адаптируются к этим условиям, что и приглушает переживания ими утраты свободы [7, с. 107].

Немаловажными факторами, влияющими на переживания, являются назначенный срок наказания и само совершенное преступление. Так, в своих исследованиях В. М. Литвишков пришел к мнению, что переживание наказания связано с назначенным сроком наказания: чем длительнее этот срок, тем тяжелее переживается осужденным утрата свободы. Однако эта закономерность проявляется только у лиц, осужденных к лишению свободы сроком до пяти лет включительно. Среди осужденных на срок свыше пяти лет, а также до одного года наблюдается одинаковый удельный вес лиц, наиболее тяжело переживающих уголовное наказание (65 %). «Следовательно, краткие и слишком длительные сроки наказания несколько приглушают у осужденных чувство свободы и переживания по поводу ее утраты и влияют на формирование у них моральной ответственности в нежелательном направлении» [7, с. 107].

Эмоциональные переживания человека изменчивы и различаются по своему содержанию и направленности, имеют определенную силу, глубину, устойчивость и скорость протекания [5]. Они проявляются в виде эмоциональных

процессов, состояний и эмоциональных особенностей личности.

Эмоциональный процесс представляет собой определенную реакцию организма на изменения как во внутренней, так и во внешней среде. Эмоциональный процесс имеет три основные характеристики. Во-первых, эмоциональный процесс — это реакция на событие, имеющее значение для субъекта, скорость протекания психических и моторных процессов. Человек реагирует на то, что для него значимо. Во-вторых характеристика эмоционального процесса определяет, какое значение имеет то или иное событие для личности — позитивное или негативное, тем самым является знак эмоции. Последующая характеристика эмоционального процесса связана с содержанием прежнего опыта, который отражается в эмоции. В зависимости от этого могут быть вызваны особые формы поведения [8].

Эмоциональные состояния в отличие от процессов личности сравнительно устойчивы и могут сохраняться в течение часа, недели, месяца. В зависимости от силы, длительности, устойчивости различаются следующие эмоциональные состояния: настроение, стресс, фрустрация и т. д. [3,4,5,6]. В них более полно раскрываются эмоциональные особенности личности.

Настроение — эмоциональное состояние, которое придает определенную окраску всей системе отношений личности. Одной из причин изменения его, как пишет М. И. Дьяченко, «может быть какое-нибудь конкретное событие, приятное или неприятное известие, удача или неудача в труде, столкновение с окружающими людьми болезнь. Одни настроения положительно влияют на де-

ятельность человека, другие, наоборот, отрицательно» [2].

Сильное влияние на личность осужденного оказывают коллективное и групповое настроение. Так, А. Д. Глотчкин и В. Ф. Пирожков отмечают, что коллективное настроение значительно больше, чем индивидуальное, детерминировано условиями материальной и духовной жизни людей, социальными факторами, условиями труда, быта, досуга, уровнем воспитательной работы в колонии. На настроение осужденных воздействуют сложившиеся обычаи, традиции и нравы, режим и средства его осуществления, прекращение общения осужденных с родными и близкими, переживания, связанные с физической изоляцией от общества, и такие обстоятельства, как местоположение колонии, ее планирование, общий вид [2].

Важно научиться управлять настроением осужденных, а для этого необходимо знать причины и условия, которые его вызывают.

Стресс — эмоциональное состояние, возникающее в трудной для человека ситуации. Оно вызывается обстановкой опасности, потерей близких людей, непривычными условиями, которые вызывают перенапряжение центральной нервной системы. Особенно часто это эмоциональное состояние наблюдается у впервые осужденных из-за того, что они теряют то социальное окружение, в котором они находились до осуждения. Такое явление снижает критичность восприятия, мышления, ухудшает сопротивляемость к отрицательным воздействиям среды ИУ, делает осужденных невосприимчивыми к воспитательным мероприятиям.

Стресс может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на деятельность, вплоть до полной ее дезорганизации. Более полную оценку поведения и деятельности осужденного в тех или иных условиях дают его эмоциональные особенности и эмоциональные качества.

К эмоциональным особенностям человека относятся эмоциональная возбудимость, которая характеризуется реакцией человека на те, или иные раздражители, его реагирование на внешнее воздействие. Эмоциональная импульсивность — это скорость возникновения эмоционального возбуждения и перехода его в побудительную силу мотива совершения действий и поступков.

Эмоциональная лабильность (подвижность) связана с темпом и ритмом сменяемости эмоций [6].

Фрустрация — эмоциональное состояние осужденного при возникновении реальных или воображаемых препятствий на пути к цели, которые он оценивает как сложные или непреодолимые. Кратко фрустрацию можно определить как крушение жизненных планов, надежд, намерений. Фрустрация возникает в условиях отрицательной оценки и самооценки осужденных. В процессе изучения эмоциональной сферы осужденных отмечено, что в большей степени фрустрации подвержены эмоциональные натуры, осужденные с повышенной возбудимостью, не способные к преодолению трудностей, со слабо развитыми волевыми качествами. Особенности фрустрации зависят от возможной разрядки возникшего напряжения. Она может ослабевать, исчезать или усиливаться. Если чрезмерное напряжение не снимается, то состояние переходит в

другое качественное состояние и может завершиться немотивированной агрессией по отношению к другим.

Фрустрация порождает также безразличие к своему положению и состоянию. Естественно, что подобные последствия фрустрации у каждого осужденного проявляются по-своему, в соответствии с особенностями его личности.

Таким образом, знание особенностей эмоциональной сферы, внешних и внутренних факторов, влияющих на нее, проявление эмоциональных состояний у впервые осужденных открывает дополнительные возможности и способы управления их эмоциональными состояниями и эффективного процесса их исправления.

Литература

1. *Адыгезалов А.Ф.* Характер переживания в зависимости от срока и этапа отбывания наказания. // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. — 2011. — №1. — С. 165–170.
2. *Антонян Е.А.* Поведение многократно судимых осужденных в исправительных учреждениях. // Человек: преступление и наказание. — 2008. — №2. — С. 13–18.
3. *Блинникова И.В., Бочарова Е.П., Савченко Т.Н.* Динамика эмоциональных состояний у операторов пульта централизованной охраны // Прикладная юридическая психология. — 2008. — №1. — С. 98–107.
4. *Блинникова И. В., Денисова Е. А.* Влияние негативных психических состояний на использование когнитивных ресурсов // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 65–75.
5. *Датий А.В.* Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.
6. *Датий А.В., Воронин Р.М.* Проблемы организации медицинского обеспечения осужденных и сотрудников ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 155–156.
7. *Датий А.В., Федосеев А.А.* Криминологические и психологические особенности больных социально значимыми заболеваниями осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 2 (5). С. 69–79.

8. Даций А.В., Федосеев А.А. Характеристика больных туберкулезом осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2014. № 1. С. 16–27.

9. Ениколопов С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридическая психология. – 2010. – №2. – С. 37–47.

10. Сочивко Д.В. Гендер организованной преступности // Прикладная юридическая психология. – 2007. – № 1. – С. 52–63.

11. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 2. – С. 8–18.

12. Сочивко Д.В. Психодинамика духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 4. – С. 116–126.

13. Сочивко Д.В. Психодинамика когнитивного устройства личности // Прикладная юридическая психология. – 2008. – № 3. – С. 24–40.

14. Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Криминальные идеологии современных молодежных субкультур // Прикладная юридическая психология. – 2009. – № 4. – С. 62–70.

15. Сочивко Д.В., Савельева Т.И. Предимпозивное «Я» – фокус эмпирических, теоретических и психотехнологических исследований в юридической психологии // Прикладная юридическая психология. – 2009. – № 1. – С. 45–55.

16. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. – 2010. – № 4. – С. 8–22.

17. Федоров А.Ф. Профилактика агрессивного поведения, как одной из составляющих деструктивного поведения людей, находящихся в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. – 2013. – № 4. – С. 106–112.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СТРЕССА У СОТРУДНИКОВ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОСУЖДЕННЫХ

С. В. Бабурин, Н. С. Оботурова, А. М. Чирков

Аннотация: Вопросы профессионального стресса у сотрудников и пенитенциарного стресса у осужденных являются наиболее актуальными при реорганизации деятельности уголовно-исполнительной системы, что побуждает исследователей и практиков не только к пересмотру ряда положений, касающихся функционирования пенитенциарных учреждений в санитарно-гигиеническом аспекте, но и к поиску новых направлений и форм психологической профилактики стресса, воспитания (антропологии) и психотерапевтической интервенции сотрудников и осужденных.

В статье обращается внимание на проблему психологического стресса у сотрудников УИС и осужденных; показаны специфические отличия причин психической дезадаптации у сотрудников исправительных учреждений и осужденных, определены экстремальные факторы, вызывающие профессиональный и пенитенциарный стресс, рассмотрено отрицательное влияние, которое оказывает стресс на здоровье, качество и уровень жизни сотрудников и осужденных. Авторы устанавливают взаимосвязь между проявлениями психологического стресса и общим уровнем духовности общества. Рассматривая проблему духовной дефицитарности общества, они обуславливают актуальность разработки методологии пенитенциарной стрессологии в рамках постнеклассической науки. При

выборе методологических подходов к стрессу и адаптации учитывается специфика пенитенциарных условий, а также необходимость анализа проблемы в контексте психолого-педагогических, психолого-психиатрических и психосоциальных последствий пребывания человека в чрезвычайных условиях жизнедеятельности. Анализируются гуманитарный, конструктивистский, синергетический, антропологический, экзистенциальный подходы к изучению феномена стресса как психического и социального явления. Обосновывается необходимость использования полипарадигмального подхода в междисциплинарных исследованиях психологического стресса. Показана важная роль метатеоретического анализа стресса как состояния сознания человека и его духовности.

Ключевые слова: психологический стресс, сотрудники исправительных учреждений, осужденные, пенитенциарная стрессология, полипарадигмальный подход, метатеоретический анализ стресса, психологическое сопровождение, социально-психологическая реабилитация, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес общества и институтов государственной власти к трансформациям, происходящим в функционировании уголовно-исполнительной систе-

мы (УИС) России. Безусловно, дальнейшее совершенствование практики работы с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, как и психологическое сопровождение сотрудников исправительных учреждений (ИУ) невозможно без научного осмысления достигнутых результатов и решения целого ряда насущных вопросов и вызовов. Центральной и при этом нерешенной проблемой в ИУ является наличие психологического стресса у сотрудников и осужденных. Не вызывает сомнений, что служба персонала УИС, равно как и отбывание осужденными наказания в условиях неволи носят экстремальный характер. Обобщенной характеристикой в обоих случаях выступает избыточное давление различных и противоположных природе человека (его внутреннему миру) стрессовых факторов, имеющих в большей мере психогенную природу.

У сотрудников ИУ профессиональный стресс развивается вследствие длительного действия экстремальных факторов пенитенциарной среды и отвечает критериям профессионального стресса. Он проявляется в развитии различных форм психической дезадаптации — психологического выгорания, посттравматического стрессового расстройства и иных, рассматриваемых сегодня в рамках пограничных психических расстройств [9, 11]. У осужденных формируется особая разновидность психологического стресса, именуемая пенитенциарным (тюремным) стрессом [2, 3]. При внешнем сходстве с экстремальными факторами, воздействующими на сотрудников, стрессовые раздражители, которым подвергаются осужденные, имеют существенные отличия по целому ряду социально-психологических ха-

рактеристик. Особое значение в развитии стрессовых состояний у осужденных принадлежит особенностям их внутреннего мира и различным патопсихологическим особенностям личности. Следовательно, причины (этиология) дистресса (психической дезадаптации) у сотрудников и осужденных имеют выраженные специфические отличия, но объединяются общей психогенной природой. Многочисленными исследованиями показано, что психологический стресс пагубно отражается на здоровье сотрудников и осужденных, снижая качество и уровень жизни.

В связи с изложенным вопросы профессионального стресса у сотрудников и пенитенциарного стресса у осужденных являются наиболее актуальными в период реорганизации деятельности УИС. Данное обстоятельство побуждает исследователей и практиков не только к пересмотру ряда положений в функционировании пенитенциарных учреждений в санитарно-гигиеническом аспекте, но и к поиску новых направлений и форм психологической превенции стресса, воспитания (антропологика) и психотерапевтической интервенции сотрудников и осужденных. Необходимо отметить, что психологический стресс сотрудников и осужденных является частью социально-демографического кризиса России и отражает лишь один из контуров ее общесоциальной проблемы, рассматриваемой в рамках популяционного стресса, тормозящего развитие нашего государства. Разрушающая личность криминализация сознания подрастающих поколений; возрастание количества молодежных преступлений, и прежде всего среди несовершеннолетних; рост рецидивной пре-

ступности и другие негативные явления (агрессивность, брутальность и т. д.), по мнению экспертов, стали следствием духовной дефицитарности общества — утраты веры, национальной культуры и единства нашего многонационального народа. Дефицитарность (дефициентность) духовно-нравственного здоровья человека выявляется в диспропорциях структуры сознания и личности, снижении психологического и общего здоровья человека, в развитии и нарастании социоматозов и т. д. Иначе, снижение уровня духовности и культуры становится ведущим фактором в запущенности и развитии разных форм социального стресса. Стрессовые состояния наряду с общей педагогической запущенностью и отрицательным влиянием асоциальных групп способствуют дальнейшей психосоматизации и криминализации населения. Стресс как отражение возрастающей роли бездуховности человека (ноогений) и как главный системный фактор деградации психического здоровья представляет собой центральную психолого-педагогическую проблему современности.

Усилия государственной власти и ее соответствующих институтов (общественных, религиозных структур, учреждений и отдельных деятелей культуры и искусства, социологов, педагогов и других специалистов) по преодолению главного проявления социального стресса — кризиса морали (антропогенного кризиса) встретили большие и неожиданные трудности, несмотря на огромное число исследований и рекомендаций по его устранению. Проблема деструктивных последствий популяционного стресса, равно как и психологического в УИС, оказалась намного более

глубокой и практически неразрешимой, чем ожидалось. Хотя были предприняты значительные усилия для ее устранения, сегодня она находится в плоскости решения фундаментальных вопросов науки, культуры, теологии и философии — вопросов, связанных с постижением природы и назначением человека, его духовности и целеполагания.

Такая постановка проблемы объясняется тем, что существующие научные и методологические подходы к изучению психологического стресса в русле известных направлений академической психологии не привели к раскрытию сущности этого феномена. Его исследование сопряжено с более углубленной трактовкой понятий «человек», «сознание», «личность», «субъект», «духовность», «бытие», «культура», «творчество». Развитие научных воззрений на природу человека и психических процессов, витальность стрессовых событий на современном этапе гуманитарных знаний предполагает смену методологических парадигм и использование всего арсенала человекознания, что под силу лишь постнеклассической науке. Перееquipment методологической платформы гуманитарных наук, в том числе психологии, выдвигает для юридической и пенитенциарной психологии общенаучные задачи, связанные с поиском адекватного научного направления, и прежде всего метатеоретического уровня познания психических процессов и внутреннего мира человека.

Для преодоления негативного действия психологического стресса на жизнедеятельность персонала и осужденных в УИС разрабатывается новое теоретическое направление, посвященное анализу сущности этого феномена

с позиций метатеории сознания и духовности человека. Оно представляет собой основу новой дисциплины — «Пенициарной стрессологии», объединяющей в себе знания, накопленные в философии и теологии, общей и пенициарной психологии, психиатрии и других областях гуманитарных и естественных наук [2, 3]. Принципиально важным в данном научном направлении является выбор методологического инструментария. Известно, что триада взаимосвязанных феноменов здоровье — стресс — адаптация в силу множества внешних и внутренних факторов способна трансформироваться у здоровых людей в триаду здоровье — стресс — дезадаптация. Поскольку стресс и адаптация неразрывно связаны между собой, а понимание процессов психической дезадаптации (патологии) невозможно без анализа феномена здоровья, их изучение требует междисциплинарного подхода и наличия соответствующей методологической базы. Сложность самого многомерного конструкта понятия «стресс» (реакция, процесс, состояние, копинг, последствие) и низкая эффективность методов превенции дистрессовых расстройств обуславливают обращение к базисным и еще более сложным эпифеноменам человека — его сознанию и духовности. Это связано с витальной (онтологической) природой стресса и данными, указывающими на то, что стресс, как и другие функциональные состояния человека — фрустрация, конфликт, кризис, представляют собой состояния сознания [6].

Стресс, как считает В.П. Зинченко, следует рассматривать как состояние сознания — персонального и социально-го, что требует выхода за рамки триви-

альных взглядов на сущность и жизнедеятельность человека, ретранслируемых академической психологией [10]. Идущая ей на смену постнеклассическая психология дает основание и перспективы к изучению стресса [7]. В связи с этим Д.А. Леонтьев, в частности, признает, что в ряде ситуаций (стрессовых) традиционный психологический подход не работает, поскольку детерминистская психология бессильна помочь человеку, когда он должен принимать решение в отсутствие детерминант, «один на один с миром» [13]. В двух таких крайних случаях, к которым относятся ситуации со знаком минус и со знаком плюс (стресс и эустресс), традиционная психология бессильна, ибо человек в этих случаях принимает необусловленные решения. Ответы на подобные вопросы дает экзистенциальная психология, составляющая основу постнеклассической науки и другие, в частности теологические, подходы.

Именно в постнеклассической психологии в качестве основных ее запросов и тенденций становления сегодня представляется возможным анализировать проблемы бытия, стресса и адаптации человека в меняющемся мире. Они заключаются в изучении формирования индивидуального и группового сознания в кризисном обществе; поддержании психического здоровья населения России; преодолении экологических, социальных, психологических и других последствий чрезвычайных ситуаций и катастроф; обеспечении информационно-психологической безопасности общества; противостоянии террористической угрозе и т. д. Методологической же основой современной психологии становится множественная постмодернистская

парадигма с ее плюралистической методологией и отказом от монистических платформ построения знания и попыток создания «единственно правильной» теории [7, 8, 12]. Уже неклассическая психология в отличие от классической, построенной по образцу естественных наук (как субъект-объектное познание), представляет науку о том, как из мира духовности, культуры и искусства, из окружающего мира в целом рождается и возникает субъективный мир отдельного человека. Гуманитарный подход, рассматривающий личность не как природный, а как культурный, искусственный объект, как произведение, дает основание понять субъектность человека и его способность быть не источником, а причиной своих действий. Очевидно, что развитие научных воззрений на природу стресса предполагает и смену научных воззрений и методологических парадигм. Девизом постнеклассической науки становится тезис о непознаваемости мира и человека. Следовательно, переоснащение методологической платформы психологии не только выдвигает для пенитенциарной науки и практики общенаучные задачи, связанные с поиском метатеоретического уровня познания психических процессов, состояний и внутреннего мира человека, но и позволяет приблизиться к пониманию природы феномена стресса.

Основным вкладом постнеклассической науки в проблему стресса явилось открытие некаузальности его генезиса, основанное на принятии принципа неопределенности. Представления о поведении вероятностных (открытых) систем делает не только стрессовую, но и стабильную ситуацию непредсказуемыми, в связи с чем модели и прогнозы, постро-

енные на принципе детерминизма, являются некорректными. В стрессовых, даже в предельно экстремальных ситуациях человек всегда имеет возможности для выбора, открытия новых (творческих) форм сознания и бытия. Его будущее зависит от наполненности внутреннего мира, от неповторимых и случайных событий, а не определяется псевдоуниверсальными законами регуляции, тем более ни мотивациями, ни когнициями, ни эмоциями, ни тем, к чему обычно апеллировала академическая психология.

С позиции гуманитарной (интерпретационной, понимающей) субъект-субъектной парадигмы в постнеклассической науке становится аксиомой то, что участие психолога как субъекта выступает условием конструирования получаемых фактов, причем взаимодействие исследователя с познаваемым неизбежно изменяет как познаваемое, так и самого познающего. Данное положение объясняет один из важнейших факторов влияния внутреннего мира осужденных на сознание сотрудников ИУ и его деформацию. Дополнительным объяснением механизма пенитенциарной контагиозности (стрессовой психологической «инфицируемости» сотрудников), неизбежно вступающих в контакт с осужденными, является открытой М.М. Бахтиным феномен открытости (доступности) сознания в процессе их интеракции — диалоговой формы общения. При этом внутренняя загруженность осужденных средовыми и личностными стрессорами, а также стрессовыми состояниями сознания, передается и усваивается (отражается, интериоризируется) внутренним миром сотрудников, изменяя их сознание.

При выборе методологических подходов к стрессу и адаптации учитывалась специфика пенитенциарных условий, а также необходимость анализа проблемы в контексте психолого-педагогических, психолого-психиатрических или, шире, психосоциальных последствий пребывания человека в чрезвычайных условиях жизнедеятельности. В качестве базовых научно-теоретических и методологических конструктов в пенитенциарной стрессологии при изучении стресса и адаптации у сотрудников и осужденных приняты теория стресса Г. Селье, теория функциональных систем П.К. Анохина, интегральный подход к исследованию психики и когнитивная концепция психологического стресса Р. Лазаруса. Методологию системного анализа стрессовых событий дополняют теории голографического единства Мироздания К.В. Судакова и голографического сознания Дэвида Бома, концепция трансформации темпоральной структуры личности и ее жизненного мира в экстремальных ситуациях М.Ш. Магомед-Эминова, положения термодинамики биосистем (мозга) и деятельности (психодинамики) психоида Д.В. Сочивко, модели психической травмы и стресса, идеи и положения философской антропологии и антропологической психологии, теологические взгляды на жизнедеятельность человека [1, 14]. Для понимания роли стресса в жизнедеятельности используются данные исследований в области психосоматической медицины и психотерапии, различные концепции личности и болезни, представленные в трудах многих отечественных и зарубежных исследователей. Такой междисциплинарный методологический подход к рассмотрению стрес-

са и его последствий как процессу, приводящему к изменению уровня и качества жизни сотрудников ИУ и осужденных, позволяет приблизиться к пониманию главной результирующей стрессового события — будут ли сформированы процессы адаптации или, напротив, произойдет их срыв.

При анализе психологического стресса необходимо его изучение с учетом действия социальных системных стрессоров и протекающего антропогенного (духовного) кризиса. Существенную помощь для анализа стресса оказывает использование методологии общесистемного анализа с привлечением теоретических представлений А.А. Ухтомского, П.К. Анохина и других исследователей к организации и структуре поведения человека. К достоинствам методологии системогенеза принадлежит попытка интеграции физиологических (нейрофизиологических, патофизиологических и других систем и механизмов их активности) с психическими процессами, то есть создания более или менее целостной модели деятельности биосистемы. Таким взглядам соответствуют средовая, реактивная, регуляторная и другие парадигмы стресса. Несмотря на их упрощенность при рассмотрении внутреннего мира (феномена психического) человека, в системном подходе содержатся неиссякаемые возможности для понимания структуры и функции биосоциального. Однако «расшифровку» состояний сознания и высших психических процессов без соотнесения их с опытом индивида в социуме и Миром осуществить с этих позиций пока не удастся. Духовные константы сознания и творчества в системном анализе (с постнеклассической платформы) учи-

тываются сегодня в виде реально существующих иррациональных параметров. Это допускается в синергетическом подходе. Но их анализ (пока только качественный) влияния на поведение (состояние) субъекта требует учета возможности получения изменений и в «обратной» временной системе (структуре) отсчета времени.

Для оценки состояний сознания и духовной сферы особое место отводится синергетическому, антропологическому и экзистенциальному подходам с привлечением широкого круга философских, теологических и других воззрений и идей. Выбор такого методологического инструментария при изучении феномена стресса как психического и социального явления, равно как и любых психических процессов и сознания человека, объясняется требованиями, предъявляемыми к фундаментальным научным исследованиям, предполагающим использование мультидисциплинарного и полипарадигмального подходов, включающих в себя совокупность известных методологических подходов и теоретических построений, а также возможность (допустимость) метафизической трактовки этих феноменов.

Анализ более чем полувекового поиска факторов устойчивости к стрессу сегодня все выше продвигается по «вертикали» психического развития субъективной реальности — к копингам и психическим ресурсам, находящимся в сфере высших психических функций человека. Эти данные весьма убедительно отражены в ресурсной теории психологического стресса [4, 9], представляющей дальнейшее развитие транзакционистского подхода к стрессу Р. Лазаруса. Сегодня пенитенциарная наука не-

уклонно подходит к экзистенциальному анализу стресса, что сближает ее с современными моделями экстремальной психологии [14]. В них психологическая перестройка — реактивная (экстремальная трансформация) в виде смыслообразования требует облигатного проникновения в процессы бытия индивидуума в мировремени. В культурологическом подходе толерантность к стрессу зависит от накопленного культурного опыта человека, способного трансформировать негативную энергию стрессоров в процессы развития [5]. Несмотря на достигнутый определенный прогресс в области когнитологии стресса и даже анализа роли процессов смыслообразования в механизмах толерантности к экстремальным факторам в горизонте предельных значений онтологии личности на грани бытия/небытия, универсальные параметры стрессового сознания остаются нераскрытыми.

Изучение стрессовых событий с позиции метатеории духовности сознания дает основание пересмотра ряда основополагающих положений академической психологии относительно самого феномена сознания. Особое значение в раскрытии духовной парадигмы сознания и стресса имеют работы отечественных философов и их дальнейшее развитие в современной психологии. Следует согласиться с мыслью В.П. Зинченко о том, что исходной предпосылкой конструирования сознания как предмета исследования должно быть представление о нем не только как о предельной абстракции, но и как о вполне определенном органе жизни, культурно-историческом образовании [10]. Отмечая несводимость сознания ни к каким «когнитивным» системам

и структурам, В.П. Зинченко вслед за М.К. Мамардашвили подчеркивает, что психическое все равно окажется особым срезом, живущим в квазипредметном измерении бытия.

В методологии пенитенциарной стрессологии в качестве исходной теоретической базы принята разработанная В.П. Зинченко версия структуры сознания, включающая в себя три слоя: бытийный, рефлексивный и духовный, где духовный слой в структуре целого сознания играет ведущую роль, одушевляя и воодушевляя бытийный и рефлексивный слои. В качестве образующих его не могут выступать «чистые» субъективности. В духовном слое сознания человеческую субъективность представляет Я в его различных модификациях и ипостасях. В качестве объективной образующей в духовном слое сознания выступает Другой, или, точнее, Ты. Духовный слой сознания, конструируемый отношениями Я — Ты, формируется раньше или, как минимум, одновременно с бытийным и рефлексивным слоями.

Духовный слой сознания — это особая онтология, к которой раньше психология, в отличие от бытийного и рефлексивного слоев, прикасалась лишь изредка, поскольку она шла вслед за оппозициями «человек и общество», «человек и машина», «материя и сознание», «мозг и сознание». Духовный слой сознания представляет собой его вертикальное измерение, и вершиной его является символ [10]. При этом именно в духовном слое берут начало контрфакты (копинги), противодействующие стрессовой дезинтеграции, а стрессовые реакции (состояния, процессы) при этом все больше выглядят «переменными» высших психических процессов, разыгры-

вающихся на двух других низших слоях сознания. Точнее, стресс, как и другие функциональные психические состояния (фрустрация, конфликт, кризис), в постнеклассической психологии следует рассматривать в качестве состояний сознания, возникающих вследствие дефицитарности духовного слоя сознания.

Многие исследователи считают, что XXI век связан с рождением «человека духовного» — Homo Spiritus. При этом считается, что наличие ядра человеческой одухотворенности (духовной скрепы) позволяет людям называть себя современниками данной культуры, сопричастными ей, а не сторонними наблюдателями. Известно, что современная эпоха предъявляет нам мир, раздробленный познающими его дисциплинами, и неудивительно, что анализ феноменов стресса и адаптации становится все более актуальным в самых разных областях знания. Развитие научной и философской мысли XX столетия показало, что теоретический уровень исследования не является пределом познания. Над ним находится сфера метатеоретических конструкций, объясняющих закономерности возникновения и функционирования самих теорий. Важность метатеории заключается в том, что она направлена на поиск наиболее существенных констант и причин становления мышления и сознания. В подобной ситуации конкретные формы методологии не выполняют своих задач.

С метатеоретических позиций психологии при анализе различных стрессовых состояний как частных форм (состояний) сознания следует отказаться от «объективистских» претензий на какую-либо адекватность, репрезентативность и «близость» к пониманию их

сущности. Смысл феноменов стресса и адаптации, существования, сознания и духовности никогда полностью не охватывается мыслью исследователя. Только анализ самого феномена сознания делает возможным отражение стрессовых ситуаций в витальном пространстве человека, не лишая при этом их объективности. По мнению, высказанному еще М.К. Мамардашвили, это приводит к пониманию того, что все, происходящее в мире, зависит от личных усилий человека. Поскольку смыслы укоренены в бытии, воплощением чего являются человеческая деятельность, общение и самосознание, то сознание и бытие представляют собой единый континуум. Появляется все больше исследований, свидетельствующих о неразрывной связи бытия и сознания с феноменами духовности и творчества человека [4, 10, 14]. Анализ духовности человека и нравственных ценностей, представленных в научной мысли, мировых религиях, художественной культуре, народных традициях и обычаях, занимает особое место. Последователи антропологической психологии наделяют духовный слой сознания такими изначально заданными природными свойствами, как способность к самоорганизации и саморазвитию. Русские философы в лице Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.И. Введенского, И.А. Ильина, С.Л. Франка и многих других расценивали духовность как отличительную черту человека, регулирующую его нравственные начала, мировоззрение и поведение.

С точки зрения философской антропологии и принципа иерархичности функциональных систем духовность играет роль интегратора внутренних сил и всех аспектов здоровья (психологи-

ческого, социального, соматического и других) человека, его способностей и потребностей. По мнению отечественных психологов и педагогов, это осуществляется посредством духовной трансформации личности на основе саморазвития и самосовершенствования человека, раскрытия национального менталитета через освоение национальной и мировой культуры, а также путем становления вектора направленности личности в сторону служения высшим ценностям, способствуя их выходу на сверхтилитарный уровень мировосприятия. При сопоставлении неотъемлемых для человеческого развития компонентов духовности и нравственности на первый план, по мнению большинства исследователей, выходит именно духовность человека. Это обусловлено ее вертикальной направленностью и доминирующей ролью в становлении человека Человеком. Понятия «духовность», «дух» в значительной мере соответствуют понятию «высшее Я».

Таким образом, на современном этапе развития пенитенциарной психологии для участников социально-психологической реабилитации персонала исправительных учреждений и осужденных назрела насущная необходимость в метапсихологическом философском уровне осмысления сущности самого человека, его духовного мира и природы психического. Методологическим инструментарием при этом наряду с созданием духовной (гуманитарной) парадигмы сознания и стресса являются мультидисциплинарный и полипарадигмальный подходы.

Литература

1. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1980. 196 с.
2. Бабурин С.В. Проблемы стресса и адаптации в пенитенциарной психологии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 25. С. 46–50.
3. Бабурин С.В., Чирков А.М. Постнеклассический подход в науке к проблемам стресса и адаптации в исправительных учреждениях // Уголовная и уголовно-исполнительная политика в России и за рубежом: состояние, тенденции и проблемы совершенствования : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 28–29 нояб. 2013 г.). Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2013. С. 297–304.
4. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006. 528 с.
5. Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход к стрессу и стрессоустойчивости : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2008. 50 с.
6. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003. 240 с.
7. Гусельцева М.С. Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 45–74.
8. Журавлев А.Л. Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 1–5.
9. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М., 2011. 512 с.
10. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М., 2010. 592 с.
11. Профилактика отклоняющегося поведения и дезадаптивных состояний сотрудников уголовно-исполнительной системы : монография / Б.Г. Калманов [и др.]. М., 2008. 251 с.
12. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб., 2009. 320 с.
13. Леонтьев Д.А. Неклассический вектор в современной психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 74–95.
14. Магомед-Эминов М.Ш. Феномен экстремальности. М., 2008. 218 с.

ДОВЕРИЕ ГРАЖДАН ПОЛИЦИИ КАК КРИТЕРИЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ОВД НА ЭТАПЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ

В. В. Ермолаев

Аннотация: в статье рассматривается управляемость реформируемой организационной культуры сотрудников органов внутренних дел (ОВД) на примере сравнения образов ее будущей организационной культуры у граждан с разным уровнем доверия к полиции.

Сфокусированность именно на образе будущей организационной культуры ОВД как объекте исследования объясняется автором тем, что переживания человека по отношению к будущему в значительной мере влияют на действия, эмоции, его когнитивную деятель-

ность в настоящем. Образ будущего организации — это всегда интерпретация человеком определенной реальности в грядущем, позволяющая ему ориентироваться в мире, выступающая как основа его жизнедеятельности. В то же время образ субъективен, так как складывается на основе прошлого опыта, некоторой информации, получаемой из внешней среды. Автор полагает, что сформированный образ конструирует будущее и как бы подталкивает ход событий.

При проведении эмпирического исследования в качестве факторов, спо-

собствующих доверию в отношениях, автор выделял: честную и открытую коммуникацию без искажения информации; исполнение обязательств и обещаний; демонстрацию компетентности; способность прислушаться к другому мнению даже при несогласии с ним; взаимопомощь и сотрудничество. Представляется очевидным, что указанные факторы представляют собой декларируемые организационные ценности, нормы и отношения желаемой организационной культуры ОВД. Выборка эмпирического исследования составила 300 человек.

Полученные автором результаты свидетельствуют о следующем:

– выявлены различия в образах будущей организационной культуры реформируемых ОВД у граждан с высоким, средним и низким уровнем доверия к полиции;

– в образе организационной культуры реформируемой полиции отмечается доминирование таких ценностей, как собственное материальное состояние сотрудников, положительная оценка их деятельности со стороны руководства, власть; использование служебного положения в личных целях, проявления агрессии сотрудников ОВД к населению, что исключает на данном этапе построение доверительных отношений с гражданами.

Ключевые слова: *доверие к полиции, образ организационной культуры, управление организационной культурой, реформирование органов внутренних дел*

В течение нескольких лет продолжается реформирование Министерства внутренних дел Российской Федерации (МВД России), однако ситуация с дове-

рием населения к полиции кардинальных изменений не претерпела. Несмотря на постоянную декларацию одного из основных организационных слоганов «Доверие народа — сила полиции», органам внутренних дел по-прежнему доверяет малая часть граждан.

Реализуемая в настоящее время реформа МВД России позиционируется как важнейший шаг модернизации страны и ее государственного управления. Цель реформы — создание современной и эффективной правоохранительной системы в России. При этом основной задачей является движение к такой организации, которая бы соответствовала объективному назначению правоохранительной деятельности, ожиданиям главного ее «потребителя» — общества, его граждан. Для достижения целей реформирования, как отмечает руководство МВД России, российской полиции предстоит несколько основных проблем: преодолеть рецидивы «палочной системы», изменить систему учета и регистрации преступлений, повысить качество образования полицейских, ответственность руководителей за соблюдение законности подчиненными при выполнении служебных обязанностей и, самое главное, вернуть доверие граждан к органам внутренних дел. Примечательно, что в качестве первоочередной задачи, поставленной еще 28 июля 2009 г. на всероссийском совещании перед начальниками МВД, ГУВД, УВД, образовательных учреждений, руководителями аппаратов по работе с личным составом органов, подразделений и учреждений системы МВД России, рассматривалось возвращение общественного доверия, уважения, признания, обеспечения поддержки деятельности ОВД со сторо-

ны гражданского общества. Однако отсутствие позитивной динамики в достижении столь важной для организации цели позволяет предположить наличие проблемы управляемости организационной культуры ОВД.

При проведении исследования мы опирались на достижения отечественной социальной психологии (М.Ю. Кондратьев, А.Б. Купрейченко, Б.Ф. Поршнев, Т.П. Скрипкина и др.), которая к факторам, способствующим доверию в отношениях, в частности, относит: честную и открытую коммуникацию без искажения информации; исполнение обязательств и обещаний; демонстрацию компетентности; способность прислушаться к другому мнению даже при несогласии с ним; взаимопомощь и сотрудничество [2, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Представляется очевидным, что указанные факторы представляют собой декларируемые организационные ценности, нормы и отношения желаемой организационной культуры ОВД. Среди факторов, разрушающих доверие, как правило, указываются нормы и отношения организационной культуры ОВД, подлежащей реформированию: большую заинтересованность в собственном благополучии, чем в благополучии других при совместной деятельности; противоречивость даваемых указаний и схем действия; безответственность выводов без надлежащей проверки фактов; стратегии самооправдания и/или обвинения других в случае неуспешной деятельности.

Учитывая известный постулат управления, гласящий о том, что все попытки изменения организации завершаются провалом, если не изменяется ее организационная культура, мы провели сравнение образов будущей организа-

ционной культуры реформируемых ОВД у граждан с разным уровнем доверия к полиции [11, 12, 13, 14]. Наша сфокусированность именно на образе будущей организационной культуры ОВД как объекте исследования объясняется тем, что переживания человека по отношению к будущему в значительной мере влияют на его действия, эмоции, когнитивную деятельность в настоящем. Образ будущего организации — это всегда интерпретация человеком определенной реальности в грядущем, позволяющая ему ориентироваться в мире, выступающая как основа его жизнедеятельности. В то же время, несмотря на то, что образ является отражением объективной действительности, он субъективен, так как складывается на основе прошлого опыта, некоторой информации, получаемой из внешней среды. Субъективность образа будущего предполагает наличие пристрастности в его построении, зависимости образа от потребности, мотивов, целей, установок, эмоций человека и соответственно определяет трехкомпонентную структуру образа: когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие [1, 15, 16]. Сформированный образ конструирует будущее и как бы подталкивает ход событий.

Следовательно, образ будущей организационной культуры ОВД во многом определяет характер взаимоотношений граждан и сотрудников полиции, а именно то, будут ли они доверительны, а значит, насколько будет эффективна деятельность полиции. Если гражданам в полной мере ощущают свою социальную защищенность, то доверие может выступить как качество мировоззрения, при котором мир является дружелюбным, управляемым, предсказуе-

мым, стабильным, иными словами, безопасным. «Если население воспринимает полицию как имеющего схожие ценности партнера, то она с большей вероятностью будет пользоваться доверием и ее деятельность получит положительную оценку» [4]. Доверие, по мнению Б.З. Мильнера, возможно тогда, когда человек уверен в правильности и адекватности процессов и явлений своим ценностным установкам: «Реформы не имеют перспективы, когда предприниматели не доверяют чиновникам, рабочие — руководителям, население — финансовым институтам и органам власти» [3]. Следовательно, доверие граждан — это не только особый источник силы ОВД как социального института, это его базис, так как, по выражению Б.Ф. Поршнева, доверие есть одна из форм нравственных потребностей людей, которая находится в неразрывной связи со своей противоположностью — недоверием [17].

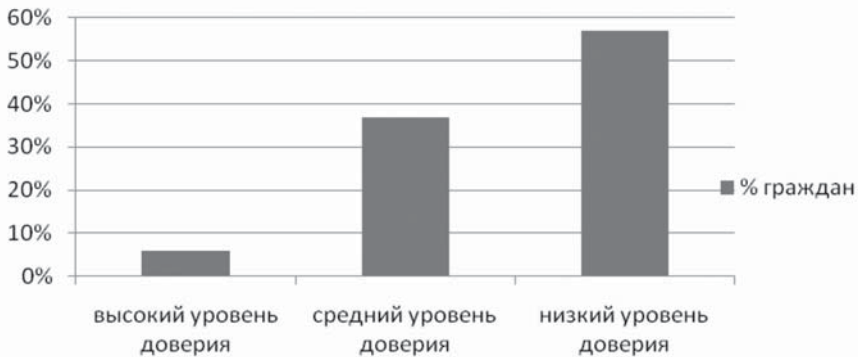
По сути, достижение целей реформы ОВД становится невозможным без изменения существующего у населения негативного образа полиции, так как в отношениях людей социальное недоверие, как правило, искажает восприятие действительности и не позволяет преодолеть возникшее отчуждение при социальном взаимодействии. Как считают отечественные и зарубежные специалисты, раскрывающие феномен доверия в социальной и организационной психологии (И.В. Антоненко, И. Атватер, Р. Бэрон, Т. Говир, С. Кови, А.Б. Купрейченко, Б.З. Мильнер, Т.П. Скрипкина, Ч. Хэнди, П.Н. Шихирев, Р.Б. Шо), поведение тех, кому не доверяют, воспринимается обычно как враждебное и опасное, тем более что возникшее однажды со-

циальное недоверие, как правило, искажает восприятие и не позволяет преодолеть отчуждение партнеров по взаимодействию, проявляясь в страхах, лицемерии, цинизме, агрессии и превращаясь в образы мысли и образы жизни.

В науке не оспаривается тезис о том, что доверие представляет собой психологическую связь, одну из форм отношения человека к миру и одновременно к самому себе. Доверие выступает и как способ, механизм, направленный на взаимодействие человека, с одной стороны, со своими интересами, ценностями, потребностями — собственной субъектностью, а с другой — с определенной им частью мира. Доверие является социально-психологическим явлением, механизмом которого служит социальная установка, формирующаяся благодаря одновременной направленности психики человека на мир и себя.

Доверие и недоверие представляют собой отличительные особенности социально-психологического взаимодействия людей. Приступая к проведению исследования, мы полагали, что доверие/недоверие — это единая шкала, и определенный уровень доверия (то есть неполное доверие) автоматически означает соответствующий ему уровень недоверия, который определяется совокупностью различного рода критериев, как объективных, так и субъективных.

В нашем исследовании приняло участие 300 граждан г. Воронежа. Результаты изучения уровня доверия граждан к полиции, полученные с помощью методик прямой оценки уровня доверия и адаптированной методики оценки уровня доверия организации Р.Б. Шо (В.В. Ермолаев, Д.А. Ротарь), представлены на диаграмме (рис. 1).

Рис. 1. Оценка уровня доверия граждан к полиции

Низкий уровень доверия был выявлен у 57% испытуемых (171 человек) и свидетельствует о том, что большинство людей считает результативность, последовательность, заботу, порядочность полиции (как общей структуры, так и отдельных ее сотрудников) абсолютно недостаточной для того, чтобы можно было ожидать от них выполнения своих обязательств перед обществом в целом и перед каждым гражданином в частности.

Средний уровень доверия был выявлен у 37% испытуемых (111 человек). Граждане, составляющие эту группу, как правило, сомневаются, являются ли показатели результативности, последовательности, порядочности, проявления заботы сотрудников полиции достаточными для того, чтобы ожидать от них полной реализации правоохранительной и других функций. Они не могут полностью полагаться на ОВД, но в то же время не отрицают ожидания хотя бы частично-го выполнения ими своих обязательств.

Высокий уровень доверия был выявлен у 6% испытуемых (18 человек). Это свидетельствует о том, что лишь незначительная часть граждан разделяет веру в порядочность, результативность, по-

следовательность, заботу сотрудников полиции и в любой ситуации ожидает от них помощи, защиты, поддержки.

Данные результаты можно объяснить как опытом взаимодействия граждан с полицией, так и влиянием средств массовой информации. Однако очень часто именно действия сотрудников полиции и ОВД в целом вызывают у граждан сомнения в их эффективности. Действия этих структур не дают гражданам уверенности в надежности, компетентности, добросовестности их сотрудников; способности обеспечить нормальные условия жизни и социальную защищенность граждан; эффективно выполнять свои функции с максимальной пользой для общества. На деле граждане подвергают критике организационно-культурные элементы полиции: ее реально действующие организационные ценности, нормы и отношения.

Мы провели сравнение образа организационной культуры реформируемых ОВД у граждан с разным уровнем доверия к полиции. Данные, полученные с помощью мини-сочинения об образе будущей организационной культуры и контент-анализа ее результатов, по-

Таблица 1

Ценности, выделенные в группах с высоким, средним и низким уровнем доверия милиции

Высокий уровень доверия	Средний уровень доверия	Низкий уровень доверия
Безопасность граждан (100%) Стабильность в обществе и справедливость (83,3%) Комфорт граждан (33,3%) Власть и собственное материальное состояние сотрудников ОВД (16,7%)	Положительная оценка со стороны формальных структур (руководства) (81%) Собственное материальное состояние сотрудников ОВД (59,4%) Власть (54%) Безопасность граждан (27%) Стабильность в обществе (24,3%) Справедливость (16%)	Собственное материальное состояние сотрудников ОВД (94%) Положительная оценка со стороны формальных структур (руководства) (55,6%) Личная безопасность сотрудников полиции (50,9%) Власть (48%)

Таблица 2

Нормы, выделенные в группах с высоким, средним и низким уровнем доверия к полиции

Высокий уровень доверия	Средний уровень доверия	Низкий уровень доверия
Стремление к поддержанию правопорядка (100%) Ведение строгой отчетности за свою деятельность (83,3%) Отказ от взяток (50%) Достойная оплата труда сотрудников ОВД (50%)	Достойная оплата труда сотрудников ОВД (32,4%) Взяточничество (27%) Стремление к поддержанию правопорядка (27%)	Взяточничество (94%) Использование служебного положения в личных целях (37,8%) Использование нецензурной лексики (33,9%) Решение всех проблем силовыми методами (26,4%) Отсутствие наказаний за нарушение закона сотрудниками полиции (20,3%)

зволюли нам составить представление о ценностях, нормах и отношениях, которые, по мнению граждан с разным уровнем доверия ОВД, ожидаются от сотрудников полиции (табл. 1).

Очевидно, что граждане с высоким уровнем доверия к полиции видят в качестве основ, стимулов деятельности ОВД прежде всего интересы общества. Граждане со средним уровнем доверия к полиции противоречивы в своих представлениях о ценностях, которые будут лежать в основе действий сотрудников полиции. Здесь сочетаются различные точки зрения. Основа действий сотрудников

будущей полиции, по мнению граждан с низким уровнем доверия ОВД, является негативной, на первом месте для них всегда будет стоять личное благосостояние независимо от интересов общества.

Обратимся к нормам, выделенным в группах с высоким, средним и низким уровнем доверия к полиции, которые представлены в таблице 2.

Полученные нами данные показывают значительные различия в представлениях об организационных нормах как об общепринятых стандартах индивидуального и группового поведения, признаваемых приемлемыми в данной ор-

Таблица 3

Отношения, выделенные в группах с разным уровнем доверия к полиции

Высокий уровень доверия	Средний уровень доверия	Низкий уровень доверия
Справедливое отношение сотрудников полиции к гражданам (83,3 %) Уважительное отношение сотрудников полиции к гражданам (66,7 %) Внимательное отношение сотрудников полиции к гражданам (33,3 %) Четкая иерархия в отношениях между сотрудниками ОВД (33,3 %)	Несправедливое отношение сотрудников полиции к гражданам (32,4 %) Четкая иерархия в отношениях между сотрудниками ОВД (27 %) Агрессивное отношение сотрудников полиции к гражданам (24,3 %)	Агрессивное отношение сотрудников полиции к гражданам (33,9 %) Отсутствие взаимопонимания между сотрудниками ОВД (20,3 %) Излишний авторитаризм высшего руководства полиции по отношению к сотрудникам (18,9 %)

ганизации, будущей полиции в группах с высоким, средним и низким уровнем доверия к полиции.

Данная картина вполне соотносится с представлениями граждан с разным уровнем доверия к полиции о ценностях, которые будут характерны для ОВД, так как именно ценности лежат в основе построения и функционирования организационных норм.

Отношения, выделенные в группах с разным уровнем доверия к полиции, представлены в таблице 3.

Таким образом, можно констатировать факт, что граждане с высоким, средним и низким уровнем доверия к полиции по-разному видят характер взаимодействия сотрудников будущей полиции внутри и вне данной организации. Лишь у граждан с высоким уровнем доверия к полиции существует образ будущего сотрудника ОВД как справедливо-го, уважительного, внимательного.

Методика семантического дифференциала позволила нам исследовать отношение граждан с разным уровнем доверия к будущей организационной культуре реформируемых ОВД. Среднее значение по шкале оценки в груп-

пе с низким уровнем доверия к полиции: $-2,5$; среднее значение по шкале оценки в группе со средним уровнем доверия: $-1,1$; среднее значение по шкале оценки в группе с высоким уровнем: $1,5$.

Проведенный нами статистический анализ данных с помощью критерия Манна — Уитни также подтвердил наше предположение о существовании различий в образе будущей организационной культуры ОВД у граждан с разным уровнем доверия полиции.

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют:

- во-первых, о различии образов будущей организационной культуры реформируемых ОВД у граждан с высоким, средним и низким уровнем доверия к полиции;

- во-вторых, в образе организационной культуры реформируемой полиции отмечается доминирование таких ценностей, как собственное материальное состояние сотрудников, положительная оценка их деятельности со стороны руководства, власть; использование служебного положения в личных целях, проявления агрессии сотрудников ОВД к населению, что исключает на данном эта-

пе построение доверительных отношений с гражданами.

Результаты исследования подтверждают наше предположение о том, что при проведении в ОВД организационных изменений первоочередное внимание следует уделять вопросам управления организационной культурой, а именно изменению системы организационных ценностей, установок и отношений, которые способны обеспечить доверие граждан полиции и станут залогом формирования позитивного образа данного социального института. Без доверия граждан к ОВД становится невозможным не только формирование заявленной организационной культуры полиции, но и создание современной и эффективной правоохранительной системы в России в целом.

Литература

1. Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А. Образ в системе психической регуляции деятельности. М. : Наука, 1986. 176 с.
2. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М. : Ин-т психологии РАН, 2008. 256 с.
3. Мильнер Б.З. Теория организации. М. : Инфра-М, 2003. С. 159–161.
4. Монусова Г.А., Гимпельсон В.Е. Доверие к полиции: межстрановой анализ // Вопросы экономики. 2012. № 11. С. 24–47.
5. Скрипкина Т.П. Психология доверия. Ростов н/Дону : РГУ, 1997. 381 с.
6. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н. Восьмой научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» проблемы массового сознания: управление и манипулирование на границе право-

вого поля // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 145–149.

7. Сочивко Д.В. Гендер организованной преступности // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 52–63.

8. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.

9. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.

10. Сочивко Д.В. Психодинамика когнитивного устройства личности // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 24–40.

11. Сочивко Д.В. Психодинамика чувства юмора // Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 14–19.

12. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика лояльности-толерантности: психодинамическая диагностика и эмпирическая типология // Прикладная юридическая психология. 2012. № 2. С. 28–36.

13. Сочивко Д.В., Крымова Ю.В. Психодинамика семантических полей как фактор управления личностными смыслами поведения (на примере эмпирических исследований лояльности-толерантности курсантов) // Прикладная юридическая психология. 2012. № 3. С. 16–25.

14. Сочивко Д.В., Савельева Т.И. Предимпозитивное «Я» — фокус эмпирических, теоретических и психотехнологических исследований в юридической психологии // Прикладная юридическая психология. 2009. № 1. С. 45–55.

15. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни в различных по характеру социальной закрытости социумах // Прикладная юридическая психология. — 2010. — № 4. — С. 8–22.

16. Сочивко Д.В., Чубич В.Э. Психодинамика удовлетворенностью жизнью и переживания счастья // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 59–68.

17. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и испр. М. : Наука, 1979. 235 с.

КАК ОЦЕНИТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ

Е. М. Данилин, Н. В. Давыдова, И. В. Евдокимов, Н. И. Махиборода

Аннотация: рассмотрение проблемы оценки деятельности воспитательных колоний является на современном этапе одной из самых важных. До 2020 года их предполагается преобразовать в воспитательные центры для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте. Главная задача таких учреждений — создание условий для формирования социально адаптированного поведения личности осужденного. Одной из проблем, которую предстоит решать в ходе преобразования, является оценка деятельности воспитательного учреждения. В настоящее время практика ее оценки не в полной мере отражает положение дел, так как не учитывает важные аспекты работы сотрудников, направленные на исправление и ресоциализацию личности. Необходимо создать систему всесторонней оценки функционирования учреждений. В статье представлены критерии объективной оценки деятельности воспитательных колоний, каждому из них соответствуют определенные показатели. Применяя подобную систему, можно определить количественные результаты деятельности воспитательных колоний за определенный период. Это дает возможность сотрудникам планировать и осуществлять психолого-педагогический процесс исправительного воздействия на воспитанников.

Ключевые слова: личность, ценностные ориентации, воспитательные колонии, воспитательные центры, осужденные, лишение свободы, система, критерии, показатели, поведение.

Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года воспитательные колонии (далее — ВК) предполагается преобразовать в воспитательные центры (далее — ВЦ) для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте.

Исправительная психология в рамках прикладной юридической психологии и юридическая педагогика изучают личность воспитанника в ходе отбывания им наказания, его ценностные ориентации и стереотипы поведения в условиях изоляции. Следовательно, главной задачей действующих воспитательных колоний, а в будущем воспитательных центров является создание условий для формирования социально адаптированного поведения личности конкретного осужденного, которые мы можем оценить только при использовании соответствующих тщательно разработанных критериев.

В соответствии с изложенным разработана модель ВЦ, учитывающая как отечественный опыт, так и опыт ряда зарубежных стран, в частности Швейцарии. В течение 2011–2012 гг. на базе шести ВК (Алексинская, Белореченская, Брянская, Канская, Можайская и Новоскольская) осуществлялся эксперимент по преобразованию этих учреждений в ВЦ.

Итоги эксперимента обсуждались на Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы работы с несовершеннолетними осужденными» [1]. Выступающие на конферен-

ции ученые и практические работники в целом сошлись во мнении: эксперимент удался. При этом были подняты различные проблемы, возникшие в процессе преобразования ВК в ВЦ, даны пути их разрешения, поэтому нет сомнений в том, что материалы конференции окажут существенную помощь сотрудникам тех ВК, которые в недалеком будущем вступят на путь преобразования в ВЦ [2].

Одной из проблем, которые предстоит решать в ходе преобразования, является оценка деятельности учреждения. Какие критерии возможно использовать при этом, как более объективно оценить ту работу, которую выполняют сотрудники в том или ином учреждении?

Конечно, основным итогом работы с несовершеннолетними осужденными в условиях лишения свободы является их подготовка к жизни после освобождения из ВК. То, как тот или иной освобожденный из учреждения встроится в социум, говорит о многом, в том числе о результатах деятельности ВК. К сожалению, в настоящее время мы не обладаем подобной статистикой, в связи с чем приходится оценивать деятельность ВК, исходя из пенитенциарной, а не постпенитенциарной практики.

Существующая практика оценки деятельности ВК не в полной мере отражает положение дел в воспитательных учреждениях. Проведенный сотрудниками НИИ ФСИН России анализ таблиц рейтинговой оценки ВК позволяет говорить о том, что используемые в данном случае критерии определяли результаты деятельности учреждений только в одной сфере — режима и порядка отбывания наказания (уровень особо учитываемых преступлений, уровень преступлений, уровень нарушений и т. д.). По-

добная система оценки деятельности ВК не принимает во внимание важные аспекты работы сотрудников, касающиеся исправления и ресоциализации личности, проявления позитивного поведения осужденных.

Применение лишь одной, хотя и важной, группы критериев функционирования ВК приводит к необъективности оценки деятельности учреждений в целом, снижает мотивацию руководителей и сотрудников к работе по исправлению и ресоциализации несовершеннолетних осужденных. Чтобы поправить данное положение, необходима система, позволяющая всесторонне оценить функционирование учреждения. Для этого требуется разработать определенную систему, состоящую предположительно из двух элементов: критериев и показателей оценки деятельности. Системообразующим фактором данной системы является деятельность ВК. Система должна быть комплексной, всесторонней, учитывать взаимосвязь социальных, педагогических, психологических, правовых и иных аспектов деятельности учреждений.

Критерий — это признак, на основании которого производится оценка чего-либо [3].

Показатели — это данные, по которым можно судить о развитии, ходе, свойствах и качестве чего-либо [4].

Каждому критерию соответствуют определенные показатели, которые можно измерить в каких-либо единицах. Таким образом, применяя подобную систему, можно определить количественные результаты деятельности ВК за определенный период и сказать, какие учреждения имеют лучшие показатели по сравнению с другими.

Критерии, составляющие систему оценки деятельности ВК в целом, должны отражать комплексное функционирование отдельных служб и отделов учреждения, например отдела воспитательной работы с осужденными; общеобразовательной школы и профессионального училища; отдела безопасности и т. д. В своей деятельности сотрудники ВК используют основные средства исправления: режим, воспитательную работу, общественно полезный труд, общее образование, профессиональную подготовку, общественное воздействие. От того, насколько эффективно используются эти средства сотрудниками отделов и служб ВК, во многом зависят результаты деятельности учреждения в целом.

Критерии, лежащие в основе системы оценки деятельности учреждения, можно разделить на две группы. Первую составляют критерии, позволяющие оценить результативность применяемых средств исправления, вторую — те из них, которые напрямую не связаны со средствами исправления, но также дающие возможность оценить деятельность ВК в целом. В основу предложенной модели положен принцип комплексного подхода.

Учитывая это, предлагается оценивать деятельность ВК, используя две группы критериев.

В первую группу включить критерии, оценивающие состояние основных средств исправления:

- установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим);
- воспитательную работу;
- общее образование;
- профессиональное обучение и общественно полезный труд;

- взаимодействие ВК с общественными организациями (общественное воздействие).

Вторую группу считать критериями общего характера и включить в нее следующие:

- условно-досрочное освобождение осужденных;
- погашение исков по уголовным делам;
- медицинское обслуживание осужденных;
- социальную работу;
- психологическую работу;
- укомплектованность ВК персоналом;
- профессиональную подготовку сотрудников;
- дисциплину среди сотрудников.

Каждый критерий измерять с помощью определенных показателей.

Показателями критерия «порядок исполнения и отбывания наказания (режим)» считать:

долю осужденных, находящихся в облегченных условиях отбывания наказания, от общего количества осужденных (в %);

долю осужденных, находящихся в льготных условиях отбывания наказания, от общего количества осужденных (в %);

долю осужденных, находящихся в строгих условиях отбывания наказания, от общего количества осужденных (в %);

долю осужденных, которым изменялись условия отбывания наказания в сторону улучшения, от общего количества осужденных, имевших право на изменение условий отбывания наказания (в %);

долю осужденных, которым изменялись условия отбывания наказания

в сторону ухудшения, от общего количества осужденных, имевших право на изменение условий отбывания наказания (в %);

долю случаев водворения осужденных в дисциплинарный изолятор (далее — ДИЗО) от общего количества осужденных (в %);

долю осужденных, имеющих поощрения, от общего количества осужденных (в %);

долю осужденных, имеющих взыскания, от общего количества осужденных (в %);

долю случаев нарушения режима и порядка отбывания наказания от общего количества осужденных (в %);

долю случаев совершения злостных нарушений от общего количества осужденных (в %);

количество предупрежденных сотрудниками ВК преступлений (абсолютные данные);

количество совершенных преступлений осужденными в ВК (абсолютные данные).

Показателями критерия «воспитательная работа» считать:

количество кружков по интересам и спортивных секций, организованных в ВК (абсолютные данные);

долю осужденных, занимающихся в кружках по интересам и спортивных секциях, от общего количества осужденных (в %);

количество руководителей кружков по интересам и спортивных секций из числа сотрудников ВК (абсолютные данные);

наличие музеев историко-патриотического направления;

количество осужденных — победителей и призеров конкурса «Амнистия

души» (абсолютные данные);

количество осужденных — победителей и призеров соревнований, проводимых по линии спортобщества «Динамо» (абсолютные данные).

Показателями критерия «общее образование» считать:

долю осужденных, получивших среднее основное общее образование, от общего количества осужденных (в %);

долю осужденных, получивших среднее (полное) общее образование, от общего количества осужденных (в %);

количество осужденных — победителей и призеров конкурса «Лучший учащийся школы ВК» (абсолютные данные);

количество осужденных, обучающихся (заочно, дистанционно) в средних специальных и высших учебных заведениях (абсолютные данные);

количество осужденных, участвующих в городских, районных, областных, республиканских олимпиадах и олимпиадах, проводимых вузами (абсолютные данные);

количество учителей — участников, призеров и победителей финального этапа конкурса «Лучший учитель школы ВК» (абсолютные данные за два последних конкурса).

Показателями критерия «профессиональное обучение и общественно полезный труд» считать:

долю осужденных, получивших начальное профессиональное образование, от общего количества осужденных (в %);

количество осужденных, трудоустроенных в ВК по полученной профессии (абсолютные данные);

долю осужденных, работающих на оплачиваемых объектах, от общего количества осужденных (в %).

Показателями критерия «взаимодействие ВК с общественными организациями (общественное воздействие)» считать:

количество рекомендаций и предложений, направленных общественными наблюдательными комиссиями, по результатам общественного контроля деятельности учреждения, в адрес администрации ВК и руководства территориальными органами УИС (абсолютные данные);

количество мероприятий, проведенных с участием общественных организаций (абсолютные данные).

Показателями критериев общего характера считать:

долю осужденных, освобожденных из ВК условно-досрочно, от общего количества освобожденных (в %);

количество осужденных, погасивших иски в полном объеме по уголовным делам (абсолютные данные);

долю осужденных, заболевших острыми инфекционными заболеваниями, от общего количества осужденных (в %);

долю обращений осужденных к сотрудникам группы социальной защиты осужденных ВК по социальным проблемам, в отношении которых достигнуты положительные результаты, от общего количества обратившихся за помощью (в %);

долю осужденных, которым во время нахождения в ВК оформили общегражданский паспорт, от количества нуждающихся (в %);

долю индивидуальных психокоррекционных мероприятий с осужденными от общего количества осужденных (в %);

долю групповых психокоррекционных мероприятий от общего количества

проведенных психологом мероприятий с осужденными (в %);

количество вакансий в штате ВК (в %);

долю сотрудников, имеющих высшее профильное (педагогическое, психологическое, юридическое) образование, от общего количества сотрудников (в %);

долю сотрудников ВК, поощренных руководством территориальных органов УИС и ФСИН России, от общего количества (в %);

долю сотрудников ВК, наказанных руководством территориальных органов УИС и ФСИН России, от общего количества (в %);

долю сотрудников, уволенных в связи с нарушением условий контракта и по отрицательным мотивам, от общего количества (в %);

Результаты, полученные в виде % или в абсолютных данных, перевести в баллы.

Данные, полученные в %, перевести в баллы, следующим образом:

результат от 0,1 до 10 % равняется 1 баллу;

результат от 10,1 до 20 % равняется 2 баллам;

результат от 20,1 до 30 % равняется 3 баллам и так далее, до 100 %, которые равняются 10 баллам.

Результаты, полученные в абсолютных данных, перевести в баллы следующим образом:

результат от 1 до 10 осужденных или сотрудников равняется 1 баллу;

результат от 11 до 20 равняется 2 баллам;

результат от 21 до 30 равняется 3 баллам;

результат от 31 до 40 равняется 4 баллам;

результат от 41 до 50 равняется 5 баллам.

Итог деятельности ВК за отчетный период рассчитывается следующим образом:

суммировать полученные баллы;
вычесть из суммы баллы, полученные по следующим показателям:

доля сотрудников ВК, наказанных руководством территориальных органов УИС и ФСИН России;

доля сотрудников, уволенных в связи с нарушением условий контракта или по отрицательным мотивам;

доля случаев водворения осужденных в ДИЗО;

доля случаев нарушения режима и порядка отбывания наказания;

доля случаев совершения злостных нарушений режима;

доля осужденных, находящихся в строгих условиях отбывания наказания;

доля осужденных, которым изменялись условия отбывания наказания в сторону ухудшения;

доля осужденных, заболевших острыми инфекционными заболеваниями в ВК, от общего количества осужденных (в %);

количество совершенных преступлений в ВК. К данному показателю подходить дифференцированно, в основу дифференциации положить тяжесть совер-

шенного преступления. За каждое не-тяжкое преступление снимается 25 баллов из общей суммы баллов. За каждое тяжкое и особо тяжкое преступление снимается 50 баллов из общей суммы баллов. За преступление со смертельным исходом — ВК занимают последнее место в рейтинге учреждений. ВК, в которых за отчетный период произошли массовые беспорядки, совершен суицид осужденных, независимо от набранных баллов занимают последние места в рейтинге учреждений.

Эти критерии и показатели дадут возможность сотрудникам более объективно планировать и осуществлять психолого-педагогический процесс исправительного воздействия на воспитанников.

Настоящая статья не бесспорна. Представлен лишь один взгляд на проблему оценки деятельности ВК. Высказанное мнение — начало той дискуссии, на которую надеются авторы.

Литература

1. Актуальные вопросы работы с несовершеннолетними осужденными : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Аксаково, 18–20 июня 2013 г.). М., 2013. 192 с.
2. Аналитические материалы работы по преобразованию воспитательных колоний в воспитательные центры : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А.В. Быкова. М., 2013. 130 с.
3. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2002.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ ОСУЖДЕННЫХ

А. В. Датий, О. В. Ковачев

Аннотация: в статье дается криминологическая и психологическая характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных, отличающихся от других категорий осужденных по социально-демографическим признакам, в частности по трудовой деятельности до осуждения, месту жительства. Выявленные в ходе исследования признаки позволяют выделить исследуемую категорию как наиболее уязвимую в криминогенном отношении. Вместе с тем можно отметить, что многие личностные особенности ВИЧ-инфицированных осужденных обусловлены их образом жизни до лишения свободы. Отношение некоторых из них к себе во многом и предопределило появление у них такого заболевания, как приверженность к потреблению наркотических средств и психотропных веществ, отсутствие постоянной работы и стремления иметь семью. Не столько условия исправительных учреждений, сколько образ жизни некоторых больных осужденных является одной из основных причин, способствующих их заболеваниям.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, социально-демографическая характеристика, уголовно-правовая характеристика, уголовно-исполнительная характеристика, дисциплинарная практика, исправительные учреждения, исправительные колонии, психологические особенности, осужденные, социально значимые заболевания, ВИЧ-инфекция,

профилактика заболеваний, социальная адаптация.

Несовершенные, часто не обоснованные реформы, происходящие в Российской Федерации в целом и в деятельности правоохранительных органов страны в частности, высветили ряд нерешенных экономических и социальных проблем. Особенно остро эти проблемы стоят перед исправительными учреждениями (ИУ) уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации, где к числу наиболее серьезных проблем необходимо отнести ВИЧ-инфекцию и СПИД [1, 2, 3, 4]. На 1 января 2014 г. в ИУ на территории России содержалось 54 819 ВИЧ-инфицированных осужденных.

Анализ деятельности исправительных учреждений показал, что проблема профилактики и лечения ВИЧ-инфицированных осужденных в последние годы обострилась. Более того, она усугубляется тем обстоятельством, что тесно сопряжена с выполнением поставленной действующим законодательством перед ИУ задачей — воспитанием и исправлением осужденных, в том числе ВИЧ-инфицированных. В связи с этим данная проблема в начале XXI века приобрела не только медицинское, экономическое, правовое, но и большое социальное значение [5, 6].

Проведенная нами работа посвящена рассмотрению ряда криминологических и психологических особенно-

стей ВИЧ-инфицированных осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. В ней мы рассмотрели ряд показателей криминологической и психологической характеристики осужденных.

Как и в большинстве других работ по этому направлению, нами были изучены социально-демографические показатели ВИЧ-инфицированных осужденных [7, 8, 9, 10, 11]. По данным нашего исследования, осужденные распределяются по возрастным группам следующим образом: от 18 до 20 лет — 5,4%, до 25 лет — 18,9, до 30 лет — 36,1, до 40 лет — 31,5, до 50 лет — 6,2 и старше 50 лет — 1,9%, то есть ВИЧ-инфекция чаще встречается у лиц среднего возраста.

Что касается семейного положения, то, по полученным нами данным, лишь 17,5% опрошенных осужденных состояли в зарегистрированном браке и 13,1% — в гражданском браке. Можно отметить и тот факт, что в первый год отбывания наказания у 21,8% осужденных семьи распались.

Образовательный уровень больных осужденных крайне низок. С начальным образованием и неграмотных оказалось 53,4%, со средним общим — 28,9, со средним специальным — 12,3, с незаконченным высшим и высшим — 5,4% осужденных.

До осуждения 48,6% осужденных работали, 6,1 — учились, а 34,1% осужденных не работали и не учились.

Анализ практики освобождения ВИЧ-инфицированных осужденных показал, что в 2013 г. 54,3% осужденных освободились условно-досрочно или в связи с заменой лишения свободы более мягким наказанием и 42,5% — по отбытии срока наказания. Доля осталь-

ных оснований для освобождения осужденных была незначительна.

ВИЧ-инфицированные осужденные отличаются от иных категорий осужденных и по другим социально-демографическим признакам, в частности по трудовой деятельности до осуждения и месту жительства [12, 13, 14]. Выявленные нами признаки позволяют выделить исследуемую категорию как наиболее уязвимую в криминогенном отношении. Вместе с тем можно отметить, что многие личностные особенности ВИЧ-инфицированных осужденных обусловлены их образом жизни до лишения свободы.

По срокам отбывания наказания ВИЧ-инфицированные осужденные распределяются следующим образом: лица, которым назначено наказание от пяти до десяти лет включительно — 45,2%; лица, которым назначено наказание на срок от трех до пяти лет включительно — 26,4%; лица, которым назначено наказание от десяти до пятнадцати лет включительно — 14,3%, лица, которым назначено наказание на срок от одного года до трех лет включительно — 10,1%. Доля остальных лиц меньше. Из поступивших в течение года ВИЧ-инфицированных осужденных 63,2% уже ранее отбывали наказание в местах лишения свободы.

В исправительных учреждениях содержатся лица, осужденные к отбыванию срока лишения свободы в колониях различных видов режима [15]. По данным нашего исследования, в учреждениях общего режима содержатся 29,5% больных осужденных, строгого режима — 65,4, в остальных учреждениях — 5,1%. По этим данным видно, что ВИЧ-инфицированные осужденные весьма неоднородны и отличаются между со-

бой по уголовно-правовым и социально-демографическим признакам.

Анализ практики применения к ВИЧ-инфицированным осужденным мер поощрения и взыскания позволяет сделать вывод о том, что снижение активности в поведении больных, в том числе в противоправных формах, наблюдается в старших возрастных группах. Больной отличается от здорового тем, что у него наряду с изменениями функционирования внутренних органов и самочувствия качественно меняется психическое состояние [16, 17, 18, 19]. В связи с этим усилия врачей должны быть направлены не только на предупреждение возникновения болезненных расстройств или их декомпенсации, но и на предупреждение безнадежности, безысходности, тоски, обреченности.

Под влиянием отрицательных психических состояний у больных социально значимыми заболеваниями притупляется память, появляется безынициативность, неспособность сосредоточить внимание на какой-либо деятельности, нежелание бороться с негативными последствиями перенесенного заболевания. Ожидание освобождения и длительность срока отбывания наказания вызывают чувство постоянного раздражения и отчаяния, особенно когда надежда на условно-досрочное освобождение или прекращение отбывания наказания по болезни не оправдалась. У ВИЧ-инфицированных лиц наблюдают нарушения сна в виде бессонницы, которая изнуряет их, делает крайне раздражительными. Это состояние усугубляется чувством тревоги за течение болезни и возможность наступления необратимых последствий, несмотря на отрицание врачом такого заключения. В основ-

ном это мысли об онкологических и кардиологических заболеваниях. Опасение возникновения тяжелых заболеваний в местах лишения свободы нередко приводит к развитию у осужденных ипохондрического состояния, сопровождаемого тревогой о возможных лишениях и потерей трудоспособности [20, 21, 22, 23].

При рассмотрении психологических особенностей у ВИЧ-инфицированных осужденных чрезвычайно важным представляется процесс их адаптации к условиям учреждения. Практика показывает, что наиболее трудным для них является начальный период пребывания в местах лишения свободы [24, 25, 26, 27]. Значительные затруднения в это время испытывают более 85% осужденных, находящихся в учреждениях общего режима, и до 65% — в учреждениях строгого режима.

Появление в конце XX века ВИЧ-инфицированных осужденных в местах лишения свободы добавило еще одну проблему к бесконечному перечню уже существующих там проблем. Работа с данной категорией осужденных неизбежно ложится на плечи сотрудников ИУ, а отсутствие необходимого уровня знаний о путях передачи ВИЧ-инфекции, мерах профилактики заражения вызывает необоснованные страхи у сотрудников и осужденных.

Острота восприятия проблемы ВИЧ/СПИДа в местах лишения свободы усугубляется закрытой социальной средой исправительных учреждений: тесная замкнутая общность, ограниченный замкнутый круг вынужденного общения, жесткий распорядок содержания, изолированность от окружающего мира объективно повышают опасность насилия, передачи инфекции и других негативных

последствий. На ВИЧ-инфицированных осужденных отрицательно отражается отсутствие полноценного калорийного питания, необходимых медикаментов, возможности заниматься облегченным трудом. Все это подчеркивает актуальность проблемы заражения и распространения ВИЧ-инфекции не только среди осужденных, но и работающего с ними персонала.

Фактор рассматриваемого заболевания в условиях повышенной психологической напряженности и конфликтности в местах лишения свободы приобретает дополнительную специфику, которая в настоящее время недостаточно изучена. В связи с тем, что показатели распространенности ВИЧ-инфекции среди осужденных выше, чем среди населения страны в целом, возрастает значение изучения различных аспектов работы по организации профилактики, лечения, психологической реабилитации в пенитенциарной системе. Как известно, до эпидемии инфекции вопросы социально-психологической адаптации данной категории осужденных практически не рассматривались. Сегодня психологические факторы этого заболевания приобретают первостепенное значение. Большое значение имеет и тот факт, что медицина не располагает эффективными методами лечения ВИЧ-инфекции и СПИДа.

Исследование психологических особенностей ВИЧ-инфицированных осужденных в отечественной психологии, по существу, только начинается. Чаще всего при исследовании этой проблемы в местах лишения свободы в России и в пенитенциарных учреждениях за рубежом объектом являются агрессивность, психопатические черты, детерминирую-

щие совершение самоубийства, тревожность, депрессивность, типы реагирования на сообщение об инфицированности, явления жизненной дезадаптации.

Таким образом, мы видим, что, не смотря на некоторые общие признаки, позволившие нам получить усредненную социально-демографическую, уголовно-правовую, уголовно-исполнительную и психологическую характеристику ВИЧ-инфицированных лиц, осужденные, относящиеся к данной категории, составляют в целом неоднородную группу как по личностным, так и по поведенческим признакам. В связи с этим перед администрацией ИУ, где отбывают наказание ВИЧ-инфицированные осужденные, стоят достаточно сложные проблемы повышения воспитательного и исправительного воздействия на них с учетом дальнейшего углубленного изучения их личностных особенностей.

Литература

1. Воронин Р.М. Основные направления медицинской психологии в исправительных учреждениях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 112–117.
2. Воронин Р.М., Датий А.В. Медико-социальная работа с мужчинами-инвалидами, содержащимися в исправительных колониях общего режима // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 67–74.
3. Воронин Р.М., Датий А.В., Трубецкой В.Ф. Некоторые характеристики осужденных, больных наркоманией // Человек: преступление и наказание. 2012. № 3. С. 118–121.
4. Воронин Р.М., Датий А.В., Юсуфов Р.Ш. Уголовно-исполнительная характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных женщин // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 79–80.
5. Датий А.В. Научно-методическое сопровождение эксперимента по совершенствованию медико-санитарного обеспечения осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 9. С. 16–21.
6. Датий А.В. Проблемы медицинского обеспечения осужденных // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1 (4). С. 52–60.

7. Датий А.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 100–107.

8. Датий А.В. Характеристика женщин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 68–75.

9. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 126–133.

10. Датий А.В., Бовин Б.Г. Анализ динамики умышленных убийств и численности осужденных за убийства в России // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 23–29.

11. Датий А.В., Воронин Р.М. Некоторые особенности характеристик женщин инвалидов, содержащихся в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 61–63.

12. Датий А.В., Воронин Р.М. Проблемы организации медицинского обеспечения осужденных и сотрудников ФСИН России // Прикладная юридическая психология. 2014. № 2. С. 155–156.

13. Датий А.В., Данилин Е.М., Федосеев А.А. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 16. С. 24–28.

14. Датий А.В., Дикопольцев Д.Е., Федосеев А.А. Некоторые характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях в 2011 году // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 121–124.

15. Датий А.В., Кармовский В.В., Макаревич З.Б. Уголовно-исполнительная характеристика осужденных женщин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 43–45.

16. Датий А.В., Павленко А.А. К вопросу о совершенствовании действующего законодательства в области пенитенциарной медицины // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1. С. 58–61.

17. Датий А.В., Селиванов С.Б., Панфилов Н.В. Опыт создания информационно-аналитической базы социально-гигиенического мониторинга в

системе Минюста России // Гигиена и санитария. 2004. № 5. С. 23.

18. Датий А., Тенета Е. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006. № 12. С. 40–41.

19. Датий А.В., Федосеев А.А. Характеристика больных туберкулезом осужденных женщин, обратившихся за психологической помощью // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2014. № 1. С. 16–27.

20. Датий А.В., Федосеев А.А., Дикопольцев Д.Е. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях ФСИН России // Вестник Кузбасского института. 2011. № 5 (8). С. 42–46.

21. Датий А., Хохлов И. Проблема оказания противотуберкулезной помощи осужденным в учреждениях ФСИН России // Закон и право. 2006. № 11. С. 23–24.

22. Датий А.В., Юсуфов Р.Ш., Ермолаева Т.В. Роль клинико-диагностических лабораторных исследований в диагностике туберкулеза // Клиническая лабораторная диагностика. 2010. № 9. С. 35.

23. Дьяченко А.П., Датий А.В., Митропольская К.В. Характеристика ВИЧ-инфицированных осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 1. С. 71–74.

24. Смирнов Д.А., Селиванов Б.С., Датий А.В. Некоторые аспекты медико-санитарного обеспечения осужденных в колониях-поселениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 1. С. 20–21.

25. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–18.

26. Сочивко Д.В. Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.

27. Тенета Е.Л., Датий А.В. Некоторые аспекты характеристики ВИЧ-инфицированных осужденных в учреждениях ФСИН России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2. С. 32–34.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И АНАЛИЗЕ ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ

М. И. Купцов, С. В. Видов

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые проблемы современного состояния применения математических методов в психологии. Обосновывается необходимость использования математических процедур в теории и практике психологических исследований. Особое внимание обращено на корректность применения математических методов и адекватность алгоритмов обработки эмпирических данных решаемой исследовательской задаче.

Показано, что достаточно лишь немного видоизменить схему использования той или иной математической технологии, и исследователь может получить какие ему угодно выводы относительно одних и тех же статистических данных. Значит, применение математических процедур, особенно если они перенесены в программные коды, требует скрупулезной точности, аккуратности и честности. Именно при применении математических методов можно легко сфальсифицировать (математически «обосновать») выводы эмпирического исследования.

Поэтому любое диссертационное исследование должно сопровождаться компьютерным файлом экспериментальных данных, на основании которых были получены результаты и сформулированы выводы. Этот файл данных должен быть сформирован либо в процессе компьютерного эксперимента с предусмотренной автоматизированной реги-

страцией первичных данных респондентов и невозможностью внесения изменений в созданную базу данных, либо в результате ручного ввода данных с бумажных носителей (бланков ответов, регистрационных листов, тестовых опросников и т. п.), причем в последнем случае наряду с файлом данных необходимо предоставлять весь исходный материал.

Указывается также необходимость проведения технической экспертизы корректности использования математических методов в диссертационных исследованиях.

Ключевые слова: математические методы, корректность применяемых методов, интерпретация экспериментальных данных, компьютерная статистика, диссертационные исследования, психология, психометрия, проверка статистических гипотез, непараметрические методы, нормальное распределение.

Любые научные исследования массовых процессов, даже если это касается таких отраслей знаний, как физика, химия, биология, медицина, экономика, социология, юриспруденция, лингвистика, криминалистика или психология, в современных условиях не могут обойтись без использования математического аппарата. Это относится не только к изучению глобальных природных явлений и направлений гуманитарной деятельности, но и к повседневной работе каждого физика, математика,

практического психолога. Если проводимый эксперимент сложен и в него вовлечены десятки, сотни людей, то случайных воздействий настолько много и они так многообразны, что ни уберечься, ни отмахнуться от них нельзя. Таким образом, мы приходим к необходимости учитывать случайные факторы при интерпретации полученных в ходе эксперимента данных, а также разделять закономерное и случайное в изучаемом явлении. Это позволяют сделать общие методы теории вероятностей и математической статистики, которые требуют дифференцировки в зависимости от той специальной науки, в которой они применяются.

Чем труднее поддается формально-логическому, математическому описанию явление, тем сложнее при его изучении использовать математические методы. Особенно это характерно для исследований психических процессов (обучения, адаптации, ориентировки и т. д.), которые переменны в самой своей сути. Кроме того, при проведении психологического эксперимента стараются достичь постоянства лишь внешних условий, система же внутренних условий, или того, что детерминирует саму психическую деятельность, не стабилизируется [4, с. 4].

Учитывая все это, некоторые психологи обосновывают неизбежность применения математических методов следующим образом: «Нам придется использовать математические методы, чтобы избавиться от необходимости объяснять, а почему мы, собственно, их не использовали? Легче использовать их, чем доказать, что в этом не было необходимости» [8, с. 6]. Красиво, с юмором, но и только. Ведь психологические

исследования обычно строятся с опорой на количественные, числовые данные, получаемые в результате экспериментов и тестирования. И никакие другие методы не могут оказаться лучше и надежнее математических в обработке и анализе числовой информации. Да, изучение человека затруднено неоднозначностью, переменностью, случайностью протекания психических процессов, но тем больше оснований применять при их изучении математику случайного, методы теории вероятностей и математической статистики. Более того, не только использование, но даже создание современных психологических тестов немислимо без математико-статистических методов. Проверка валидности, надежности, стандартизация экспериментальной методики и многие другие процедуры психодиагностики осуществляются и будут осуществляться с применением математики.

Спектр применения математических методов в современных психологических исследованиях очень широк и простирается от методов описательной статистики и проверки простейших статистических гипотез до выявления нелинейных взаимосвязей, прогнозирования и даже построения математических моделей [1]. Математическое моделирование психологических процессов и явлений, конструирование психометрических методик и формирование «батарей» тестов, создание и использование систем адаптивного, игрового и дистанционного тестирования, психологическая диагностика, анализ и интерпретация ее результатов — это лишь небольшая часть тех психологических задач, которые могут и должны обеспечиваться использованием математических процедур.

Однако универсальных, всеобщих математических приемов и оценок нет и быть не может. Не существует некоего всеспасительного алгоритма обработки любых экспериментальных данных, поэтому надо четко себе представлять, какие именно приемы и как приложить к конкретному эксперименту, надо знать границы применения того или иного математического метода и выводы, которые на основании его применения можно сделать. Незнание, непонимание подобных понятий или нежелание разбираться в математических методах приводит к трудностям как в их применении, так и в интерпретации проанализированных с их помощью экспериментальных данных.

Анализ диссертационных исследований по психолого-педагогическим специальностям, проведенный в Российской академии образования, показал, что в них наблюдается «недостаточная корректность применяемых методов и методик» [9, с. 65], а «...полученные эмпирические результаты в ряде случаев некорректно обрабатываются, описываются и интерпретируются» [2, с. 163]. Многие диссертанты не понимают сути математических методов. «Расчеты зачастую выполняются механически по заученным схемам с использованием ограниченного репертуара статистических средств. Результаты, выданные компьютером, фетишизируются и принимаются безоговорочно даже в случае их противоречия здравому смыслу. Удивительно легко осуществляется и авторская интерпретация методов и подбор методик, которыми пользуются соискатели, без какой-либо психометрической проверки собственных данных» [10, с. 15]. «В работах отсут-

ствует адекватность [степень соответствия формальной модели, предполагаемой методом, характеру изучаемого с его помощью явления] применяемых методов математической статистики. Отсюда в работах возникают сомнительные, а иногда просто несостоятельные выводы» [6].

Таким образом, особенно актуальной проблемой является корректное использование методов анализа и последующей интерпретации экспериментальных данных. Дело в том, что большая часть методов обработки статистической информации, в том числе компьютерных, разработана для высоких уровней измерений. Такие методы, как дисперсионный анализ, корреляционный и регрессионный анализ Пирсона, критерий Стьюдента, не только могут быть применены лишь для шкал отношений и интервальных шкал, но и дополнительно требуют нормальности распределения эмпирических данных. Вместе с тем психологические измерения, как правило, ограничиваются уровнем шкал порядка или даже наименований [1; 7, с. 61]. Это ограничение необходимо учитывать при подборе математических методов, адекватных анализируемому данным. Кластерный анализ, многомерное шкалирование, критерий χ^2 Пирсона вполне могут заменить для определенного класса задач классические методы обработки статистических данных. То, что перечисленные технологии используются относительно редко, характеризует лишь самих исследователей, не всегда корректно применяющих математические методы, а ведь неадекватные решаемой задаче методы анализа могут существенно исказить полученные результаты, и практические

Таблица 1

Число попаданий	0	1	2	3	4	5	6	7
Количество участков	229	211	93	35	7	0	0	1

Таблица 2

Число попаданий	0	1	2	3	4-7
Количество участков	229	211	93	35	8

рекомендации, основанные на таких схемах, будут не только бесполезны, но и вредны [3, с. 154].

Приведем простой пример реальной (наглядной) статистики [5, с. 278], который иллюстрирует изложенное.

Данная задача возникла в связи с бомбардировками Лондона во время Второй мировой войны и падением самолетов-снарядов в его южной части. Большинство населения верило в тенденцию точек падения скапливаться в нескольких местах.

Карту южной части Лондона условно разделили сеткой из 24 горизонтальных и 24 вертикальных линий на 576 участков, каждый площадью 0,25 кв. км. В таблице 1 приведены данные о количестве участков с разным числом падений самолетов-снарядов.

Гипотезу H_0 в данном случае нужно сформулировать следующим образом: стрельба ведется по «площадям», нет «целевых» участков. При условии справедливости указанной гипотезы вероятность попадания самолетов-снарядов на каждый участок одинакова и примерно равна 0,932. Тогда теоретическое количество участков для каждого числа попаданий высчитывается исходя из закона «редких событий» (распределение Пуассона), и наблюдаемое значение критерия χ^2 Пирсона будет равно 32,6. Следовательно, при уровне значимости

$p < 0,01$ гипотеза H_0 отвергается (число степеней свободы $k = 6$), а значит, население право: у бомбардировок есть конкретные цели, и наибольшую опасность представляет нахождение людей вблизи этих целей.

Однако при использовании критерия χ^2 Пирсона обязательным условием является объединение малозначимых вариантов (с теоретической частотой менее 5). Если строго следовать процедуре применения данного критерия, то необходимо объединить варианты 4, 5, 6, 7, и тогда имеем (см. таб. 2).

Расчет наблюдаемого значения критерия χ^2 Пирсона дает число 1,05, что подтверждает гипотезу H_0 ($k = 3, p > 0,05$).

Таким образом, некорректное использование критерия χ^2 Пирсона приводит не к некоторым несущественным неточностям при интерпретации статистических данных, а к результатам, обосновывающим тенденцию, абсолютно противоположную реальному процессу.

Значит, достаточно лишь немного видоизменить схему использования той или иной математической технологии, и исследователь может получить какие ему угодно выводы относительно одних и тех же статистических данных. Поэтому применение математических процедур, особенно если они перенесены в программные коды, требует скрупулезной точности, аккуратности и честности.

Именно при применении математических методов можно легко сфальсифицировать (математически «обосновать») выводы эмпирического исследования.

На наш взгляд, любое диссертационное исследование должно сопровождаться компьютерным файлом экспериментальных данных, на основании которых были получены результаты и сформулированы выводы. Этот файл данных должен быть сформирован либо в процессе компьютерного эксперимента с предусмотренной автоматизированной регистрацией первичных данных респондентов и невозможностью внесения изменений в созданную базу данных, либо в результате ручного ввода данных с бумажных носителей (бланков ответов, регистрационных листов, тестовых опросников и т. п.), причем в последнем случае наряду с файлом данных необходимо предоставлять весь исходный материал. Кроме того, считаем необходимым проведение обязательной технической экспертизы корректности использования математических методов в диссертационных исследованиях. Мы полагаем, что данные меры приведут к значительному улучшению качества диссертационных исследований по психологическим специальностям.

Резюмируя изложенное, можно отметить, что степень прогресса общества в целом определяется не только уровнем развития информационных технологий, автоматизирующих информационные процессы в различных предметных областях (экономики, психологии, права и т. п.), но и грамотностью специалистов, применяющих эти технологии, и, безусловно, их профессиональными этическими качествами [11, 12].

Литература

1. Воробьев А.В. Обзор применения математических методов при проведении психологических исследований [Электронный ресурс] // Психологические исследования : электрон. науч. журн. — 2010. — № 2 (10). URL : <http://psystudy.ru> (дата обращения : 22.01.2014).
2. Держач А.А. О мерах по улучшению качества диссертационных психолого-педагогических исследований // Мир психологии. — 2008. — № 4. — С. 161–169.
3. Корячко В.П., Купцов М.И., Самофалова О.В. Некоторые аспекты использования информационных технологий при проведении психологических исследований и анализе их результатов в УИС // Уголовно-исполнительная система РФ в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития : сборник тез. докл. участников Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 22–23 нояб. 2012 г.). — Рязань : Академия ФСИН России, 2012. — Т. 2. — С. 152–154.
4. Купцов М.И. Курс лекций по теории вероятностей и математической статистике : учеб. пособие. — Рязань : Горизонт — РИУП, 2000. — 101 с.
5. Лагутин М.Б. Наглядная математическая статистика : учеб. пособие. — М. : Бином. Лаборатория знаний, 2007. — 472 с.
6. Остапенко Р.И. О корректности применения количественных методов в психолого-педагогических исследованиях // Современные научные исследования и инновации. — Июль 2011. — № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/07/1375> (дата обращения : 21.01.2014).
7. Савченко Т.Н. Математическая психология в гуманитарных исследованиях // Прикладная юридическая психология. — 2009. — № 4. — С. 55–62.
8. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. — СПб. : Речь, 2003. — 350 с.
9. Фельдштейн Д.И. О состоянии и путях повышения качества диссертационных исследований по педагогике и психологии // Вестник практической психологии образования. — 2008. — № 3. — С. 63–66.
10. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические диссертационные исследования в системе организации современных научных знаний : доклад на совместном расширенном заседании Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ и Президиума Российской академии образования. 20.04.2011 // Проблемы современного образования. — 2011. — № 2. — С. 12–27.
11. Блинникова И.В., Савченко Т.Н., Сочивко Д.В. Научно-практический семинар «Прикладная юриди-

ческая психология» // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 201–213.

12. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Блиникова И.В. Журнал «Прикладная юридическая психология»: ответы на вызовы психологической науки и практики // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 4. — С. 8–20.

13. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 2. — С. 8–18.

14. Сочивко Д.В. Актуальные проблемы современной пенитенциарной системы и методологии ее изучения // Уровень жизни населения регионов России. — 2011. — № 1. — С. 34–43.

15. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н. Восьмой научно-практический семинар «Прикладная юридическая психология» проблемы массового сознания: управление и манипулирование на границе правового поля // Прикладная юридическая психология. — 2014. — № 2. — С. 145–149.

ОБСУЖДЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ТЕРАКТОВ В ИНТЕРНЕТЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. А. Смолина, Т. А. Нестик

Аннотация: авторы статьи отмечают, что на сегодняшний день Интернет является одним из важнейших ресурсов получения информации о ситуации в стране и мире. С развитием технологии веб 2.0 пользователи сети Интернет получили возможность знакомиться с новостями и обсуждать их с другими пользователями, делиться информацией в своих блогах, выражать эмоции и разделять их с другими, чтить память о погибших и поддерживать пострадавших.

В статье рассмотрены основные результаты зарубежных исследований, посвященных реагированию пользователей сети Интернет на террористический акт. На основании проведенного анализа предложено группировать данные исследований по типу авторского подхода. В рамках эмоционально-когнитивного подхода изучается эмоционально-когнитивная оценка теракта участниками он-лайн дискуссий, проводится анализ эмоций и когнитивных оценок в сообщениях их участников в Интернете после теракта, затем эти высказывания категоризируются. Целью применения социально-когнитивного подхода является классификация содержания сообщений при обсуждении теракта. Информационно-потребностный подход раскрывает проблему поиска информации, ведет сравнение обращений к таким источникам информации, как традиционные СМИ, электронные СМИ и блогосфера. Коммеморативный подход исследует поддержание памяти жертв терак-

тов. Подход «теории заговоров» — это исследование «теорий заговоров» («конспирологических теорий»).

По итогам нашей работы были выделены основные функции обсуждения интернет-пользователями теракта: адаптация к угрозе (через ее когнитивную и эмоциональную оценку с последующим перестроением своего опыта), поддержание памяти (пользователи вытирают, что запоминать и кого запоминать), игровая функция (теракт как некоторый виртуальный, нереальный опыт, напоминающий фильм или компьютерную игру). На основании проведенного анализа были предложены направления дальнейшего исследования проблемы.

Ключевые слова: психология терроризма, психология Интернета, социальная психология, медиапсихология, терроризм, отношение к терроризму, социальные сети, блогосфера, эмоции, когнитивная оценка риска.

Введение

Терроризм в современном мире является одной из актуальных угроз человечеству. Его изучению посвящено немало психологических исследований как за рубежом [1, 29, 39] (Мохаддам, 2011; Borum, 2004; Laqueur, 2001), так и в России. При этом внимание уделяется последствиям переживания людьми терактов [1, 23] (Быховец, Тарабрина, 2010, 2014), глубинным причинам возникновения терроризма и попадания людей в террористические группы

[19, 21] (Соснин, 2012; Соснин, Нестик, 2008), профилактике экстремистской деятельности [9, 20] (Иванов, 2013; Соснин, 2014). За последние примерно 7 лет, судя по оценкам А.Л. Журавлева, в Институте психологии РАН сложилось активно разрабатываемое научное направление — психология современного терроризма [4, 5, 14, 17] (Журавлев, 2007, 2008; Проблемы психологической безопасности, 2012; Психологическое воздействие..., 2012).

Интернет, являясь одним из каналов массмедиа, становится все более значимым для распространения и получения информации. Заметен рост не только внимания аудитории к информации в сети, но и интеграции телевизионного и интернет-каналов. Например, в сеть интегрируются видеотрансляции телеканалов, растет доля просмотра телевидения с планшетов, ноутбуков и смартфонов. Кроме того, развивается технология «второго канала» (second screen), позволяющая совмещать телепросмотр с активностью в интернет-пространстве. По данным компании Nielsen [24] (Традиционные медиа в 2020 году..., 2013), 21 % пользователей планшетов и 18 % пользователей смартфонов читают обсуждения телеконтента в блогосфере и социальных сетях или участвуют в них. По результатам исследования этой компании в 2013 г. была зафиксирована двусторонняя связь между рейтингами телепрограмм и активностью их обсуждения в социальных сетях: в 48 % случаев рост числа зрителей программы приводит к увеличению числа сообщений о ней в социальных сетях, в 29 % случаев рост числа сообщений о транслируемой в настоящее время программе приводит к увеличению числа зрителей.

Психология Интернета — одно из активно развивающихся научных направлений. Интернет, по мнению исследователей, — это не столько компьютерные сети, сколько взаимодействие людей в этой среде и результаты этого взаимодействия [3] (Войскунский, 2002). Важным направлением в психологии Интернета и социальной психологии становится изучение реакции социальных групп в сети на глобальные риски. Так как блогосфера начинает выступать одним из центров формирования общественного мнения, а массовое сознание в этой среде подвержено влиянию со стороны различного рода манипуляторов, «этнических предпринимателей», наживающихся на разжигании социальных и этнических конфликтов, необходимо понимать, как именно формируется общественное мнение. Эта задача приобретает особое значение в связи с ростом угрозы терроризма на национально-освободительной, религиозной почве и по политическим соображениям. Несмотря на важность данной проблематики, влияние терроризма на блогосферу и социально-психологические факторы отношения к нему пользователей остаются малоизученной областью как в российской, так и в зарубежной социальной психологии. Это научное направление сохраняет особенности фундаментальной, исследовательской и практико-ориентированной психологии одновременно [6, 25, 26] (Журавлев, 2011; Ушаков, Журавлев, 2011, 2012). Оно вполне вписывается в более широкий научный контекст психологических исследований современного общества [10, 15, 16 18 27] (Макропсихология..., 2009; Психологические исследования..., 2013; Психологические про-

блемы..., 2012; Психология адаптации..., 2007; Юревич, Журавлев, 2012).

Цель данной статьи — проанализировать текущее состояние исследований, посвященных реакции пользователей Интернета на теракт, а также оценить достоинства и недостатки основных подходов к этой теме.

Технология web 2.0, блогосфера и электронные СМИ

Интернет-технология веб 2.0 (web 2.0) — это технология, дающая пользователям сайта в сети Интернет создавать его наполнение (контент). Сайт в веб 2.0 является интерактивным и многопользовательским (контентом его может наполнять множество человек), на сайте с такой технологией есть возможность не только публиковать контент, но и обсуждать его, делиться этим контентом с другими пользователями, создавать группы по интересам и так далее. Примером таких сайтов являются социальные сети, форумы, чаты.

Блогосфера — это совокупность интернет-изданий, журналов и блогов, позволяющих интернет-пользователям обмениваться информацией и формировать социальные сети и интернет-сообщества.

Блог — электронный журнал в социальной сети, где пользователь оставляет *посты* — отдельные сообщения, которые могут читать и комментировать другие пользователи (в некоторых случаях только ограниченный круг читателей). Человек, ведущий блог, называется *блоггером*.

С одной стороны, блогосфера может характеризоваться именно неформальным, непрофессиональным происхождением большей части публикаций, освещая

щающих различные проблемы и аспекты современной жизни. С другой стороны, начинает появляться такая профессия, как блоггер, когда сообщения написаны профессионалами и являются аналогом электронных СМИ. Блог позволяет делиться информацией, оставлять свои комментарии, давать ссылки на другие блоги и электронные СМИ.

Электронные СМИ — средства массовой информации в сети Интернет: новостные сайты, интернет-радио, интернет-телевидение. Часто традиционные СМИ (в нашем обзоре под ними мы понимаем газеты, журналы, радио и телевидение вне сети Интернет) имеют свои сайты в сети Интернет, где информация из традиционных каналов может дублироваться. Электронные СМИ обладают следующими специфическими чертами. Во-первых, новости в здесь появляются быстрее, чем в традиционных СМИ. Во-вторых, пользователи имеют возможность обсудить электронные публикации и выразить свое отношение к ним, обменяться ссылками. В-третьих, информация может быть дана в разных форматах (от текста до фотографий и видео), как правило, сразу в нескольких форматах.

Современное состояние исследований

По нашему мнению, ключевыми подходами к исследованию реакции пользователей Интернета на теракт являются следующие: эмоционально-когнитивный, социально-когнитивный, информационно-потребностный, коммунитативный, «теории заговоров».

Поскольку феномен терроризма является сложной и многосторонней проблемой, некоторые авторы обращаются

сразу к нескольким ее аспектам и соответствующим подходам к ее изучению.

В рамках *эмоционально-когнитивного подхода* исследуется эмоционально-когнитивная оценка теракта участниками он-лайн дискуссий, проводится анализ эмоций и когнитивных оценок в сообщениях участников дискуссий в Интернете по отношению как к теракту, так и к связанным с ним проблемам. При этом эмоциональные высказывания и оценки категоризируются.

Достоинством данного подхода является обширный анализ эмоциональных реакций, а также разработка проблемы влияния эмоций на когнитивные оценки (например, оценка риска попадания в зону теракта). Уделяется внимание групповым стереотипам в оценке представителей другой группы (например, эффект стереотипизации, ореола и т. д.). Недостатком является то, что в исследованиях делается акцент исключительно на негативных эмоциях, фактически отсутствует анализ позитивных эмоций и таких же последствий переживания теракта. Анализ только негативных эмоций дает неполную картину переживания теракта и оценки рисков, связанных с таким переживанием. Кроме того, эмоции рассматриваются как индивидуальные, то есть принадлежащие каждому отдельному человеку, что не дает возможности проследить, например, за обменом эмоциями (*emotional sharing*), выявить его механизмы и их групповую динамику. Важно при этом учитывать и психологическую дистанцию между воспринимающими последствия теракта и пострадавшими в нем [12].

Дирк Ойгем и Энни Дас провели исследование оценки риска, выражения гнева и страха в голландских и арабских

он-лайн дискуссиях. Исследуя контент новостных сайтов и он-лайн дискуссии на новостных сайтах, авторы обратили внимание на роль негативных эмоций и их связь с оценкой ситуации и рисков. Основными категориями эмоций были названы *гнев* и *страх*, которые могут возникать не только относительно теракта, но и при обсуждении связанной с ним тематики. Доступность новостей о терроризме ведет к переоценке зрителями риска попадания в ситуацию опасности. На переоценку риска влияют количество жертв, близость места теракта, а также феномен «игнорирования вероятностей» (*probability neglect*): с вовлечением сильных эмоций люди фокусируют свое внимание на негативном исходе событий, игнорируя другие вероятные варианты развития событий [45].

Э. Дас с соавторами приходят к выводу о том, что новости о терроризме порождают страх на подсознательном уровне, который ведет к появлению предубеждения по отношению к лицам из других групп [38].

Целью *социально-когнитивного подхода* является анализ и группирование содержания сообщений при обсуждении теракта. Преимущество данного подхода — создание классификации комментариев в ответ на теракт, что дает возможность провести анализ и систематизацию когнитивных оценок теракта, эмоционального отклика, социального взаимодействия в сети, создавая некую общую картину происходящего. Особенность такого подхода — делается больший акцент на решение социальных проблем, то есть происходит уклон в социологию, а не в социальную психологию. Типология комментариев создается без достаточного анализа собствен-

но социально-психологических явлений.

Бонни Брессерс и Дженис Юм, проведя социологическое исследование, проанализировали комментарии пользователей новостного сайта NYTimes.com и выделили четыре группы высказываний относительно теракта 11 сентября 2001 г. Во-первых, это мнения людей о политике, в основном о политике США как о вероятной причине терактов. Во-вторых, возможность выхода эмоций: шока, скорби, поддержки, выражения патриотизма, тревоги и потери чувства безопасности. В-третьих, выражение социального взаимодействия — как правило, сообщения, адресуемые предыдущему комментатору, диалоги, слова поддержки и проявления заботы. В-четвертых, поиск информации о теракте и ее распространение [37].

Пилле Венгерфельдт проанализировал обсуждение новостей в чатах и новостные статьи еженедельных эстонских газет в течение недели после теракта 11 сентября. В результате исследования интернет-версий традиционных эстонских газет было выделено четыре главные темы новостных статей. Основываясь на них, он сгруппировал обсуждения в чатах. Первый тип высказываний был обозначен как «национальная трагедия»: с одной стороны, пользователи сочувствовали американцам, с другой стороны, отношение к трагедии напоминало отношение к фильму с плохим концом. Второй тип высказываний — «Кто виноват?»: пользователи выражали свое мнение о том, получили ли США по заслугам или атака была направлена против западной культуры в целом. Кроме того, подключались различные «теории заговоров». Третий тип — «Новая война»: проводились параллели с преды-

дущими войнами, выражались опасения новой войны. Четвертый — «Эстония готова прийти на помощь Америке»: комментаторы этого типа статей не верили в то, что Эстония смогла бы предложить помощь США. Сообщения такого типа часто были анонимными [48].

Информационно-потребностный подход раскрывает проблему поиска информации, ведет сравнение обращений к таким источникам информации, как традиционные СМИ, электронные СМИ и блогосфера.

Плюсом данного подхода является развернутое исследование причинно-следственных связей между поисковым поведением (поиском информации) и эмоциональным состоянием человека. Кроме того, раскрывается роль блогов и электронных СМИ как новых и популярных источников информации о теракте, к которым обращается население. Раскрывается проблема групповых феноменов (восприятия, памяти и т. д.), а также перестройки когнитивного опыта. Минусом данного подхода является фокусировка на индивидуальных, а не на групповых эмоциях. Нет информации о том, какие группы населения склонны обращаться к электронным СМИ и социальным сетям и почему они это делают.

П. Венгерфельдт провел также интервью со студентами. В ходе опросов выяснялось, использовался ли ими Интернет как источник информации о трагических событиях, какие именно каналы получения информации ими привлекались (к каким сайтам обращались студенты). В условиях недостатка информации пользователи Интернета чаще обращались к статьям на английском языке и давали на них ссылки, несмотря на то что обсуждение велось на эстонском

языке. Автор делает вывод о том, что в условиях доступа к различным каналам получения информации (традиционные СМИ, Интернет) чаты и комментарии к новостным статьям становятся не только информационными ресурсами, но и местом сбора различных новостных ресурсов и мнений. Пользователи распространяют новости и интерпретируют их, становясь сообществом. Венгерфельдт отмечает, что Интернет как новый вид медиа открывает возможность заполнения информационного вакуума, создает новые виды поддержки людей и возможности поделиться идеями и эмоциями [48].

В исследовании Монцеррат Довал-Авандано анализируются «традиционные» медиа (три новостных сайта в Интернете) и социальные медиа (блоги и форумы) после террористической атаки в марте 2004 г. в Испании. Автор отмечает, что социальные медиа, освещая этот теракт, выступали как центры, собирающие информацию из различных ресурсов (испанских и иностранных традиционных медиа). Большинство ссылок оказалось на сайты традиционных медиа, различных оппозиционных организаций, сайты с информацией о пострадавших и погибших. Блоггеры реально влияют на общественное мнение, связывая теракты с внешней политикой государства. В исследовании выявилось *недоверие* большей части испанского общества к официальной трактовке взрывов. Известно, что феномен недоверия может вызываться самыми разными основаниями, причем совсем не обязательно совпадающими с критериями возникновения доверия [13]. Именно в результате возросшего недоверия повысился интерес к поиску альтерна-

тивной информации, а также к столкновению мнений членов испанского общества, которые подтверждали или опровергали подозрения, обсуждали различные версии произошедшего, давали оценки поведению правительства и оппозиции. Автор делает вывод: блоггеры не производили какой-либо уникальной информации, а создавали центр сбора ссылок на новостные медиа и сопровождали их личными оценками происходящего [40].

Проблема поиска информации пользователями после теракта исследовалась Робертом Кьюби и Тэа Пелусо. Эти авторы предполагают, что эмоциональные реакции на травматические события связаны с нехваткой информации: люди пытаются бороться с неуверенностью и получить больше информации [43].

Интернет как источник самой разнообразной информации становится все более привлекательным. Это подтверждает, например, работа Элисона Андерсона. Автор говорит о том, что после теракта 11 сентября 2001 г. обычное использование Интернета (для повседневных нужд) американскими гражданами снизилось, а Интернет как источник информации стал использоваться чаще прежнего [33].

Исследуя связь эмоциональных реакций и потребности в поиске информации после теракта 11 сентября в США, Михаэль Бойл с соавторами пришел к выводу о том, что у лиц с более сильной негативной реакцией на теракт выявлялось большее желание найти информацию, связанную с ним. Был сделан вывод: аффект приводит к заинтересованности в поиске информации. Данные показывают, что, испытав нега-

тивные эмоции от травмирующего события, освещенного СМИ, люди не избегают информации о нем, скорее, наоборот, склонны испытывать желание узнать больше о последствиях теракта и его причинах. Согласно теории снижения неуверенности (*uncertainty reduction theory*) человек пытается снизить свою неуверенность относительно происходящей травматической ситуации за счет получения более полной информации о ней [35].

Дейл Брашерс отмечает, что неуверенность (*uncertainty*) возникает в ситуации нехватки информации, но даже когда ее объективно достаточно, человек может быть не уверен. Это случается, если ситуация сложна и непредсказуема, информация по какой-либо причине недоступна и противоречива, нет уверенности в своем знании. Информация может быть использована для изменения эмоционального отклика. Люди ищут новую информацию, чтобы дополнить знания, подтвердить или опровергнуть свои текущие знания [36].

Коммеморативный подход — это исследования поддержания памяти жертв терактов. Достоинством данного подхода является внимание к проблеме коллективной памяти (ее возникновению и поддержанию). Повторяющаяся характеристика подхода состоит в том, что большее внимание к этой проблеме наблюдается у социологов и журналистов, а не у психологов (феномен в меньшей степени рассматривается именно как психологический).

Интернет и блогосфера используются для поиска выживших и погибших, информации об акциях (например, о сдаче крови), становятся местом поддержания памяти о погибших в теракте: публикуют-

ся портреты, биографические данные, интервью с их друзьями [39].

Отмечены факты обратного влияния активности блоггеров на жизнь вне сети. Так, их критика мемориала погибшим 11 сентября 2001 г. в Аризоне вызвала огромный интерес к проблеме и освещению ее новостями, а это повлияло на действия местных властей. В итоге памятник был перестроен под контролем общественности [46].

Подход «теории заговоров» — это исследования «конспирологических теорий». Положительной стороной данного подхода является внимание к коллективному мышлению, к групповым механизмам восприятия и оценки представителей чужих групп, а также к рассмотрению данных явлений с позиций психопатологии. Отрицательная сторона — узость самого подхода, раскрытие лишь одного типа реагирования на теракт и ориентация на одну группу пользователей.

«Теории заговоров» в широком смысле, по мнению отдельных авторов, — это «параноидальный» способ раскрытия ситуации, предполагающий наличие всемогущей группы, несущей некое «зло» [41]. По сути, «теории заговоров» отражают альтернативную точку зрения на причины теракта (например, «причастность правительства»). Открытость электронных медиа и возможность нахождения в них различных точек зрения делает их удобной площадкой для существования сообществ и отдельных лиц, поддерживающих «теории заговоров». Данным теориям посвящаются как отдельные высказывания при обсуждении каких-либо проблем, публикации в блогах, так и целые сайты. Современные цифровые «теории заговора» (после событий 11 сентября) напоминают

игру или создание альтернативной реальности: на материале имеющихся фотографий, видео и других свидетельств ведется поиск и раскрывается «правда» о событиях, что, скорее, свидетельствует о поиске удовольствия, проигрывании некой игры [47].

Заключение

Исследования процессов обсуждения последствий терактов в Интернете можно квалифицировать пока как зарождающееся научное направление, о чем, с одной стороны, свидетельствуют активно публикуемые и частично представленные выше результаты исследований, а с другой — отсутствие обобщающих работ и каких-либо упоминаний об этом научном направлении в современных учебных пособиях по психологии [23] и социальной психологии [8, 28].

На основании выполненного анализа можно выделить основные функции обсуждения терактов.

1. Функция адаптации к угрозе.

Адаптация к такой травматической ситуации, как теракт, идет через перестройку индивидуального опыта на основе когнитивной и эмоциональной оценки ситуации и информации о ней. Переживание эмоций (гнева и страха) влияет на то, как пользователи оценивают риск попадания в ситуацию теракта. Изначально выражая реакции борьбы (гнев) или бегства (страх), негативные эмоции направлены на угрозу и служат для адаптации к ней (через избегание или столкновение с опасной ситуацией). Сильные эмоции могут затруднять когнитивную оценку ситуации как опасной или потенциально опасной (например, феномен игнорирования вероятностей), а также влиять на оценку представителей других групп

(например, террористов) как угрожающих и отвергаемых. Когнитивная оценка угрозы, в свою очередь, связана с индивидуальным опытом и культурной средой личности. При недостатке индивидуального опыта или информации о теракте, которую пользователи в сети активно ищут и передают, личность склонна полагаться на сложившиеся в обществе стереотипы в конкретный исторический период. Чтобы понять реализацию этой функции более глубоко, необходимо учитывать и общие закономерности адаптации человека к социальной среде [22 и др.].

2. Функция поддержания памяти. Интернет становится местом сохранения культурного опыта, памяти о событиях. Выбирая, что и как обсуждать, каким образом отдавать дань памяти погибшим, пользователи в итоге выбирают то, какую информацию о событии они хотят сохранить в общей памяти (и хотят ли они ее сохранять). За счет реализации этой функции идет изменение культурного группового опыта.

3. Развлекательная (или игровая) функция (в «теориях заговоров»). Обсуждение теракта, рассуждения о его причинах воспринимаются как некий вид игры, когда мир и угрозы представляются по большей части как виртуальные. Чаще это происходит в случае удаленной угрозы (произошедшего в другой стране, на другом континенте).

Тема обсуждения терактов в Интернете достаточно изучена в плане поиска информации пользователями (причины такого поиска и выбора Интернета как источника информации), ее сбора и передачи, разделения ее с другими. Кроме того, большое внимание уделяется выражению эмоций (в основном не-

гитивных) в ответ на теракт, их группированию и когнитивным оценкам, меньшее — проблеме коллективной памяти, которая представлена как один из типов реакции на теракт. Недостаточно полно освещена и проблема восприятия представителей другой группы (эффекты стереотипизации, ореола, наклеивания ярлыков и т. д.).

Эмоции и когнитивные оценки происходящего рассматриваются, скорее, как индивидуально-психологические факторы, нет информации об их групповой динамике, групповых защитных механизмах, последствиях травмы и перестройке индивидуального опыта в ходе как личной, так и групповой работы, дается оценка в основном негативных последствий переживания травмы.

Недостаточно разработанной остается проблема обмена эмоциями между членами группы (social emotional sharing) и динамики такого обмена, групповых механизмов заражения, переживания страха смерти и т. д. Для понимания процесса обмена эмоциями целесообразно использовать данные, накопленные в исследованиях обмена знаниями на разных уровнях, включая социальные группы и организации [7, 16, 17]. Полезными могут оказаться также способы изучения динамики социальной напряженности, разработанные применительно к анализу материалов СМИ [2].

Такие явления, как разделение эмоций, влияют на их передачу другим индивидам (в том числе в условиях общения через сеть), на длительность общения и проявление эмоциональности в сети. Разделение эмоций связано с социальной поддержкой, которую получают и оказывают во время обсуждения травмирующих событий. Социаль-

ная поддержка и общение с разделением эмоций и эмпатией к собеседникам способствуют развитию групповой сплоченности как позитивного последствия общей реакции на теракт. Усиление конформности и связей со своей группой вызывается также страхом смерти (тревогой конечности существования), что отражено в теории управления ужасом [42]. Групповые защитные механизмы, в свою очередь, влияют на оценку личностью собственных действий (как члена группы) и на оценку представителей других групп. Вызванные таким образом эмоции будут не индивидуальными, а эмоциями человека как представителя социальной группы.

Литература

1. Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Психологическая оценка переживаний террористической угрозы. М.: Ин-т психологии РАН, 2010.
2. Вахин А.А., Журавлев А.Л. Особенности исследования динамики социальной напряженности по материалам СМИ // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 101–108.
3. Войсунский А.Е. Интернет — новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. М.: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 82–101.
4. Журавлев А.Л. Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
5. Журавлев А.Л. Основные направления (программа) развития Института психологии РАН на ближайший период // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 5. С. 5–20.
6. Журавлев А.Л. Взаимодействие фундаментальной психологии и психологической практики: направления развития // Прикладная юридическая психология. 2011. № 3. С. 8–13.
7. Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Никитенко И.В. Социально-психологические факторы обмена знаниями в организации // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2009. № 4. С. 8–12.
8. Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.А. Социальная психология : учеб. пособие для студентов вузов. М.: Форум; Инфра-М, 2008.

9. Журавлева Н.А., Журавлев А.Л. Новые тенденции в ценностных ориентациях личности в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2004. № 2. С. 20–39.
10. Иванов Р.С. Применение полиграфа как мера противодействия экстремизму // Прикладная юридическая психология. 2013. Вып. 3. С. 107–113.
11. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Влияние социально-экономических изменений в обществе на развитие отечественной экономической психологии // Психология и экономика. 2009. Т. 2. № 2. С. 43–62.
12. Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Психологическая дистанция между личностью и представителями различных социальных категорий // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Социум; Ин-т психологии РАН, 2001. С. 36–59.
13. Купрейченко А.Б., Табхарова С.П. Критерии доверия и недоверия личности другим людям // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 55–67.
14. Макропсихология современного российского общества / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Ин-т психологии РАН, 2009.
15. Мохаддам Ф.М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2011.
16. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Обмен знаниями, групповая рефлексивность и корпоративная память как объекты социальной психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 3. С. 5–16.
17. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований. М.: Ин-т психологии РАН, 2010.
18. Проблемы психологической безопасности / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
19. Психологические исследования проблем современного российского общества / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2013.
20. Психологические проблемы современного российского общества / отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
21. Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / подред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
22. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Ин-т психологии РАН, 2007.
23. Психология XXI века : учебник для вузов / под ред. В.Н. Дружинина. М.: ПЕР СЭ, 2003.
24. Соснин В.А. Психология суицидального терроризма: исторические аналогии и геополитические тенденции в XXI веке. М.: Форум, 2012.
25. Соснин В.А. Операциональные уроки противодействия суицидальному терроризму государством Израиль // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 125–140.
26. Соснин В.А., Журавлев А.Л. Феномен коррупции в России как социополитическая и психологическая проблема // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 8–24.
27. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Ин-т психологии РАН, 2008.
28. Социальная психология : учеб. пособие для вузов / отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
29. Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В. Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М.: Ин-т психологии РАН, 2014.
30. Традиционные медиа в 2020 году: тенденции и прогнозы // Фонд развития гражданского общества (2013). URL : http://civilfund.ru/media_2020.pdf [дата обращения : 19.11. 2013].
31. Ушаков Д.В., Журавлев А.Л. Фундаментальная психология и практика: проблемы и тенденции взаимодействия // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 3. С. 5–16.
32. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 137–140.
33. Anderson A. Risk, Terrorism, and the Internet // Knowledge, Technology, & Policy. 2003. Vol. 16. No 2. P. 24–33.
34. Borum R. Psychology of terrorism. University of South Florida, 2004.
35. Boyle M.P., Schmierbach M., Armstrong C.L., McLeod D.M., Shah D.V., Pan Z. Information Seeking and Emotional Reactions to the September 11 Terrorist Attacks // J&MC Quarterly. 2004. Vol. 81. No 1. P. 155–167.
36. Brashers D.E. Communication and Uncertainty Management // Journal of Communication. 2001. Vol. 51. Issue 3. P. 477–497.
37. Bressers B., Hume J. Message Boards, Public Discourse, and Historical Meaning: An Online Community Reacts to September 11 // American Journalism. 2012. Vol. 29. Issue 4. P. 9–33.
38. Das E., Bushman B. J., Bezemer M. D., Kerkhof P., & Vermeulen I. E. How terrorism news reports increase prejudice against outgroups: A Terror Management account // Journal of Experimental Social Psychology. 2009. Vol. 45. P. 453–459.
39. Despelder L.A. September 11, 2001 and the

Internet Mortality // *Mortality*. 2003. Vol. 8. No 1. P. 88–89.

40. Doval-Avendano M. Information sources in the Spanish social media during the «Three Days of March» (11–13 March 2004). Laguna: Universidad de la Laguna // *Revista Latona de Communication Social*. 2010. Vol. 65. P. 325–339.

41. Hofstadter R. The paranoid style in American politics and other essays. New York : Alfred Knopf, 1965.

42. Greenberg J. & Simon L., Harmon-Jones E., Solomon S., Pyszczynski T., Lyon D. Testing alternative explanations for mortality salience effects: terror management, value accessibility, or worrisome thoughts? // *European Journal of Social Psychology*. 1995. Vol. 25. P. 417–433.

43. Kubey R.W., Peluso T. Emotional Response as a Cause of Interpersonal News Diffusion: The Case of the Space Shuttle Tragedy // *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 1990. Vol. 34. Issue 1. P. 69–76.

44. Laqueur W. *New Terrorism: Fanaticism and the Arms of Mass Destruction*. London: Phoenix Press, 2001.

45. Oegema D. and Das E. *Terrorism in the Media: Fear, Anger, and Risk Perception in the News and in Dutch and Arab Online Discussions*. Singapore: International Communication Association, Suntec Singapore International Convention & Exhibition Centre, 2010.

46. Smith C. M., McDonald K.M. The Arizona 9/11 Memorial: A Case Study in Public Dissent and Argumentation through Blogs // *Argumentation and Advocacy*. 2010. Vol. 47. P.123–139.

47. Soukup C. 9/11 Conspiracy Theories on the World Wide Web: Digital Rhetoric and Alternative Epistemology // *Journal of Literacy and Technology*. 2008. Vol. 9. № 3. P. 1–25.

48. Vengerfeldt P. The September 11 Attacks on the US in the New Interactive Media Space in Estonia // *Prometheus*. 2002. Vol. 20. № 3. P. 229–236.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ К РАБОТЕ И ОТДЫХУ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ТРУДА И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ СОВРЕМЕННОГО ПРОФЕССИОНАЛА

М. С. Лузянина, А. С. Кузнецова

Аннотация: в статье изложены результаты одной из частей комплексной программы исследования отдыха, выполненной на мультипрофессиональной выборке представителей разных организаций. Цель исследования — выявление факторов, способствующих развитию проактивного подхода к организации отдыха. В работе представлены наиболее общие результаты, полученные в ходе работы с выборкой, скомпонованной в соответствии с задачами исследования из числа представителей разных организаций. Все респонденты — жители одного мегаполиса, ведут достаточно активный образ жизни,

социально активны, в целом благополучны по показателю осмысленности жизни, средний возраст — 31,2 года. Представления опрошенных о явлениях из сфер трудовой и рекреационной активности выявлялись при помощи анализа установок и репрезентированных в семантических полях личностных смыслов. Сбор эмпирического материала был организован при помощи 14-шкального варианта семантического дифференциала Е.Ю. Артемьевой — для субъективной категоризации понятий «отдых», «досуг», «восстановление сил», «покой», «работа», «труд». Проведение углубленного феноменологического анализа ти-

пов субъективного отношения к труду и отдыху, выявленных в процессе психосемантического исследования, позволило задать новый ракурс анализа понятия «проактивность» как базовой установки на опережающую организацию отдыха, смысл которой — профилактика чрезмерного утомления и своевременное восстановление ресурсов. Показано, что к числу наиболее важных факторов эффективного отдыха относится переживание рекреационных процессов как позитивных; негативная оценка отдыха приводит к снижению его восстановительного эффекта и росту неудовлетворенности своей жизнью в целом.

Ключевые слова: *отдых, работа, восстановление сил, эффективность отдыха, проактивный и реактивный подходы к отдыху, удовлетворенность жизнью.*

Чтобы хорошо работать, нужно хорошо есть, жить в хорошем доме, время от времени плясать, курить трубку и пить кофе в тишине

Винсент ван Гог

Введение

В современном мире фокус внимания психологии труда смещается от узкого рассмотрения рабочей продуктивности человека к более широкому пониманию эффективности его жизнедеятельности в целом. Все чаще в качестве предмета исследования выступают такие понятия, как «субъективное качество жизни», «удовлетворенность жизнью», «баланс между работой и личной жизнью», что подчеркивает важность целостного взгляда на организацию трудовой и рекреационной деятельности человека в их неразрывном единстве. Идея о том, что эффективность работы, сохран-

ность здоровья и гармоничное развитие профессионала напрямую зависят от качества восстановления ресурсов жизнедеятельности, находит все больше подтверждений в науке и практике. Значительное количество фундаментальных и прикладных исследований посвящено разработке эффективных психологических средств улучшения качества жизни и повышения профессиональной успешности [2, 5, 14, 17].

Действенные рекомендации созданы на основе психологического анализа режимов труда и отдыха, включая поиск эффективных восстановительных средств для содержательного наполнения периодов отдыха различной длительности [1, 4, 8, 12, 18]. Тем не менее, при всем многообразии практических разработок для оптимизации функционального состояния и поддержки работоспособности, проблема нарастания хронического утомления и накопления симптоматики профессионального стресса остается актуальной. Решение этой проблемы во многом упирается в поиск ответа на вопрос: почему люди сознательно или неосознанно пренебрегают разумными и легко осуществимыми правилами организации своей жизни, доводя себя до крайней степени переутомления и возникновения серьезных проблем со здоровьем?

Мы предположили, что предикторы развития негативных хронических состояний при неэффективной организации жизнедеятельности целесообразно искать в достаточно глубоких ценностно-смысловых полях профессионалов. Не секрет, что большинство работающих людей прекрасно знакомы с основными принципами эффективной организации труда и отдыха, но в своей прак-

тической деятельности далеко не всегда данным принципам следуют. По результатам проведенного эмпирического исследования, направленного на выявление положения отдыха в системе ценностных ориентаций современного работающего человека, нами была обнаружена следующая закономерность: основная направленность респондентов на отдых может быть охарактеризована как реактивная [6, 10]. Иными словами, думать об отдыхе человек начинает только тогда, когда актуализируется необходимость в нем. При этом обнаружена любопытная тенденция амбивалентного отношения респондентов к отдыху: несмотря на то что для большинства обследованных профессионалов отдых позитивно эмоционально окрашен, можно говорить о неумении и нежелании респондентов организовывать свой отдых так, чтобы он давал выраженный восстановительный эффект.

На основе полученных данных была разработана программа исследования отдыха, где одно из основных направлений связано с выявлением факторов, способствующих развитию проактивного подхода к организации отдыха. Разработку этого направления целесообразно начать с углубленного феноменологического анализа типов субъективного отношения к отдыху.

Организация исследования и обработка данных

Цель проведения данной части исследования — выявление различий в характерных мотивационных особенностях, функциональных состояниях и накопленных эффектах утомления между группами людей с различным отношением к труду и отдыху. Критерием под-

бора респондентов было наличие у них постоянной работы на момент проведения исследования. В данном материале будут представлены наиболее общие результаты, полученные в ходе работы с группой численностью 123 человека (41 мужчина, 82 женщины) в возрасте от 19 до 61 года. Выборка достаточно разнопланова по возрасту и роду занятий, но при этом у обследуемых много общих особенностей стиля жизни: все респонденты являются жителями одного крупного мегаполиса, ведут достаточно активный образ жизни, ездят на работу (никто из них не работает на дому), социально активны. Выборка респондентов в целом является благополучной по показателю осмысленности жизни [9], что означает: 1) наличие у респондентов ощущения управляемости своей жизнью; 2) обозначенные цели в будущем, которые придают жизни направленность и временную перспективу; 3) восприятие своей жизни как эмоционально насыщенной; 4) удовлетворенность уже пройденным этапом своей жизни.

Респондентам был предложен достаточно нестандартный для них способ описания своего отношения к трудовой и рекреационной сферам — при помощи методики «Семантический дифференциал». Использование данного методического аппарата в нашем исследовании отвечало задаче выявления представления участников исследования о явлениях (понятиях), связанных со сферами трудовой и рекреационной деятельности, при помощи анализа установок и личностных смыслов, репрезентированных в семантических полях. Нами был применен 14-шкальный вариант семантического дифференциала [3] для субъективной категоризации поня-

Таблица 1

**Координаты оцениваемых понятий в двухфакторном пространстве
«Оценка» — «Активность» в четырех подгруппах**

Оцениваемые понятия	Подгруппа 1		Подгруппа 2		Подгруппа 3		Подгруппа 4	
	Оценка	Актив-ность	Оценка	Актив-ность	Оценка	Актив-ность	Оценка	Актив-ность
Отдых	0,71477	-0,41313	1,00833	0,55681	-0,02242	-0,09377	0,79078	0,23853
Досуг	0,38882	-0,49807	0,96504	0,6393	-0,46824	-0,70862	0,19076	0,23576
Восстановление сил	-0,19717	-0,09172	0,91299	0,45484	-0,87563	-0,50495	0,32947	-0,50166
Покой	0,09495	-0,86763	1,24512	-0,58815	-0,63524	-1,3069	0,61342	-1,54795
Работа	-0,41179	0,52794	0,25128	1,29523	-1,20408	0,29866	-1,2119	0,6143
Труд	-0,74145	0,26952	-0,00063	1,04333	-1,06055	-0,26908	-1,2897	0,51145

тий «отдых», «досуг», «восстановление сил», «покой», «работа», «труд».

Результат факторизации оценок всех понятий по шкалам семантического дифференциала позволил построить 2-факторное семантическое пространство, заданное осями «Оценка» и «Активность», которые соответствуют двум из трех классических факторов, выделенных Ч. Осгудом [15]*. Не исключено, что при проведении исследования на альтернативной выборке можно будет увидеть иную картину, однако мы предполагаем, что данное разделение на подгруппы отражает некоторые универсальные установки профессионалов по отношению к работе и отдыху.

При помощи процедуры кластеризации данных об отношении респондентов к сферам труда и отдыха всю выборку удалось разделить на 4 содержательно специфичные подгруппы. Усредненные координаты понятий в семантическом пространстве каждой из четырех подгрупп представлены в таблице 1. Графически паттерны расположения понятий

из сфер труда и отдыха в семантическом пространстве изображены на рис. 1 и 2.

Далее была поставлена задача выявить характеристики обследованных в данных подгруппах с точки зрения положения отдыха в ценностно-смысловой структуре, специфики отношения к отдыху как к рекреации, а также наличия хронических состояний и профессионально-личностных деформаций как отсроченных последствий недостаточно эффективной организации труда и отдыха. Перечень диагностических методик приведен в таблице 2.

Результаты

В исследовании удалось установить как сходства, так и принципиальные различия между подгруппами респондентов. Подгруппы респондентов 1 и 4 продемонстрировали схожие паттерны расположения понятий в двумерном семантическом пространстве (рис. 1).

Как видно на рис. 1, представители подгруппы 1 (n = 22, средний возраст — 35 лет) воспринимают отдых, досуг и покой как сферы жизни, имеющие позитивную модальность; труд, работа и восстановление сил характеризуются ими как негативные явления. При этом труд

* Более подробно ознакомиться с результатами факторизации и «картиной» расположения понятий в семантическом пространстве можно в ряде других наших работ [6, 10].

Таблица 2

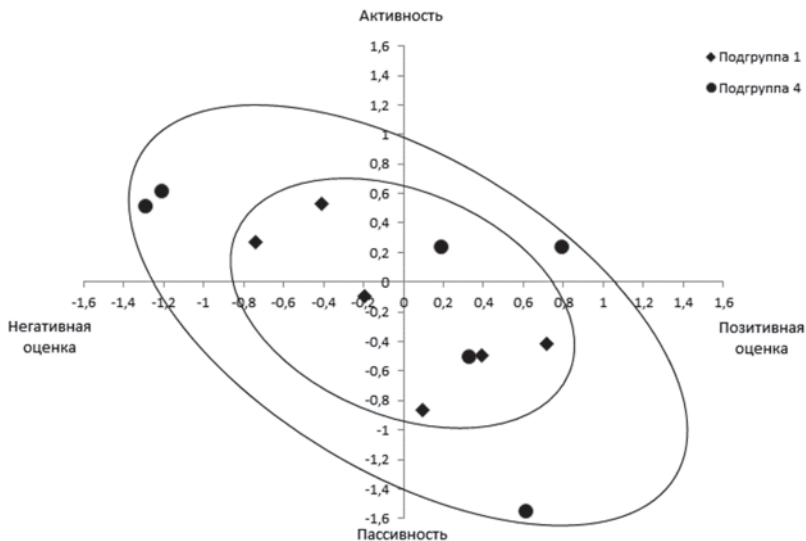
Диагностические методики и способы обработки эмпирических данных

Тип выявляемых особенностей профессионала	Методики сбора эмпирических данных	Способы обработки данных
Особенности организации труда и отдыха, отношения к отдыху как к рекреации	Специально разработанная анкета (далее — анкета) для сбора данных о профессионально-демографическом статусе респондентов и общих сведений, касающихся: <ul style="list-style-type: none"> • субъективного отношения к отдыху как значимой сфере жизни, • характеристик труда с точки зрения объема и распределения рабочей нагрузки, • степени усталости за время рабочего дня и субъективной ориентации на задачи восстановления работоспособности, • особенностей планирования и временной организации отдыха, • эффективности отдыха 	Статистическая обработка ответов для подсчета средних и стандартных отклонений. Качественный анализ и описание выявленных фактов
Особенности положения отдыха в ценностно-смысловой структуре личности	<ol style="list-style-type: none"> 1. Методика «Свободный выбор ценностей» [16]. 2. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере [13]. 3. Методика «Диагностика мотивационной структуры личности» [11]. 4. Тест смысложизненных ориентаций [9] 	Составление рейтингов ценностей, определение положения понятий, относимых к сфере рекреации и отдыха, в системе ценностных ориентаций личности
Признаки хронических состояний и поведенческих деформаций	<ol style="list-style-type: none"> 1. Опросник «Степень хронического утомления» [7]. 2. Опросник для оценки склонности к типу А поведения [7]. 	Нормативная оценка хронических состояний и поведенческих паттернов респондентов.

и работа носят активный характер, в отличие от покоя, досуга, отдыха и восстановления сил, воспринимаемых ими в качестве пассивных, медленных. Таким образом, для этой подгруппы характерно позитивное отношение к явлениям, связанным с отдыхом, в противовес негативному отношению к труду и сопутствующим ему понятиям.

В данной подгруппе у респондентов в среднем ценностный приоритет отдается сфере отдыха, которая воспринимается как приятная, притягательная. Предпочтение отдается спокойным видам отдыха: обследованные отводят зна-

чительное количество времени для сна, досуговой и рекреационной деятельности. Возможно, в силу более зрелого (по сравнению с другими подгруппами) возраста эти люди знают о неограниченности своих возможностей и поэтому стараются предотвратить наступление негативных состояний, не загоняя себя понапрасну. Такая установка позволяет им поддерживать оптимальный баланс между работой и личной жизнью. Отношение к отдыху в группе можно охарактеризовать как утилитарное: не придавая этой сфере жизни чрезмерного значения, респонденты признают его необ-

Рис. 1. Пересекающиеся семантические пространства подгрупп 1 и 4 — схожесть паттернов оценки понятий из сферы труда и отдыха

ходимость для комфортной жизнедеятельности.

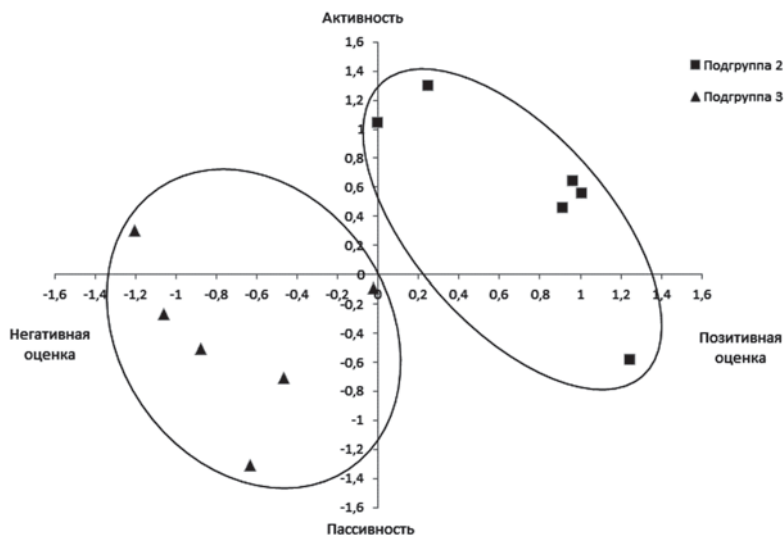
Подгруппа 4 ($n = 38$, средний возраст — 27 лет) отличается тем, что понятиям «отдых», «досуг», «восстановление сил» и «покой» респонденты придают позитивный смысл, а понятия «труд» и «работа» имеют для них отрицательное значение. По фактору «Активность» положительные значения получили труд, работа, досуг и отдых, а покой и восстановление сил — пассивные. В среднем так считают наиболее молодые участники исследования, с наименьшим стажем работы.

От досуга и отдыха данная группа получает большое удовольствие, уделяя им значительное время. Досуг и рекреационная деятельность выступают для респондентов данной подгруппы в большей степени как автономная ценность, а не просто предпосылка для плодотвор-

ной жизнедеятельности. Израсходованные ресурсы успевают полноценно восстановиться за отводимое время, и главный приоритет отдается разнообразному досугу и интересному времяпрепровождению, а не только восполнению истощенных сил.

На примере этих подгрупп можно увидеть, что даже при относительном сходстве семантических полей возможно существование разнонаправленных смысловых акцентов («отдых как рекреация» у подгруппы 1 и «отдых как время досуговой активности» у подгруппы 4). Поэтому так важно дополнительно сопоставлять данные семантического анализа с результатами других опросных методов. На примере следующих двух подгрупп (рис. 2) будут продемонстрированы другие возможные установки по отношению к труду и отдыху.

Рис. 2. Непересекающиеся семантические пространства подгрупп 2 и 3 — разнонаправленность паттернов оценки понятий из сферы труда и отдыха

Для подгруппы 2 ($n = 34$, средний возраст — 32 года) характерно позитивное отношение и к сфере рекреации, и к сфере труда (рис. 2). Понятие «работа» получило выраженную положительную оценку, оценка понятия «труд» может быть названа нейтральной (но не резко отрицательной, как в других группах). В этом состоит ключевое отличие данной подгруппы респондентов. Кроме того, все понятия (кроме понятия «покой») расположены в «активном» секторе семантического пространства.

Материалы анкетирования и опросов позволяют охарактеризовать рассматриваемую подгруппу респондентов как чрезвычайно динамичную, целеустремленную. Их жизнь насыщена интересными событиями и делами. Можно сказать, что эти люди не привыкли сидеть на месте: к чему-то постоянно стремятся, боятся упустить что-то важное; для них не-

обходимо, чтобы все сферы жизни приносили им удовольствие и удовлетворение. Они достаточно амбициозны и не жалеют для достижения своих целей ни сил, ни времени. Стиль жизни и организации времени указывает на наличие у них определенной склонности к переработкам, однако они любят свою работу искренне и посвящают ей действительно много времени не потому, что не могут эффективно организовать рабочий график, а в связи с тем, что им интересно ставить и решать все новые и новые задачи. Нехватка времени, которую внутренне ощущают эти респонденты, вызвана насыщенностью их жизни, желанием все успеть, высокой социальной активностью. Положительные эмоции и позитивные ассоциации вызывает у них как работа, так и отдых.

В подгруппу 3 ($n = 29$, средний возраст — 32 года) были объединены ре-

Таблица 3

Индикаторы актуального состояния респондентов*

Показатели	Подгруппа 1	Подгруппа 2	Подгруппа 3	Подгруппа 4
	Среднее (σ)	Среднее (σ)	Среднее (σ)	Среднее (σ)
Общий индекс осмысленности жизни	109,36 (13,5)	111,06 (12,9)	103,07 (13,9)	105,92 (13,6)
Хроническое утомление	17,95 (12,7)	15,71 (10,5)	20,79 (11,8)	18,08 (12,5)

* В таблице представлены балльные значения показателей.

спонденты, для которых характерно негативное отношение к обеим важным сферам их жизни: как трудовой, так и рекреационной (рис. 2). Уникальность семантического поля значений для данных респондентов состоит в его резком смещении в область негативных оценок. Также все оцениваемые понятия (кроме работы) располагаются в пассивном секторе семантического пространства. Отдых оценен данными респондентами чуть менее негативно (усредненная оценка по данному фактору близка к нулю), но все равно отрицательно.

Для данной подгруппы характерно наличие следующих тенденций: недостаточно внимательное отношение к своему текущему состоянию, выделение слишком малых временных и организационных ресурсов для полноценного восстановления. Можно было бы предположить, что респонденты стремятся много работать ради достижения карьерного роста и весомых профессиональных успехов, и поэтому так сильно устают. Но у них в наименьшей степени по сравнению с другими участниками исследования выражена социально-психологическая установка на трудовую активность и увеличение материального благосостояния. При этом более значимым для представителей подгруппы является процесс, а не результат деятель-

ности. Работа кажется им тяжелой, а отдых не приносит удовлетворения.

Обобщая полученные данные, следует подчеркнуть, что выявленные в исследовании столь разнообразные установки по отношению к труду и отдыху сами по себе весьма интересны. Вариативными являются как оценка модальности сфер труда и отдыха (негативная — позитивная оценка), так и оценка степени активности, приписываемая этим явлениям. Весьма неожиданным результатом стало отмеченное у некоторых подгрупп негативное отношение к рекреационной сфере. Важно, что в феноменологическом описании специфики различных паттернов отношения к сферам труда и отдыха содержится большой потенциал для выявления скрытых оценочных установок, а также прогнозирования групп риска — на основе сопоставления отношения людей к работе и отдыху и выстроенного на этой основе отношения реального рабочего и рекреационного поведения.

Одним из существенных моментов, который послужил поводом начать обсуждение вопроса эффективности выбранных стратегий построения циклов «работа — отдых», стало обнаружение статистической тенденции (на уровне $p < 0,1$), обозначающей различия между четырьмя подгруппами по показате-

Таблица 4

Особенности организации времени отдыха респондентами

Особенности организации времени отдыха	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4
	Среднее (σ)	Среднее (σ)	Среднее (σ)	Среднее (σ)
Количество времени в пределах суток, отводимого на сон (в часах)	7,1 (1,1)	6,98 (1,01)	7,03 (0,84)	6,7 (1,15)
Количество времени в пределах суток, отводимого на отдых (в часах)	2,5 (1,74)	2,2 (1,39)	2,4 (1)	2,67 (1,42)

лю осмысленности жизни как индикатору удовлетворенности жизнью и возможности управлять жизненными событиями [9]. Для выявления отличий был проведен однофакторный дисперсионный анализ ANOVA (табл. 3). Также хотелось бы отметить несовпадение по другому важному показателю, отражающему степень накопления утомления. Хотя различия оказались статистически не значимыми, при сопоставлении средних значений можно заметить, что наиболее благополучная картина характерна для подгруппы 2, а наименее благополучная — для подгруппы 3.

По нашему предположению, обнаруженные смысловые установки по отношению к сферам труда и отдыха и специфический эффект, проявляющийся в удовлетворенности своей жизнью и отсутствии/наличии негативных последствий недостаточно эффективной организации отдыха, определенным образом связаны. Было бы логичным предположить, что в качестве опосредующего механизма для данной связи выступает конкретный способ организации человеком циклов «работа — рекреация». Иными словами, можно было бы ожидать, например, что респонденты подгруппы 3 отводят для отдыха и восстановления сил наименьшее количество времени

(учитывая критичность их состояния), а представители подгруппы 2 — наибольшее (с учетом их удовлетворенности жизнью). Однако связь оказалась не столь очевидной и прямой (табл. 4).

Вопреки ожиданиям, подгруппой, которая затрачивает на свой отдых и сон наименьшее количество времени, оказалась подгруппа 2. При этом ее представители чаще других задерживаются на работе после окончания трудового дня и устраивают перерыв, только когда уже валяются с ног от усталости. Подгруппа 3 заняла промежуточное положение по количеству часов сна и отдыха. По сравнению с другими она вторая в рейтинге по количеству часов сна и третья — по количеству часов отдыха. Также реже других респонденты данной подгруппы отмечают повышение эффективности своей работы после перерывов (согласно ответам на вопросы анкеты). Представители подгруппы 1 склонны к размеренной деятельности в неторопливом темпе, причем это относится как к работе, так и к отдыху. Кроме того, этим обследованным свойственно реже других задерживаться на работе по окончании рабочего дня и систематически перерабатывать. Респонденты подгруппы 4 отводят на свой отдых наибольшее

количество времени по сравнению с другими, ущемляя себя при этом в количестве сна.

Таким образом, данные показывают, что объективное количество времени, отводимое на сон и отдых, не является единственным и очевидным фактором эффективности рекреационных процессов. Это подтверждает предположение о том, что выявление предпосылок успешного отдыха целесообразно начинать с анализа ценностно-смыслового отношения к труду и отдыху.

Выводы

В целом по результатам исследования можно сделать следующие основные обобщения.

1. Полученные в исследовании данные позволяют задать новый ракурс анализа понятия «проактивность» как базовой установки на опережающую организацию отдыха, смысл которой — профилактика чрезмерного утомления и своевременное восстановление ресурсов.

2. Очевидно, что нехватка времени для отдыха влечет за собой негативные последствия в виде накопления признаков хронического утомления и ухудшения состояния здоровья. В то же время для эффективного отдыха необходимо, но далеко недостаточно, просто выделить много времени для рекреации и восстановления.

3. Данные показали, что важным фактором эффективного отдыха является переживание рекреационных процессов как позитивных, имеющих смысл и значение; негативная оценка отдыха приводит к снижению его восстановительного эффекта и росту неудовлетворенности своей жизнью в целом.

4. В качестве направления дальнейших исследований можно обозначить необходимость более глубокой и тонкой дифференциации конкретных связей и механизмов опосредования между ценностно-смысловым отношением и актуальным срезом текущего функционального состояния как некоего результирующего фактора целенаправленных усилий по организации трудящимся человеком своего отдыха.

Литература

1. Абабков В.А., Перре М. Адаптация к стрессу. Основы теории, диагностики, терапии. СПб. : Речь, 2004. 166 с.
2. Ананьев В.А. Основы психологии здоровья. Кн. 1 : Концептуальные основы психологии здоровья. СПб. : Речь, 2006. 384 с.
3. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М. : Наука; Смысл, 1999. 350 с.
4. Габдреева Г.Ш. Методы регуляции психического состояния // Психология состояний : хрестоматия / под ред. А.О. Прохорова. М. ; СПб. : ПЕР СЭ; Речь, 2004. С. 516–530.
5. Заракровский Г.М. Качество жизни населения России. Психологические составляющие. М. : Смысл, 2009. 319 с.
6. Кузнецова А.С., Лузянина М.С. Психологические проблемы планирования и организации отдыха: проактивный и реактивный подход // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2014. № 2. С. 16–30.
7. Леонова А.Б. Психодиагностика функциональных состояний человека. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
8. Леонова А.Б., Кузнецова А.С. Психологические технологии управления состоянием человека. М. : Смысл, 2009. 311 с.
9. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М. : Смысл, 2000. 18 с.
10. Лузянина М.С. Отдых в системе ценностей трудящегося человека // Вестник МГОУ. Сер. Психологические науки. 2009. № 2. С. 125–134.
11. Мильман В.Э. Метод изучения мотивационной сферы личности // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 23–43.
12. Моница Г.Б., Раннала Н.В. Тренинг «Ресурсы стрессоустойчивости». СПб. : Речь, 2009. 250 с.
13. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара : Изд. дом «Бахрах-М», 2003. 672 с.

14. Савченко Т.Н. Методология исследования субъективного качества жизни // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 23–35.

15. Серкин В.П. Методы психосемантики. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с.

16. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара : Изд. дом Бахрах-М, 2001. 128 с.

17. Hobfoll S.E. Conservation of resource caravans and engaged settings // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2011. № 84. P. 116–122.

18. Hoff E.-H. Psychology of leisure // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. Oxford : Pergamon, 2001. Vol. 13. P. 8714–8717.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ТОЛПЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

П. М. Касьяник

Аннотация: в статье обсуждаются изменения в понимании психологии поведения толпы в чрезвычайных ситуациях (ЧС) на примере зарубежных исследований — от «массовой паники» до использования современных социально-психологических теорий. Эмпирическая проблема «панического» подхода состоит в том, что он далек от типичной реакции на бедствие. Систематические исследования современных крупнейших катастроф свидетельствуют: паника — достаточно редкое явление, а люди хорошо справляются во время ЧС со своими обязанностями, если силы спасателей направлены не на преодоление паники, а на организацию помощи. Обобщение эмпирических данных показывает, что массовое поведение при ЧС не является случайным, инстинктивным и индивидуалистичным. Чаще всего оно социально структурировано, характеризуется осознанностью и коллективизмом.

Теории коллективного поведения определяют не только аварийные процедуры, но и планировочные решения. От того, как специалисты понимают и объясняют поведение людей в ЧС, за-

висит и безопасная эвакуация, и экономическая эффективность планировочных решений при строительстве зданий. Физические факторы (например, ширина запасных выходов) часто переоцениваются, и недооценивается значимость коммуникации и информирования («иррациональной толпы»). Для объяснения поведения людей в экстремальных ситуациях применяют три основные модели: теорию нормативного поведения; модель социальной привязанности; теорию социальной идентичности. Преимущество теории социальной идентичности состоит в том, что она помогает понять отношения, складывающиеся в толпе во время происшествия, а не только на основе существовавших до этого связей, понять коллективное поведение незнакомых до этого людей.

В статье приведены данные, позволяющие отказаться от мифологизации массовой паники и перейти к рациональному объяснению осознанного поведения больших групп людей в чрезвычайных ситуациях. Это дает возможность определить специальные требования к представителям власти, работникам

аварийных служб и спасателям, связанные с их лидерскими и организаторскими навыками, необходимыми для точного и полного инструктирования людей, вызывающего доверие и желание выполнять требования безопасности.

Ключевые слова: *чрезвычайные ситуации, психология поведения толпы, социальная идентичность, взаимопомощь, самопожертвование, стресс, паника, принятие решения, социальная идентичность.*

Рост актуальности психологии экстремально-кризисных ситуаций не случаен. Для этого существует ряд факторов, как специфических только для нашей страны, так и общечеловеческих. К последним можно отнести увеличение числа природных и антропогенных катастроф, горячих точек, преступлений против личности, многообразие видов насилия и жестокости. Обращает на себя внимание множество точек зрения специалистов в области экстремальной и кризисной психологии, ее теоретико-методологических и прикладных аспектов, а также наличие стереотипов, мифов и предрассудков, затрудняющих эффективное преодоление катастрофических и просто кризисных ситуаций.

Чрезвычайные ситуации определяются как события с обязательным присутствием трех факторов: 1) они вовлекают массу людей; 2) включают фактическую или воспринимаемую угрозу смерти; 3) в них все еще есть субъективная возможность спасения, хотя и ограниченная по времени [15]. Сюда относятся пожары в переполненных зданиях, транспортные катастрофы, террористические атаки (как фактические взрывы, так и их угрозы), стихийные бедствия.

Человеческие факторы безопасности включают в себя не только эффективность и уместность чрезвычайных мер специального персонала, но и поведение толпы (например, при эвакуации), которую часто обвиняют в панике, дезорганизованности, излишней эмоциональности, иррациональном и неэффективном поведении. Другие человеческие факторы, которые могут играть роль в такой ситуации, включают в себя принятие решений, интерпретацию событий, лидерство и социальное влияние в ЧС, а также меры по реабилитации и уходу за жертвами подобных событий.

Поведение в катастрофической ситуации зависит от процессов принятия решения конкретным человеком, содержащего три основных компонента: обнаружение опасности, оценку риска и снижение риска [2, 14].

Обнаружение опасности включает в себя признание того, что угроза существует. Если человек не видит риска, тогда корректирующие или защитные действия невозможны. Исследования указывают на то, что доверие к источникам информации и очевидные природные изменения являются важными факторами идентификации риска. Кроме того, недооценка риска может быть вызвана уверенностью в том, что другие люди должны тоже чувствовать опасность. Это приводит человека к иллюзии: если другие не так напуганы, то и опасность может быть меньше, чем показалось вначале [4, 12].

Оценка риска включает в себя измерение вероятности наступления и тяжести последствий. Три фактора напрямую определяют способность оценить величину риска: доверие к власти, самоэкстренное сообщение с информацией

о возможных рисках и прошлый опыт в похожих обстоятельствах. Последний фактор может препятствовать принятию адекватных решений, если предыдущий опыт был связан с похожей, но меньшей по масштабам угрозой.

Выбор действий по снижению риска определяет уверенность, что это снижение возможно и что действия доступны при данных обстоятельствах (например, уверенность в эффективности технических средств спасения и посильности действий с ними). При выборе действий по снижению риска люди чаще всего руководствуются предыдущим опытом и тренировками, здравым смыслом и действиями других участников событий, особенно близких людей [14].

При понимании поведения толпы в бедствиях и при аварийных эвакуациях чаще всего используются два принципиальных направления: теории «паники» и социально-нормативные подходы.

Понятие массовой паники, введенное Le Bon еще в XIX веке, предполагает следующее: так как толпа менее умна и более эмоциональна, чем люди, действующие в одиночку, то реакция толпы на чрезвычайную ситуацию будет непропорциональна фактической опасности [7, 15]. В этой ситуации инстинкты подавляют социализированные навыки, а коллективные связи или социальные нормы ломаются, поскольку личное выживание становится наиболее важной целью [2, 6, 7, 12]. В результате проявляется эгоистичное и агрессивное паническое поведение, такое как подталкивание и растапывание других, чтобы достигнуть собственной безопасности [3, 15]. Эти действия также могут быстро распространяться через всю толпу в процессе, известном

как «инфекция», ибо люди некритически копируют антиобщественное поведение других, не рассматривая возможные последствия.

Основная проблема с паническим мифом заключается в том, что он заставляет руководителей операций при чрезвычайных ситуациях направлять свои усилия на преодоление паники. Однако исследования показывают, что люди хорошо справляются во время бедствий и чрезвычайных сценариев со своими обязанностями, если силы спасателей направлены на организацию помощи, а не на преодоление паники [4, 15].

Многочисленные исследования подтверждают, что паника встречается достаточно редко, тем не менее она возможна. Исследователи определили ключевые экологические и ситуационные обстоятельства, которые могут вызывать и усиливать панические настроения: 1) восприятие неожиданной и непосредственной большой угрозы самому человеку и/или его близким; 2) убеждение в том, что избежать угрозы невозможно, но пути отступления быстро закрываются; 3) чувство беспомощности в преодолении угрозы, особенно когда другие воспринимаются как неспособные оказать содействие [7, 8].

Современные исследователи отмечают, что главная эмпирическая проблема для «панического» подхода состоит в том, что он далек от типичной реакции на бедствие. Паника — редкое явление [7]. Систематические исследования множества различных чрезвычайных ситуаций и бедствий подчеркнули частое отсутствие паники толпы — например, при пожарах в Лондонском метрополитене в 1987 г. и в развлекательном комплексе Саммерлен-

да в 1973 г. Анализ поведения эвакуируемых из Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г. показал, что «классические панические действия или люди, ведущие себя иррационально, были отмечены лишь в одном из 124 случаев (0,8 %)» [8].

Фактическое поведение в ходе массовых эвакуаций имеет тенденцию находиться в противоречии с предсказаниями панической модели: 1) антиобщественные или эгоистичные действия редки и не имеют попыток распространяться на других; 2) эвакуации часто проходят организованно, даже несмотря на явную угрозу смерти; 3) распространены помощь другим и сотрудничество (а не индивидуализированное, конкурентное и эгоистичное поведение).

От того, как ответственные за планирование действий при ЧС понимают и объясняют реакции людей в таких ситуациях, зависят безопасная и эффективная эвакуация и управление рисками. Теории коллективного поведения, которыми руководствуются специалисты, определяют не только процедуры, но и планировочные решения. Например, предположение о том, что люди в толпе будут обязательно паниковать, то есть вести себя агрессивно и неосмотрительно и просто бросаться в бегство к самому близкому выходу, проявляется в проектировании общественных мест и планировании процедур эвакуации. Таким образом, переоцениваются физические факторы (например, ширина запасных выходов) и недооценивается значимость коммуникации и информирования «иррациональной толпы» [14].

Кроме того, отказ в необходимой информации (потому что толпа воспринимается излишне эмоциональной и не-

способной действовать рационально) означает, что те, кто пережил чрезвычайные ситуации, а следовательно, и более широкая общественность, могут чувствовать недоверие к властям. В свою очередь, это может привести к тому, что действительная информация будет игнорироваться или не восприниматься общественностью в подобных ситуациях в будущем [8].

Для более обоснованных рекомендаций предпринимается критический анализ существующих теорий и их экспериментальные проверки, включая лабораторные эксперименты и специальное интервьюирование участников событий, виртуальное моделирование и наблюдение непосредственно во время экстремальных происшествий.

Современные исследования поведения при эвакуации при ЧС могут быть разделены на три области: 1) принятие решения и время эвакуации; 2) клинические проблемы; 3) поведение толпы.

Существует несколько проблем, касающихся принятия решения о запасном выходе. На скорость его принятия влияют серьезность угрозы и экстренность ситуации, которые в большей степени определяются способом информирования. Люди чаще используют для эвакуации привычные пути, а не специальные выходы. Несмотря на распространенное мнение о панической реакции толпы во время пожара в здании, исследования показывают, что люди часто не воспринимают тревожные сигналы и действуют недостаточно быстро. Даже когда они слышат сигналы пожарной тревоги, то иногда полагают, что оборудование проверяется или это технический сбой, просто тренировка. Например, один из обзоров транспортных про-

исшествий привел к заключению о том, что одним из основных факторов, определяющих, выживает ли пассажир, является точность восприятия им источников и уровня угрозы [11].

Одна из потенциальных клинических проблем, связанных с чрезвычайными ситуациями, заключается в реакции «замораживания», которое опасно, поскольку это может стать препятствием немедленному бегству из зоны бедствия. Другое клиническое явление, которое аналогично может отсрочить необходимую эвакуацию, — механизмы копирования [1, 3, 15, 16], позволяющие человеку продолжать привычно действовать перед лицом угрозы жизни или вести себя более спокойно, чем следует. В таких случаях люди при нависшей угрозе и приказах немедленно оставить офисное здание напрасно тратят время, неуместно приводя в порядок свои столы, тщательно выключая компьютеры и так далее [11].

Для объяснения поведения людей в экстремальных ситуациях применяют три основные модели: теорию нормативного поведения [10], модель социальной привязанности [11], теорию социальной идентичности [12, 16].

Нормативный подход стал доминирующим в исследовании бедствий начиная с 1980-х годов. Он подчеркивает, что поведение в чрезвычайных ситуациях структурировано по тем же самым социальным правилам и ролям, которые работают в повседневной жизни. Так, исследуя крупные пожары в США, Johnson, Feinberg & Johnson отметили: когда люди пытаются эвакуироваться, они имеют тенденцию помогать самым нуждающимся (таким как пожилые люди), а мужчины помогают женщинам

больше, чем женщины мужчинам. Это говорит о том, что традиционные гендерные и социальные роли продолжают действовать и при трагических обстоятельствах [9].

Модель социальной привязанности (присоединения) опирается на многочисленные доказательства того, что если в катастрофу попадают близкие (или знакомые) люди, то они больше заботятся о других и спасаются или погибают вместе. Вместо того, чтобы думать только о себе, люди не желают бросать близких в беде. Многочисленные наблюдения привели к развитию модели поведения социальной привязанности (присоединения) при эвакуации, ключевые идеи которой состоят в следующем: 1) при угрозе жизни люди больше мотивированы искать близких, а не просто спастись; 2) присутствие знакомых (близких) людей имеет успокаивающий эффект, работающий против инстинктивных реакций на опасность — «драться или бежать» [11].

У этих двух подходов есть общее предположение о том, что эвакуируемые толпы сохраняют свои связи и поэтому их поведение, как правило, структурировано в социальном отношении, а не является безудержным. Эти модели имеют больше эмпирических подтверждений, чем «панические» модели, они более широко применяются в социологических исследованиях катастроф, а не в психологии, поскольку не учитывают недавних достижений в социальной психологии поведения групп.

В социальной психологии поведения толпы при катастрофах все чаще используется подход социальной идентичности, предложенный в социальной психологии Тэджфелом и Тернером [16]. Он

помогает понять отношения, складывающиеся в толпе во время происшествия, а не только на основе существовавших до этого социальных и иных связей.

Основная предпосылка теории социальной идентичности и самокатегоризации состоит в том, что общая социальная идентичность определяет социальное поведение, а преимущество этого подхода — предоставление возможности понять коллективное поведение в ситуациях, где люди не знают всех членов своей группы [8, 10, 16].

Подход социальной идентичности предлагает ряд новых гипотез о массовой чрезвычайной ситуации и поведении при эвакуации. Во время ЧС, когда люди идентифицируют себя как часть «психологической толпы» (по сравнению со случайным сборищем), им более свойственны: 1) беспокойство за других в толпе (включая незнакомцев); 2) координация и помощь, включая самопожертвование; 3) ожидание поддержки. К тому же при таких обстоятельствах будет меньше проявляться личное эгоистичное или конкурентное поведение.

Современные исследования позволили выявить факторы и условия, при которых в толпе люди сотрудничают с недавними незнакомцами во время ЧС, даже когда сталкиваются с чрезвычайной личной опасностью. В исследованиях использовалось экспериментальное моделирование экстренных эвакуаций, интервьюирование участников различных ЧС, архивные данные, специальные опросники для уцелевших участников событий, виртуальное компьютерное моделирование ЧС. Изучались следующие чрезвычайные события в США и

Великобритании: затопление судов, бедствия на футбольных стадионах, офисные эвакуации при террористической угрозе, взрывы и пожары в крупных торговых центрах и гостиницах, крушения поездов. В каждом случае люди были в толпе, сталкиваясь с нависшей угрозой и с ограниченными возможностями для безопасного спасения.

Эти исследования поддерживают представление о том, что массовая паника — миф и поведение толпы в бедствиях и чрезвычайных ситуациях может быть осмысленным, а не иррациональным, такое поведение характеризуется сотрудничеством, а не беспорядочным индивидуализмом [8].

В экспериментах было показано, что чем выше уровень общей социальной идентичности у незнакомых людей, тем больше помощи оказывалось в условиях стресса. Сравнительные интервью выявили случаев массовой паники. Наиболее частой формой поведения были взаимопомощь, кооперация, упорядоченные действия. Возникавшее паническое поведение было связано с отдельными участниками, не распространялось на других и чаще всего купировалось окружающими. Основой общей идентичности в толпе становилось ощущение общей судьбы в условиях возникшей опасности, несмотря на то что многие не знали друг друга до этого.

В общем, исследования показали, что массовое поведение при катастрофах и ЧС не является случайным, инстинктивным и индивидуалистичным. Более того, оно социально структурировано, характеризуется осознанностью и коллективизмом. Универсальность этих процессов подтверждается тем, что подобное поведение наблюдалось

при разных сценариях бедствий и катастроф при различных составах участников этих событий. Это позволило авторам сформулировать рекомендации для практической работы. Поскольку массовое поведение при ЧС является осознанным, требуется более полное и точное информирование участников событий о характеристиках угрозы и сопутствующих рисках. Отмечено, что к большим потерям приводили не чрезмерные панические реакции, а наоборот — недостаточное информирование о том, что опасность должна была принята всерьез. Определены специальные требования к представителям власти и работникам аварийных служб, спасателям, связанные с их лидерскими и организаторскими навыками, необходимыми для точного и полного инструктирования людей, вызывающего доверие и желание выполнять требования безопасности.

Требования к лидерским качества, проявляемым в ЧС, вызваны также тем, что в этих условиях формируются новые нормативные структуры и социальные связи между ранее незнакомыми людьми. Лидерами при бедствиях и катастрофах часто становятся те, кто может предложить новые решения проблем, с которыми сталкивается группа, и кто вызывает доверие группы. Люди, готовящиеся выполнять лидерские функции при ЧС, должны быть хорошо тренированы, владеть стратегиями и тактиками поведения при различных сценариях развития событий, а также знать психологию экстремальных состояний и поведения групп людей при грозящей опасности.

Таким образом, современный уровень зарубежных исследований психо-

логии поведения в экстремальных ситуациях свидетельствует о смене парадигмы панического поведения толпы на более осознанные формы взаимодействия между участниками и группами в сложных условиях бедствий и катастроф, что предъявляет новые требования к профессиональным работникам в этой сфере.

Литература

1. *Александрова Н.П., Богданов Е.Н.* Эмоциональная саморегуляция и личностные факторы стрессоустойчивости // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 22–30.
2. *Комлев В.А.* Прогнозирование поведенческих феноменов. Базовые подходы // Прикладная юридическая психология. 2011. № 4. С. 15–22.
3. *Лапкин М.М., Казберов П.Н., Датий А.В.* Медико-психологическое сопровождение граждан в районах пожаров // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 158–163.
4. *Секач М.Ф.* Комплексный подход к обеспечению психологической безопасности в экстремальных ситуациях // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 112–117.
5. *Сочивко Д.В.* Психодинамика гештальта открытой и скрытой агрессии в структуре личностного роста // Прикладная юридическая психология. 2013. № 3. С. 35–41.
6. *Aguirre B.* Emergency evacuations, panic and social psychology: Commentary on «Understanding mass panic and other collective responses to threat and disaster» // *Psychiatry: Interpersonal and Biological Processes*. 2005. Vol. 68 (2). P. 121–129.
7. *Drabek T.E.* The Human Side of Disaster. CRC Press. 2nd ed. 2013.
8. *Drury J., Cocking C. & Reicher S.* Everyone for themselves? A comparative study of crowd solidarity among emergency survivors // *British Journal of Social Psychology*. 2009, Sept. Vol. 48 (3). P. 487–506.
9. *Johnson N.R., Feinberg W.E. & Johnson D.M.* Microstructure and panic: The impact of social bonds on individual action in collective flight from the Beverly Hills Supper Club Fire // In R. R. Dynes & K. J. Tierney (Eds.), *Disasters, collective behaviour and social organization*. Newark : University of Delaware Press, 1994. P. 168–189.
10. *Levine M., Prosser A., Evans D. & Reicher S.* Identity and emergency intervention. How social group membership and inclusiveness of group boundaries shape helping behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. V. 31. P. 443–453.

11. *Mawson A.R.* Understanding mass panic and other collective responses to threat and disaster // *Psychiatry*. 2005. V. 68(2) . P. 95–113.

12. *Myers D.* *Social psychology* (9th ed.). New York. NY : McGraw-Hill, 2008.

13. *Okaya M. and T. Takahash.* Effect of guidance information and human relations among agents on crowd evacuation behavior // In U. K. U. Weidmann and M. Schreckenberg, editors, *Pedestrian and Evacuation Dynamics*. 2012. Springer. P. 336–343.

14. *Perry, R. & Lindell, M.* Understanding citizen response to disasters // *Journal of Contingencies and Crisis Management*. –2003a. —V.11(2). —P. 49–60.

15. *Quarantelli, E.L.* Statistical and conceptual problems in the study of disasters // *Disaster Prevention and Management*. 2001. V.10. P. 325–338.

16. *Turner J.C.* Towards a cognitive redefinition of the social group // In H. Tajfel (Ed.), *Social identity and intergroup relations*. Cambridge, UK : Cambridge University Press. 1982. P. 15–40.

САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОБЩЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОВЕДЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Н. И. Махиборода

Аннотация: *самосовершенствование общения в процессе религиозно-воспитательных мероприятий должно подчиняться законам и правилам, по которым следует жить. Эти правила существуют для всех людей. Только с ними можно обрести гармонию. Одно из важнейших правил — мыслить положительно. Необходимо освободиться от всех негативных чувств. Именно так можно обрести свободу. Один из главных принципов счастливой жизни — давать, а не брать. Важен вопрос о свободе выбора. Каждый решает сам — начать духовное развитие или нет. Ключевое слово нашего времени — практика. Путем правильного решения проблем осуществляется духовный рост человека. У каждого есть внутренние силы для решения проблем. Следует сосредоточиться на положительных мыслях и отказаться от отрицательных. Молитва — концентрация положительных мыслей. Пути к духовному развитию различны, так же как и способы обретения внутреннего мира. Суть успешного человеческого общения — любовь к людям, добро, осознание важности каждого человека.*

Ключевые слова: *самосовершенствование, общение, добро, зло, освобождение, гармония, духовное развитие, внутренние силы, положительные мысли, внутренний мир.*

Есть некоторые хорошо известные, плохо понятые и редко практикуемые законы, по которым мы должны жить,

если хотим обрести мир внутри и извне. Одним из них является закон, согласно которому зло можно преодолеть только добром. Согласно другому положению только добрые средства ведут к доброй цели, а также тот, кто творит без любви, наносит себе духовный ущерб. Эти законы действуют для всех людей, и им необходимо подчиняться перед тем, как будет достигнута гармония.

Если Вы копите малейшую злость на кого-то и у Вас возникают недобрые мысли любого вида, Вы должны поскорее освободиться от них. Недостаточно правильно поступать и говорить правильные слова — Вы должны также мыслить правильно, прежде чем жизнь обретет свою гармонию.

Вы должны научиться прощать себе так же легко, как прощаете другим. И тогда сделайте следующий шаг: прилагая всю энергию, начните самосовершенствование. После этого Вы действительно продвинетесь: единственный человек, которого Вы можете изменить, это Вы сами.

Если однажды Вы отказались от чего-то и обрели внутренний покой, это произошло потому, что отказ добровольен.

Работа по подчинению низшего «Я» высшему состоит в воздержании от дурного, на которое Вас толкают обстоятельства: не в подавлении себя, а в трансформации, так чтобы Вы почувствовали, что Вашей жизнью владеет высшее «Я». Если Вам приходится делать или говорить что-то плохое,

Вы всегда можете подумать о хорошем, постарайтесь намеренно повернуть ситуацию и употребить ту же самую энергию на добрые дела и слова. Эта схема безошибочна!

Второй вид освобождения — это освобождение от чувства обособленности. Мы начинаем чувствовать себя очень обособленно и судим обо всем так, как будто мы — центр Вселенной. Даже когда умозрительно мы понимаем, что такая позиция ошибочна, все равно продолжаем судить так же. В действительности, конечно, мы только клеточки в организме человечества. Мы не обособлены от наших братьев. Целое есть все. Только с высшей точки зрения можно понять, что значит любить ближнего, как самого себя. С этой высшей точки зрения становится ясно, что есть один реальный путь — это путь служения во имя блага всех. Когда Вы работаете только на свое маленькое «Я», Вы остаетесь одной клеткой против всех других клеток, и тогда у Вас нет гармонии. Но как только Вы начинаете работать на благо целого, Вы обнаруживаете гармонию со всеми людьми. Вы видите, что это легкий гармоничный образ жизни.

Нет человека, которым бы Вы владели, несмотря на близость взаимоотношений с ним. Если нам кажется, что мы владеем людьми, то у нас появляется тенденция управления их жизнью, а из этого развиваются чрезвычайно негармоничные ситуации. Тогда, когда мы осознаем, что не можем обладать ими, что они должны жить в соответствии с собственными мотивами, тогда мы прекращаем управлять их жизнью и обнаруживаем, что способны жить в гармонии с ними. Все, что Вы жаждете захватить, делает Вас пленником захвачен-

ного. Если Вы стремитесь к свободе, то должны давать свободу. Освободитесь от всех негативных чувств.

Кто-то может совершить по отношению к Вам что-то очень дурное. Испытайте глубокое сочувствие к этому человеку, лишенному гармонии, больному человеку, готовому причинить зло.

Жизнь продолжается, однако ее развитие всегда идет в гармонии с Вашей индивидуальностью.

Если Ваша жизнь в гармонии с ролью, которую Вы должны играть в Дrame Жизни, и если Вы послушно следуете законам миропорядка, Ваша жизнь полна добра и не перенасыщена. Если есть перенасыщение, то значит, Вы делаете больше, чем следует, чем Вам предписано.

Теперь жизнь — давать, а не брать. И если вы будете жить, чтобы давать, тогда вам станет ясно, что Вы не можете получать и в то же время не давать, так же как и давать, ничего не получая, даже в тех случаях, когда речь идет о таких прекрасных вещах, как здоровье, счастье, душевный мир и спокойствие.

Великий философ Торо сказал: «Тот, кто идет не в ногу, возможно, следует другому барабанщику». И Вы теперь следуете за другим барабанщиком: Вы внеплете своей высшей, а не низшей природе.

Когда завершено Ваше духовное развитие, Вы понимаете, что все люди одинаково важны, имеют свои дела в этом мире и равный потенциал. Все мы живем на разных стадиях развития, потому что у каждого есть свобода воли. Вы свободны в выборе: закончить Вам умственное и эмоциональное развитие или нет. Многие решают этого не делать. Вы свободны в выборе: начать Вам ду-

ховное развитие или нет. Началом для этого служит момент, когда Вы совершенно готовы без всяких оговорок покинуть эгоцентричную жизнь.

«Достижение мира путем преодоления зла добром, лжи правдой и ненависти любовью» — Золотое Правило.

Законы, управляющие человеческим поведением, так же практичны, как и законы тяготения. Если мы не повинемся этим законам, тогда возникает хаос. Повинуясь этим законам, мы на земле можем вступить в период, наполненный миром и таким богатством жизни, о котором нам даже не приходилось и мечтать.

Ключевое слово нашего времени — практика. У нас достаточно внутренне-го света, нам нужно только применить его на практике, в этом мире Вы получаете столько же, сколько даете. Путем правильного решения проблем мы растем духовно. Жизнь обременяет нас по силам, которыми мы располагаем. Если перед Вами большая проблема, то это только потому, что у Вас есть внутренние силы для разрешения большой проблемы. Не следует пугаться, ибо трудности суть возможности для внутреннего роста, и чем труднее, тем больше у Вас возможностей для роста.

Христианское учение говорит нам: «Как думает человек в своем сердце, таков он и есть». Это ясно говорит о том, что мы создаем мир вокруг нас. Если мы заглянем глубже в этот мир, нам, может быть, станет ясно, что физические затруднения являются следствием духовных затруднений и что отрицательные мысли намного вреднее, чем болезнетворные микробы.

Если бы Вы могли себе представить, какой силой обладают Ваши мысли, Вы бы отказались от самоуничижитель-

ных и отрицательных мыслей. Так как мы творим с помощью мышления, нам необходимо сосредоточиваться на положительных мыслях. Если Вы думаете, что Вы не можете чего-то сделать, это значит, что Вы не готовы это сделать. Но если Вы думаете, что сможете, тогда Вы сами удивитесь этому. Важно, чтобы наши мысли всегда были направлены на самое лучшее, что только может случиться в определенной ситуации, все доброе в нашем представлении. Молитва — это концентрация положительных мыслей.

Причиной многих проблем служат неправильные установки. Люди смотрят на себя как на центр Вселенной и судят обо всем с этой точки зрения. Конечно, в таком случае Вы не можете быть счастливы. Вы можете быть счастливы, если будете смотреть на вещи в реальном свете: все люди равны перед Богом, и всем необходимо трудиться по божественному плану.

Всякое доброе дело, всякое доброе слово, всякая добрая мысль всегда живут, вибрируют и никогда не кончаются. Зло остается, пока оно не преодолено добром, а добро остается навсегда.

Каждый раз, когда Вы встречаете кого-то, подумайте о том, чтобы сказать ему что-нибудь одобрительное: доброе слово, полезный совет, выражение восхищения. Никогда не надо считать правое дело бесполезным. Всякое правое дело принесет хорошие плоды, видим ли мы результаты этого или нет.

Вместо диссонанса будьте приятной мелодией в огромной симфонии. Любовь — вот что нужно этому больному миру. Ненависть должна быть заменена любовью, страх — верой, что любовь восторжествует.

Зло нельзя преодолеть злом. Зло можно преодолеть только добром. Это содержание урока о том, как любить.

Надо видеть доброе в людях. Мы должны знать, что добро в них всегда есть, неважно, как глубоко оно скрыто.

Любите людей: обратите к ним доброжелательность и бескорыстие. Пока не идешь по дороге, не видишь никаких огней. Свет нельзя получить от других и нельзя его подарить. Сделайте любые шаги, которые кажутся вам самыми простыми, и как только Вы сделаете их, Вам легче будет сделать следующие шаги.

Знайте, что за всяким добрым делом, за всяким добрым словом, за всякой положительной мыслью следует хорошей результат.

Если Вы хотите учить людей, молодых или старых, Вам необходимо начать на том уровне, на каком они находятся, — на уровне их понимания. Если Вы видите, что они выше Вас в этом отношении, тогда пусть они учат Вас: так как пути к духовному развитию различны, большинство из нас может учить друг друга.

В жизни бывают успехи и неудачи. Пусть Ваши успехи ободряют Вас, пусть Ваши неудачи принесут Вам больше жизненных сил.

Вот путь к мирной жизни: преодолите зло добром, ложь правдой и ненависть любовью.

Когда вы находите в себе покой, тогда вы можете мирно жить с другими людьми. Внутренний мир нельзя найти на поверхности жизни или путем отклонения от жизненных отношений. Внутренний мир можно найти, глядя прямо жизни в глаза, решая ее проблемы, зондируя самые большие ее глубины, открывая ее разновидности и ее действительные черты. Внутренний мир обретается

путем повиновения уже хорошо знакомым законам человеческого поведения, как, например, закону, по которому средства формируют цель, ибо только добрые средства ведут к доброй цели. Внутренний мир обретается путем освобождения от своеволия, вредных привычек, негативных мыслей и чувств. Внутренний мир обретается путем труда на благо всех людей. Мы частицы тела всего человечества. Каждый обязан принимать участие в этом деле, и голос изнутри подскажет Вам, как это сделать, однако внутренний мир можно обрести только путем активного участия в делах, но не в эгоцентричных целях, а на благо всей человеческой семьи.

В каждом человеке есть искра добра, глубоко она скрыта или нет. Это и есть настоящие Вы.

Помните, что тот, кто творит недостойные дела, — психически больной человек, и мы должны сочувственно рассматривать его как физически больного. Не забывайте, что никто не причинит Вам такой боли, как Вы сами себе. Если кто-нибудь поступает с Вами дурно, тогда этот человек вредит себе.

Негативное общение идет в ущерб человеку, который употребляет его, в то время как позитивное общение идет ему на пользу. Когда Вы реагируете на зло злом, Вы этим оживляете и усиливаете зло, хотя раньше оно, возможно, было слабым и неорганизованным. Когда Вы положительно, а не отрицательно реагируете в определенной ситуации, тогда зло обычно теряет силу, а злой человек склонен преобразиться. Положительный подход воодушевляет, а отрицательный только раздражает [1].

Что является сутью успешного человеческого общения?

Любовь к людям, распознавание добра в них, знание того, что каждый человек важен. Все это поможет Вам научиться общаться с окружающими людьми.

Литература

1. Миролюбивая страница / пер. с англ. Г. Долинковского, И. Ренфро и Е. Жаркова. М., 1993.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА И ОСНОВАТЕЛЯ НАШЕГО ЖУРНАЛА СОЧИВКО ДМИТРИЯ ВЛАДИСЛАВОВИЧА!

В 1981 г. Дмитрий Владиславович окончил факультет психологии Ленинградского государственного университета, в 1984 г. — аспирантуру и получил степень кандидата психологических наук. Ученая степень доктора психологических наук присуждена ему в 2005 г.

Имеет 46 публикаций общим объемом 258,45 п. л.

Среди опубликованных работ монографии: «Основы психодинамики», «Цветопсиходинамика», «Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения», словарь по пенитенциарной психологии «Преступление и наказание от «А» до «Я»» (под общей редакцией Д. В. Сочивко).

Дмитрий Владиславович имеет хорошую теоретическую подготовку и большой практический опыт работы в сфере прикладной юридической психологии. С января 2008 г. является членом диссертационного совета Академии ФСИН России. Ведет активную научно-исследовательскую работу.

Является организатором семинара «Прикладная юридическая психология», проводимого Академией ФСИН России, редакцией журнала «Прикладная юридическая психология», Институтом психологии РАН, Высшей школой психологии.

В 2012 г. Д.В. Сочивко стал лауреатом конкурса «100 лучших вузов России» в номинации «Лаборатория года».

Коллектив редакции ценит невероятную активность, высокую креативность, тонкий юмор, разнообразный талант Дмитрия Владиславовича.

Высокий научный потенциал, широкая эрудиция позволили добиться ему больших успехов!

Две пятерки — отличный возраст! Новых успехов! Свершений! Реализации невероятных идей!

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ ПРОФЕССОРА КУПЦОВА ИВАНА ИВАНОВИЧА!

Кандидат психологических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии психологических наук, почетный профессор Уссурийского государственного педагогического института, почетный профессор Академии ФСИН России, почетный работник высшего профессионального образования России. Родился в 1934 г. в с. Одоевщина Сарайского района Рязанской области. В 1958 г. окончил Рязанский государственный педагогический институт. В 1966 г. в Московском государственном педагогическом университете Иван Иванович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Психологическая характеристика преодоления подростками недостатков собственного поведения» (специальность 19.00.07 — педагогическая психология).

С 1968 по 1973 год И. И. Купцов — ректор Уссурийского педагогического

института, с 1974 по 1977 год — начальник кафедры исправительно-трудовой педагогики и психологии Рязанской высшей школы МВД СССР, с 1988 по 2000 год — заведующий кафедрой психологии Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. В настоящее время является профессором кафедры общей психологии Академии ФСИН России.

Трудовая биография И.И. Купцова многогранна, в ней органически синтезированы талант педагога, психолога, научного исследователя, руководителя, наставника и истинного патриота, несущего ответственность за будущее своих учеников и своего народа. Жизненный путь ученого — достойный пример постижения акмэ, когда профессия и судьба слиты воедино.

Под руководством профессора И.И. Купцова защищено 12 кандидатских диссертаций. Основные научные труды: «Внимание: подросток!» (1982); «Младший школьник: особенности его интеллектуально-произвольной деятельности» (1990); «Психологическая характеристика интеллектуально-волевых действий школьников в учебной деятельности» (1992); «Психология. Курс лекций» (2000). В последние годы им разрабатывается проблема духовности личности.

Мы от всей души желаем юбиляру крепкого здоровья, семейного благополучия, неиссякаемого творчества и талантливых учеников!

СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПОЛУОТКРЫТОГО И ОТКРЫТОГО ТИПА ЗА РУБЕЖОМ

В. Б. Ворожук, В. Н. Летунов

Аннотация: В статье рассматривается опыт зарубежных стран по вопросам организации функционирования пенитенциарных учреждений, сходных по режиму с колониями-поселениями в России и исполнения в них наказания в виде лишения свободы. В пенитенциарных системах большинства стран Европы особое место занимают тюрьмы полуоткрытого и открытого типа. Функционирование подобных пенитенциарных учреждений в большей степени способствует социальной адаптации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, чего нельзя сказать о тюрьмах закрытого типа, для которых характерны более жесткие режимные ограничения и длительный срок заключения для осужденных. Тюрьмы полуоткрытого и открытого типа обладают определенным сходством с действующими колониями-поселениями уголовно-исполнительной системы России относительно категорий содержащихся в них осужденных (совершившие менее тяжкие преступления, положительно характеризующиеся осужденные, переведенные в порядке поощрения из учреждений закрытого типа); условий перевода в данные учреждения (отбытие определенной части срока наказания, назначенного судом); установленного режима содержания (относительная свобода передвижения внутри учреждения и за его пределами). Организационно-штатная структура пенитенциарных учреждений рассматриваемого типа представлена:

руководством учреждений; различными службами (например, административная служба, служба безопасности); сотрудниками, занятыми в сфере обучения и трудовой деятельности осужденных; «реабилитационным персоналом». Сформулированы выводы о возможности использования положительного опыта пенитенциарных учреждений полуоткрытого и открытого типа стран относительно вопросов организации деятельности рассматриваемых учреждений, работы с осужденными персонала, в том числе «реабилитационного» (психологов, психотерапевтов, социальных работников) в функционировании колоний-поселений нового типа (с обычным и усиленным наблюдением) в условиях развития уголовно-исполнительной системы России. Рассматривается возможность функционирования пенитенциарных учреждений переходного типа, в качестве которых в России могут выступать колонии-поселения с усиленным наблюдением, где могут содержаться положительно зарекомендовавшие себя осужденные, переведенные из тюрем по отбытию в них определенной части срока наказания.

Ключевые слова: тюрьма открытого типа; тюрьма полуоткрытого типа; исполнение наказания в виде лишения свободы; исправительные учреждения в виде колоний-поселений; социальная адаптация; организационно-штатная структура пенитенциарных учреждений; система пенитенциарных учреждений.

В большинстве стран Европы во второй половине XX века сложилась и достаточно эффективно функционирует система учреждений, исполняющих лишение свободы, состоящая из следующих видов:

- тюрьмы супермаксимального уровня безопасности (т.н. «супермакс»);
- тюрьмы категории «А» (максимального уровня безопасности);
- тюрьмы категории «В» (среднего уровня безопасности);
- тюрьмы категории «С» (полуоткрытые, или «на полпути к свободе»);
- тюрьмы категории «D» (открытые).

Безусловно, главная отличительная особенность каждого приведенного вида пенитенциарного учреждения заключается в степени изоляции заключенных от общества в зависимости от тяжести совершенного преступления и вероятности совершения ими побега.

Среди проблемных вопросов, с которыми сталкиваются зарубежные коллеги пенитенциарных служб, необходимо отметить то, что режимные ограничения в тюрьмах закрытого типа, регламентированность всей жизни и длительные сроки наказания, не позволяют лицам, отбывшим длительный срок заключения, правильно адаптироваться к условиям жизни на свободе. Это, в свою очередь, может означать, что их нормальное поведение и правильная ориентация в условиях свободы становятся проблематичными. Рассматривая зарубежные пенитенциарные учреждения, которые способствуют социальной адаптации осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, можно выделить тюрьмы полуоткрытого типа и тюрьмы открытого типа.

Тюрьма полуоткрытого типа (тюрьма категории «С») представляет собой пенитенциарное учреждение, архитектура и построение которого, а также состав осужденных отражают его основную цель: привить осужденным чувство личной ответственности за свои поступки, развить в них самостоятельность, что не исключает осуществления за ними надзора и контроля их поведения.

В данных тюрьмах отбывают наказание: 1) осужденные за совершение менее тяжких преступлений, которым в соответствии с законом не могло быть назначено альтернативное наказание или мера и которые не представляют опасности для персонала, других заключенных и общества в целом; 2) осужденные, переведенные из тюрем более высокого уровня изоляции, в качестве меры поощрения за правопослушное поведение.

Рассмотрим особенности режима и условий отбывания наказания в тюрьмах полуоткрытого типа европейских стран:

- жилые камеры могут быть открыты днем, но в ночное время могут закрываться;
- осужденные могут работать вне тюремного учреждения в системе ослабленного надзора либо без такового, в том числе на индивидуальных рабочих местах;
- осужденным могут разрешить обучаться, а также принимать участие в терапевтических занятиях, организованных вне тюремного учреждения. Аналогично обстоят дела с групповыми культурно-просветительскими либо спортивными занятиями, организованными администрацией вне стен тюремного учреждения;

- осужденные могут перемещаться по территории тюремного учреждения в установленные внутренним распорядком время и места;

- осужденным могут предоставлять пропуск из тюремного учреждения (право выхода за пределы учреждения);

- осужденные могут пользоваться собственной одеждой, бельем и обувью;

- осужденным разрешается иметь ограниченное количество свиданий в месяц (в случае разрешения директора тюремного учреждения их можно объединить), при этом свидания осужденных подлежат надзору со стороны администрации учреждения, а разговоры осужденных во время свиданий — контролироваться;

- письма осужденных подлежат цензуре;

- телефонные разговоры осужденных могут контролироваться администрацией пенитенциарного учреждения [6, с. 19].

Режим содержания в учреждении рассматриваемого типа предусматривает возможность покидать пределы тюрьмы под контролем администрации. Осужденные, содержащиеся в тюрьмах полуоткрытого типа, обязаны принимать участие в различных программах воспитательного и социального характера в целях оказания им помощи в последующей социальной адаптации. Осужденные женщины, как правило, отбывают наказание в виде лишения свободы в тюремном учреждении полуоткрытого типа отдельно от мужчин.

Тюрьма открытого типа (тюрьма категории «Д») в отличие от полуоткрытых тюрем, преследует цель максимально развить у осужденных чувство ответственности и способность контролиро-

вать свое поведение. Тюрьмы подобного типа позволяют постепенно адаптировать осужденного к условиям свободы, завершить процесс исправительного воздействия на осужденных и подготовить их к возвращению в общество.

Рассматривая режим содержания осужденных в европейских тюрьмах открытого типа, необходимо отметить следующие особенности:

- осужденные содержатся в помещениях типа общежитий, комнаты которых не запираются;

- осужденные содержатся без охраны, но под надзором администрации учреждения (проверки наличия осужденных могут проводиться от одного до четырех раз в день);

- трудоустройство осужденных осуществляется за пределами учреждения без надзора;

- осужденные могут получать из депозита в тюремном учреждении деньги, которые остаются в их распоряжении;

- осужденным, по мере возможности, создают условия для самостоятельного приготовления дополнительной пищи.

Основные отличия тюрем открытого типа от тюрем полуоткрытого типа: возможность проживания за пределами учреждения в личных домах или частных (снятых внаем) квартирах вместе с семьей с разрешения начальника учреждения; количество свиданий осужденного не ограничивается, при этом, свидания могут подлежать надзору со стороны администрации учреждения (разговоры осужденных во время свиданий не контролируются); осужденным могут предоставить больше пропусков из тюремного учреждения (право выхода за пределы учреждения); переписка осуж-

денных не подлежит цензуре со стороны администрации учреждения, а телефонные разговоры осужденных — не контролируются.

Следует отметить, что осужденные, подлежащие переводу в открытые тюрьмы из учреждений других уровней безопасности (тюрьмы категорий А, В и С), должны отвечать следующим требованиям: не иметь нарушений установленного порядка отбывания наказания (режима содержания); отбыть определенную часть срока наказания, назначенного судом; не быть склонными к побегам; быть физически здоровыми.

По мнению западных специалистов, **преимущества** этого вида пенитенциарного учреждения заключались в следующем:

1) отсутствие необходимости возводить охранные сооружения по периметру;

2) свободное передвижение заключенных как по территории тюрьмы, так и за ее пределами;

3) возможность заниматься сельскохозяйственными работами в силу нахождения этих учреждений преимущественно в сельской местности [3, с. 12];

4) содержание одного заключенного в день в открытой тюрьме обходится гораздо дешевле, чем в закрытой, при существенном сокращении штата сотрудников.

Особой формой открытого содержания осужденных в Германии являются созданные по примеру англичан так называемые «переходные дома». Исполнение наказаний в подобных учреждениях имеет целью помочь осужденным к длительным срокам заключения быстрее адаптироваться к жизни на свободе. Надзор за осужденными в этих тюрьмах ограничен периодическим контро-

лем. Осужденные, как граждане, могут работать на предприятиях либо учиться в школе или ПТУ.

Осужденные в последние 9 месяцев перед освобождением, помимо основного отпуска, получают дополнительный, до 6 дней в месяц, для решения вопросов, связанных с обустройством жизни после освобождения. В дальнейшем им может быть предоставлена возможность в свободное от работы и занятий время до 22 часов находиться вне стен учреждения [8, с. 11–12].

Кроме того, учреждения подобного типа, именуемые «промежуточными» (half way house), имеются и в Норвегии. В рамках реформирования уголовно-исполнительной системы Норвегии рассматривается возможность создания тюрем абсолютно нового типа — «тюремной деревни» (a village prison) или «тюрьмы-деревни», которые должны быть сконструированы также как обычные деревни; в них будут присутствовать все необходимые службы; в рамках учреждения будет налажена сложная система безопасности, начиная от низкого уровня и заканчивая высоким [9, с. 12–14]. Одно из таких учреждений успешно прошло апробацию на острове Бастой, где заключенные проживают в коттеджах (1 коттедж на 8 заключенных, у каждого своя комната) и могут свободно передвигаться по острову.

Говоря о пенитенциарной системе США, следует отметить, что к учреждениям открытого типа относятся тюрьмы минимальной безопасности, которые не имеют вооруженной охраны, с облегченным режимом и возможностью трудиться за пределами учреждения. Данные учреждения напоминают суще-

ствующие в настоящее время в России колонии-поселения.

Кроме того, к пенитенциарным учреждениям рассматриваемого типа в США можно отнести местные тюрьмы, именуемые джейлами, которые выполняют одновременно несколько функций: изоляторов временного содержания, СИЗО и исправительных учреждений. Из числа осужденных в джейлах содержатся только те, кто осужден к лишению свободы на срок до одного года. В джейле, осужденные в зависимости от степени их исправления распределяются по дифференцированным условиям отбывания наказания: *строгий, полуоткрытый и открытый режимы*.

Рассмотрим условия отбывания наказания на полуоткрытом и открытом режимах. *Полуоткрытый режим* отбывания наказания, в соответствии с которым осужденные днем работают вне джейла (в городе на предприятиях различных форм собственности), а вечером в установленное время они возвращаются в джейл. *Открытый режим* предполагает, что осужденные в течение рабочей недели находятся вне джейла, в том числе могут выезжать по служебным делам в другие города (речь идет о бизнесменах); на выходные (суббота, воскресенье) они обязаны возвращаться в джейл; часть осужденных выполняют работу по хозяйственному обслуживанию джейла.

В джейлах существенное внимание уделяется психологической работе со спецконтингентом. Психологи проводят индивидуальные собеседования с осужденными, склонными к суициду, нападению на персонал [4, с. 60–61; 5, с. 52–54].

Анализ зарубежного опыта организации управления и штатной структуры

пенитенциарных учреждений позволяет выделить следующие категории сотрудников (персонала) в организационно-штатной структуре рассматриваемых пенитенциарных учреждений: начальник учреждения; административная служба; режимная служба, осуществляющая надзор за осужденными; сотрудники, занятые в сфере обучения и трудовой деятельности осужденных; «реабилитационный персонал» (психологи (психотерапевты), психиатры, социальные работники, воспитатели, консультанты, организаторы досуга осужденных).

Для некоторых стран характерно широкое использование системы аутсорсинга (опыт США, Германии, Франции), заключающейся в привлечении к работе с осужденными внештатного персонала (врачи, священники, психологи, психотерапевты, учителя, консультанты по обучению, специалисты по досугу осужденных), что обусловлено в первую очередь нежеланием вводить в штаты пенитенциарных учреждений новых штатных единиц.

В тюрьмах полуоткрытого и открытого типа достаточно серьезное внимание уделяется работе с осужденными т.н. «реабилитационного персонала», состав которых был рассмотрен выше. Практический интерес представляет опыт работы психологов и психотерапевтов (Германия, Польша, США), которые строят свою деятельность на основании специальных программ, разрабатываемых для конкретного лица или группы лиц со сходными проблемами, для предотвращения развития у осужденных патологических черт личности. Данная работа должна помочь вернуть им психическое равновесие, выработать умение жить в обществе и подготовить к самостоятель-

ной жизни в обществе после освобождения. В социальной работе, проводимой с осужденными, акценты делаются на социальную диагностику, оказание осужденным помощи в решении социальных вопросов, поддержании связи осужденных с семьей и обществом за пределами тюрьмы.

Таким образом, европейские тюрьмы полукрытого и открытого типа обладают определенным сходством с российскими колониями-поселениями: 1) в рассматриваемых учреждениях отбывают наказание осужденные, совершившие менее тяжкие преступления (правонарушители, представляющие наименьшую угрозу для общества), а также положительно характеризующиеся осужденные, переведенные в порядке поощрения из тюрем более высокого уровня изоляции (более строгого режима); 2) условием перевода, как правило, является отбытие определенной части срока наказания в виде лишения свободы, назначенного судом; 3) режим содержания предусматривает относительную свободу передвижения внутри учреждения.

Изучение организационно-штатной структуры пенитенциарных учреждений полукрытого и открытого типа позволяет уяснить организацию управления и штатную структуру данных учреждений. Особое внимание в пенитенциарных учреждениях рассматриваемого типа (тюрьмы полукрытого и открытого типа) уделяется работе т.н. «реабилитационного персонала», который составляют: психологи (психотерапевты), психиатры, социальные работники, воспитатели, консультанты, организаторы досуга осужденных.

Представляет интерес изучение особой формой открытого содержания осуж-

денных (Англия, Германии) в так называемых «переходных домах». Исполнение наказаний в подобных учреждениях имеет целью помочь осужденным к длительным срокам заключения быстрее адаптироваться к жизни на свободе. Мы полагаем, что в качестве данных учреждений в России могут выступать колонии-поселения нового типа — с усиленным наблюдением, в которые будут переводиться положительно зарекомендовавшие себя лица, отбывшие определенную часть срока лишения свободы в других учреждениях (тюрьмах нового типа).

В условиях дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы предлагается создание новых типов колоний поселений (с обычным и усиленным наблюдением), поэтому следует изучить пенитенциарный опыт зарубежных стран относительно содержания в тюрьмах полукрытого и открытого типа осужденных, работы с ними персонала и применить его в функционировании колоний-поселений, поскольку все необходимые предпосылки для этого имеются.

Литература

1. Горбань Д.В. Открытые условия отбывания наказания в виде лишения свободы в рамках реформирования института проживания осужденных за пределами исправительного учреждения // Прикладная юридическая психология. — 2014. — № 1. — С. 108–110.

2. Железкина И.И. Теоретико-прикладные основы подготовки специалистов социальной сферы для уголовно-исполнительной системы: квалиметрический подход // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 4. — С. 20–27.

3. Использование инновационных технологий строительства тюрем: анализ. обзор с предложениями о возможности использования зарубежного и передового отечественного опыта строительства тюрем нового поколения при проведении работ по перепрофилированию действующих учреж-

дений в учреждения нового типа. — М.: НИИ ФСИН России, 2012. — 143 с.

4. *Пантелеев В.А.* Джейлы и тюрьмы Соединенных Штатов Америки // Преступление и наказание. — 2007. — № 10. — С. 60–61.

5. *Пантелеев В.А.* Предупреждение и пресечение кризисных ситуаций в пенитенциарных системах зарубежных стран: учебное пособие. — 2-е изд., перераб. — Владимир: Владимир. юрид. ин-т ФСИН России, 2008. — 72 с.

6. Порядок и условия отбывания уголовных наказаний в учреждениях тюремного типа по законодательству Европейских стран: анализ. обзор с предложениями. — М.: НИИ ФСИН России, 2012. — 83 с.

7. *Ревент Я.Ю.* Опыт США в области общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. — 2013. — № 2. — С. 113–117.

8. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ [социально-психологический

аспект]: учеб. пособие / Н.А. Андреев [и др.]. — М.: Права человека, 2001. (Тюремная библиотека. Выпуск 26). — 183 с.

9. *Укерманн Й.* О реформировании уголовно-исполнительной системы Норвегии // Обеспечение процесса реформирования исполнения наказаний в Российской Федерации: сб. мат-ов Международной научно-практической конференции, г. Рязань, 29–30 октября 2009 г. / под общ. ред. А.А. Реймера. — 2-е изд., доп. Рязань: Академия ФСИН России, 2010. — С. 12–14.

10. *Юсова М.Б.* Организация деятельности психологических служб, их роль в учреждениях уголовно-исполнительной системы России // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 1. — С. 193–196.

11. *Юсова М.Б.* Пути повышения эффективности деятельности психолога-практика уголовно-исполнительной системы // Прикладная юридическая психология. — 2011. — № 3. — С. 147–155.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫМИ

К. А. Чистяков

Аннотация: в данной статье освещаются основные направления предупреждения преступлений, совершаемых условно осужденными. Приводятся конкретные меры предупреждения преступлений, такие как установление особого контроля за условно осужденными, от которых можно ожидать совершение повторного преступления, углубленное изучение личности условно осужденного, с целью правильного построения работы с ним, оказание помощи условно осужденным, находящимся в сложной жизненной ситуации, а также в налаживании и поддержании социально полезных связей, оказание помощи условно осужденным в трудоустройстве и решении бытовых вопросов, незамедлительное реагирование на совершенные преступления, администра-

тивные правонарушения либо нарушения испытательного срока, своевременность проведения разъяснительных, воспитательных и профилактических мероприятий, установление для условно осужденных, от которых можно ожидать совершение нового преступления в течение испытательного срока, более частой периодичности явок в уголовно-исполнительную инспекцию, усиление контроля по месту жительства за условно осужденными, от которых можно ожидать совершение нового преступления в течение испытательного срока. Приводятся основные статистические данные преступности условно осужденных. Так по данным официальной статистики ФСИН России, число условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспек-

циях, по России в 2007 г. составило 590 703 чел., в 2008 г. — 558 346 чел., в 2009 г. — 534 409 чел., в 2010 г. — 491 257 чел., в 2011 г. — 474 775 чел., в 2012 г. — 356 135 чел., в 2013 г. — 327 073. Было совершено повторных преступлений условно осужденными в 2007 г. — 5562, в 2008 г. — 9285, в 2009 г. — 11 324, в 2010 г. — 13 378, в 2011 г. — 14 405, в 2012 г. — 19 502, в 2013 г. — 19 659. Практически все повторные преступления являются умышленными. Почти каждое второе совершенное преступление — средней тяжести — 58,6%; тяжкие преступления составляют 31,4%; небольшой тяжести — 15% и особо тяжкие — 2%.

Ключевые слова: криминология, пенитенциарная криминология, предупреждение, условное осуждение, контроль, испытательный срок, правоограничения, права и обязанности, уголовно-исполнительные инспекции, система наказаний, исправление осужденных.

Согласно юридическому словарю, предупреждение преступлений в криминологии понимается в двух смыслах:

1) в широком смысле система мер — (экономических, социально-культурных, воспитательных, правовых), осуществляемых органами государства в борьбе с преступностью;

2) в узком смысле — специальные меры правоохранительных органов по недопущению или пресечению преступных посягательств, осуществляемые законными средствами в отношении отдельных лиц, групп и сформировавшихся преступных сообществ [1, с. 135].

Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство ставит перед собой цели по предупреждению престу-

плений, что отражено в ч. 1 ст. 2 УК РФ и ч. 1 ст. 1 УИК РФ. Так же это отражается в ч. 2 ст. 43 УК РФ, где обозначены цели уголовного наказания. Подобным образом это было закреплено и в других кодексах. В частности, ИТК РСФСР практически дословно воспроизводил формулировки ст. 20 УК РСФСР, определяющей цели наказания: «наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами».

В настоящее время в ст. 1 УИК РФ указано, что целями уголовно-исполнительного законодательства являются исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами [3, с. 120]. Статья 43 УК РФ, в свою очередь, называет целями наказания прежде всего восстановление социальной справедливости и лишь затем исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. В теории предупреждение преступлений разделяют на общее и специальное предупреждение.

Проблеме условного осуждения в юридической литературе и правоприменительной практике уделяется достаточно большое внимание. В частности, в решениях оперативного совещания Совета Безопасности Российской Федерации от 9 ноября 2008 г., Президиума Государственного Совета Российской Федерации от 11 февраля 2009 г. (г. Вологда), Концепции разви-

тия уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, перед государственными структурами России, органами государственной власти субъектов Федерации, общественными объединениями поставлены конкретные задачи по совершенствованию работы с лицами, освобожденными от отбывания наказаний, а также условно осужденными. Кроме того, в Послании Президента РФ Федеральному собранию РФ от 30 ноября 2010 г. говорится о том, что санкция за нетяжкие, малозначительные преступления должна быть по возможности не связана с лишением свободы.

Следует отметить, что в 2013 году 30,1% (201 550) вынесенных судами приговоров к лишению свободы были назначены условно с испытательным сроком. В большинстве случаев условное осуждение назначается формально, без должного изучения личности осужденного, что в последствии негативно сказывается на указанном институте. По данным официальной статистики ФСИН России, число условно осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, по России в 2007 г. составило 590 703 чел., в 2008 г. — 558 346 чел., в 2009 г. — 534 409 чел., в 2010 г. — 491 257 чел., в 2011 г. — 474 775 чел., в 2012 г. — 356 135 чел., в 2013 г. — 327 073. Было совершено повторных преступлений условно осужденными в 2007 г. — 5562, в 2008 г. — 9285, в 2009 г. — 11 324, в 2010 г. — 13 378, в 2011 г. — 14 405, в 2012 г. — 19 502, в 2013 г. — 19 659. Практически все повторные преступле-

ния являются умышленными. Почти каждое второе совершенное преступление — средней тяжести — 58,6%; тяжкие преступления составляют 31,4%; не-большой тяжести — 15% и особо тяжкие — 2% [4, с. 38].

Как показало наше исследование, условно осужденные более чем в 60% случаев были судимы за преступления против собственности, что соответствует общим тенденциям преступности в Российской Федерации. В 12% случаев условно осужденные, совершившие убийство, были ранее судимы за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств. Незначительный процент составили судимости за преступления против общественной безопасности, правосудия, хулиганство.

Как сообщает Минюст России, число тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных условно осужденными, постоянно растет. По учетам уголовно-исполнительных инспекций ежегодно проходит более миллиона человек. Правда, в это число входят и осужденные к другим видам гуманного наказания вроде ограничения свободы или обязательных работ.

Складывающаяся ситуация оказывает негативное воздействие на государство в целом и требует немедленного принятия активных мер по предупреждению преступлений указанной категории лиц. Большинство авторов считают, что к данной категории лиц целесообразно и необходимо применять меры индивидуального предупреждения. При работе с ними применяются методы индивидуальной профилактики: убеждение (индивидуальные и коллективные беседы, общественное обсуждение, установление шефства, стимулирование уча-

ствия в общественно полезной деятельности), оказание помощи (трудоустройство, улучшение бытовых условий, помощь в поступлении на учебу, организации досуга, выборе жизненных целей и нравственных ориентиров), принуждение (штрафы, принудительное лечение, административный надзор, привлечение к уголовной ответственности) [5, с. 14].

Однако не следует быть столь однозначными, не стоит забывать и об общем предупреждении преступлений, совершаемых условно осужденными, так как совершаемые ими преступления входят в общую криминальную обстановку в стране. Говоря об общем предупреждении преступлений, целесообразно из всего многообразия профилактических мер выделить те, которые направлены на выявление и ограничение действия наиболее значимых криминогенных факторов (причин преступности и условий, способствующих совершению преступлений, стимулирующих или облегчающих преступное поведение) [6, с. 154]. Именно такие меры носят общепрофилактический характер и тесно связаны с общесоциальным воздействием на преступность. При этом общее предупреждение преступлений состоит в деятельности, направленной на ограничение криминогенного воздействия тех элементов социальной среды, которые определяют изменения в преступности как массовом социальном явлении.

В ходе нашего исследования мы установили, что для увеличения профилактического воздействия на условно осужденных, от которых во время испытательного срока можно ожидать совершение преступлений, нами предлагаются следующие рекомендации:

1. Установление особого контроля за условно осужденными, от которых, согласно методике «Портрет», можно ожидать совершение повторного преступления.

2. Углубленное изучение личности условно осужденного с целью правильного построения работы с ним.

3. Оказание помощи условно осужденным, находящимся в сложной жизненной ситуации, а также в налаживании и поддержании социально полезных связей.

4. Оказание помощи условно осужденным в трудоустройстве и решении бытовых вопросов.

5. Незамедлительное реагирование на совершенные преступления, административные правонарушения либо нарушения испытательного срока.

6. Своевременность проведения разъяснительных, воспитательных и профилактических мероприятий.

7. Установление для условно осужденных, от которых можно ожидать совершение нового преступления в течение испытательного срока, более частой периодичности явок в уголовно-исполнительную инспекцию.

8. Усиление контроля по месту жительства за условно осужденными, от которых можно ожидать совершение нового преступления в течение испытательного срока.

Изложенные меры по совершенствованию предупреждения преступлений, совершаемых условно осужденными, призваны повысить эффективность профилактического воздействия на данную категорию. Эти меры предназначены для использования в построении профилактической работы с условно осужденными, стоящими на учете в уголовно-

исполнительных инспекциях. Они не являются единичными и исчерпывающими, а должны использоваться в комплексе со всеми имеющимися в арсенале уголовно-исполнительных инспекций приемами, методами и средствами.

В заключении хотелось бы отметить, что индивидуальный и общий виды предупреждения должны применяться в едином комплексе. На наш взгляд, их разделение невозможно, так как составляет часть единого целого. Проведение подобного комплекса мероприятий в нашей стране значительно затруднено. При индивидуальном предупреждении у сотрудников уголовно-исполнительных инспекций просто не хватает соответствующих человеческих знаний и ресурсов для достижения желаемого результата. по нашему мнению, для достижения этого результата должна быть создана особая служба. Об аналоге такой службы не раз упоминалось в докладах на коллегии ФСИН России — «служба социального

сопровождения». Подобные службы существуют в других государствах и оправдывают свое существование. С нашей точки зрения, ее создание значительно уменьшило бы процент преступлений совершаемых условно осужденными.

Литература

1. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2010. — 912 с.
2. Пенитенциарная преступность: сущность и актуальные проблемы предупреждения: монография / науч. ред. В. М. Морозов, В. С. Жеребин; под общ. ред. Ю. И. Калинина. — Владимир, 2005. — 420 с.
3. Ищук, Я. Г. Характеристика личности условно осужденного, совершившего преступление / Ищук, Я. Г. // Уголовно-исполнительное право. — 2011. — № 2. — С. 37-40.
4. Расторопов, С. В. К вопросу о понятии и правовой природе условного осуждения / Расторопов, С. В. // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 4. — С. 13-16.
5. Сучкова, Е. Л. Представления о правовой действительности условно осужденных / Сучкова, Е. Л. // Прикладная юридическая психология. — 2012. — № 3. — С. 153-160.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

Executive secretary:

Ye. A. Schelkushkina, PhD in psychology, Ryazan.

Associate editors:

S. K. Bondyрева, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. L. Zhuravlev, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Datiy, doctor of medical sciences, Republic of Moldova.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor, Ryazan.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Molostvov, PhD in psychology, Lipetsk.

N. N. Nechaev, academician of the Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. N. Pastushenya, doctor of psychological sciences, professor, Republic of Belarus.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor, Moscow.

V. M. Pozdnyakov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

N. A. Polyinin, PhD in psychology, Ryazan.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor, St. Petersburg.

A. I. Ushatikov, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

METHODOLOGY AND THEORY OF LEGAL PSYCHOLOGY

PERSONALITY AND COPING WITH DIFFICULT LIFE SITUATIONS

N. E. Kharlamenkova

Abstract: The article is dedicated to the 90th anniversary of L.I. Antsyferova, a well-known researcher in the methodology and theory of psychology. The article analyzes works dealing with general issues of psychology, such as methodological principles of psychology, the dynamic theory of personality and the important issue of coping with difficult life situations. It demonstrates that coping strategies are determined by the individual characteristics and the level of traumatic impact of difficult situations, and formulates the idea of the active position of a person in coping with difficulties. The article specifies life situations differing in degree of psychological traumatization, such as everyday troubles, negative events connected with age-related changes, unforeseen events. It considers different coping strategies, such as transforming strategies, adaptation techniques, strategies of “the struggle with emotional disorders”, etc., as well as the problem of coping with difficult situations in advanced and old age. It also introduces the concept of «wisdom».

Antsyferova's research is considered in terms of its impact on the current tendencies in psychology. The author emphasizes the unity of views on the problem of coping, presented in Antsyferova's works and the works of modern authors. In addition, the article provides some new data about the influence of high intensity stressors on humans, and analyzes works dedicated to the peculiarities of coping with problem situations in people with severe symptoms of post-traumatic stress, to the problem of terrorist threat, to comparison of risk and danger and to the problem of intergenerational trauma.

Keywords: methodological principles of psychology, dynamic theory of personality, difficult life situations, coping strategies, high intensity stressors, posttraumatic stress, threat and danger.

Kharlamenkova Natal'ia Evgen'evna – doktor psikhologicheskikh nauk, professor, zav. laboratoriei psikhologii posttravmaticheskogo stressa FGBUN Institut psikhologii RAN (nataly.kharlamenkova@gmail.com).

ETHNOFUNCTIONAL APPROACH TO THE ANALYSIS OF MACROPSYCHOLOGICAL PHENOMENA (IN THE ASPECT OF ANTI-SOCIAL BEHAVIOR)

A. V. Sukharev

Abstract: This article presents basic theoretical and methodological considerations which are to prove the possibility of implementing the ethnofunctional approach for solving the macropsychological problems of modern society including asocial be-

havior. This approach is based on the historically relevant principle of ethnofunctionality and on the principle of ethnofunctional unity of micro- and macrocosm, as well as on the philosophical category of the ideal prototype of natural development – archeogeny. These principles form the basis for the psychological analysis of the system of ideas about man, nature, culture and the transcendental sphere. This approach is implemented on extrapsychological, interdisciplinary level of research using the combination of methods proper to natural science and humanities. From the ethnofunctional point of view asocial behavior is ethnodifferential. The article demonstrates that this approach allows to obtain new, often paradoxical results in the field of correcting and preventing asocial behavior, mental disorders and propensity to suicide. In particular, forming a positive attitude to the native (ethnodifferential) nature images (landscapes, flora, fauna) results in a more successful adoption of religious commandments, which obviously contributes to the prevention of violent crimes and their relapse. There are distortions of ethnofunctional personal development, which common cause the occurrence of a tendency for violent crimes, the use of psychoactive drugs and suicidal behavior. Ethnofunctional analysis, prevention and correction of negative macropsychological phenomena occurs while correcting distortion of ethnofunctional development of both personal and social mentality as a system of ideas about people, nature, culture and the transcendental world. A particular feature of the approach is that it can be easily applied on a personal level for preventing and correcting asocial behavior, mental disorders, as well as on a socio-psychological level for activating socially desirable behavior in different social groups, primarily young people and teenagers (patriotism, learning motivation, increase of creative intelligence) in the education system, from pre-school to the university level (i.e. in the process of «ethnofunctional education»), from the education of children with mental retardation to the gifted ones (вот этого в оригинале совсем нет!).

Keywords: methodology, ethnofunctional approach, archeogeny, transcendental, ideal prototype, macropsychology, asocial behavior, criminal behavior, suicide, psychoactive substances and drugs, psychological prevention, psychological correction, education, psychotherapy.

Sukharev Aleksandr Vladimirovich – doktor psikhologicheskikh nauk, professor, vedushchii nauchnyi sotrudnik Instituta psikhologii RAN (zavor753@mail.ru).

FPS EMPLOYEES' ANTIMANIPULATIVE COMPETENCE FORMATION IN THE CONCEPTION OF CONVICTS' SUBJECTIVE-ACCESSORY CORRECTION

V. M. Pozdnyakov, I. S. Doroshenko

Abstract: the late 1990s criminality growth among imprisoned convicts, including those sentenced on economical charges, caused a higher number of manipulation acts against penitentiary facilities employees with an aim to involve them in illegal solving of

convicts' problems. The studying of factors and conditions favourable to outside-of-duty relationship between penitentiary employees and inmates (two groups were studied: those who started outside-of-duty relationship and those who were loyal to their duty) showed that along with an objective cause (scarce financial support of employees) personal traits are quite important (egocentrism, anxiety and communicative rigidity).

The convicts' subjective-accessory correction conception developed on the basis of historiographical and comparative research (V.M. Pozdnyakov, 2000) gave rise to the FPS employees' antimanipulative competence formation training. It was tested among Tula Oblast colony employees who faced a difficult operating environment. Eleven 2–2,5 hour group lessons that included case studies, role-playing games, psycho-technical exercises on self-identity and personality stress resistance development allowed employees to learn manipulation scenarios used by convicts and get experience in constructive resistance to their realization. The psychodiagnostic data showed that after a training 41 % of participants showed less situation anxiety, 54 and 27 % showed less verbal or physical aggression. A favourable training influence not only on risk group employees but on the whole psychological climate of the personnel made these trainings widespread in a number of regional Federal Penitentiary Services in Russia.

Keywords: antimanipulation behavior, convicts' correction, convicts treatment targeted approach, participative management, manipulation scenarios of convicts, penitentiary stress resistance, professional role position, professional self-identity, accessory interaction in a penitentiary facility, social and psychological competence.

Pozdniakov Viacheslav Mikhailovich – doktor psikhologicheskikh nauk, professor, professor kafedry ugovornogo prava i protsessa Rossiiskogo universiteta druzhby narodov; E-mail: pozdnyakov53@mail.ru.

Doroshenko Inna Sergeevna – kandidat psikhologicheskikh nauk; E-mail: doroshenko_tula@mail.ru.

APPLIED AND EXPERIMENTAL STUDIES

THEORETICAL APPROACHES TO THE PROBLEM OF LIFE STRATEGIES FOR JUVENILE OFFENDERS WITH SUSPENDED SENTENCE

G. I. Aksenova, E. N. Kozhevnikova

Abstract: The article features an analysis of theoretical approaches towards the examination of life strategies for juvenile offenders with suspended sentences without isolation from society. It provides statistical data on the amount of sentenced juveniles registered with criminal and penal inspection. It states the relevancy of the research and a necessity to create a psychological and pedagogical program aimed at developing life strategies for juvenile offenders with suspended sentences. It gives definition to the following terms: «strategy», «life strategy». It also defines major focus areas of philosophical and sociological study of life strategies in national and

foreign science and analyzes approaches to life strategies research in national and foreign psychology. It particularly emphasizes the peculiarities of life strategies study within psychoanalytical, humanistic cognitive-behavioral approaches, as well as in casual attribution theory and transactional analysis. The article covers life strategy phenomenon studies by Russian psychologists: S.L. Rubinstein, A.N. Leontyev, B.G. Ananyev, K.A. Abulkhanova-Slavskaya, etc. The emphasis is laid on psychological and pedagogical aspects of life strategies research in the works of G.A. Cherednihenkova and V.N. Shubkin, S.S. Greenshpun, L.I. Anziferova, L.I. Bojzovich, I.S. Kon, D.I. Feldstein, G.I. Aksenova, etc. This work defines particular features of a convict's identity in historical perspective. It marks major directions for sentenced convicts' identity research made by modern penitentiary scientists. It equally justifies that the study of life strategy for juvenile offenders with suspended sentences without isolation from society demands a complex approach including consideration of personal, criminal, psychological, pedagogical and environmental factors and conditions. The article is intended for specialists in general, legal and pedagogical psychology, youth policy, and for everyone interested in life strategies development matters.

Keywords: strategy, life strategy, juvenile offenders with suspended sentences, teenager, the way of life, the purpose of life, responsibility, proactive attitude.

Aksenova Galina Ivanovna – doktor pedagogicheskikh nauk, professor, Akademiia FSIN Rossii; E-mail: katekozhevnikova@mail.ru

Kozhevnikova Ekaterina Nikolaevna – ad"iunkt fakul'teta nauchno-pedagogicheskikh kadrov Akademii FSIN Rossii; E-mail: katekozhevnikova@mail.ru

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS AGENCIES INCLINED TO OFFENDING BEHAVIOR

M. I. Marin, A. A. Bochkova

Abstract: despite arrangements for improving of work with personnel through norm-creating practices there's no decline in the number of crimes committed by law enforcement officers. Offending behavior might be determined by different factors. The article deals with the influence of psychological and characterological peculiarities on the deliberate personal control of behavior. («evaluative attitude towards law» and «appliance of legal regulations»).

For reaching the above mentioned goals we used techniques that define different structural components of personality organization: SMIL-test by L.N. Sobchik, life-purpose orientations by D.A. Leontiev, achievement motivation by T.A. Mehrabian, personality orientation (orientation questionnaire) by B. Bass, rates of expert assessment in the Monitoring program and an external criterion of official activities (a number of disciplinary penalties). The sample includes 321 employees of Internal Affairs agencies with the length of service from 7 to 15 years.

Taking into consideration the results that were obtained with the help of expert

assessment of mid-level executives of Russian Ministry of Internal Affairs structural subdivisions, we outlined two groups of employees (persons inclined to offending behavior and persons not inclined to such behavior). While processing the empirical data we used methods of standard statistical analysis for generalization and systemization of the results. For defining differences in figures in the given groups we used Student's criterion. To estimate significance of relation between variables we applied Pearson's correlation analysis.

Thus, the undertaken study enabled us to reveal psychological peculiarities of the employees who are prone to offending behavior. The employees, inclined to offending behavior, with low evaluative attitude towards legal regulations don't tend to bear responsibility for their actions, results of their behavior, displacement of negative aspect of offending behavior; they afford to fulfill their wishes contrary to permitted normative rules and laws. The employees who are not inclined to offending behavior show higher level of responsibility, commitment, adjustment for congruous behavior. Also this group of executives shows consistency in attitudes towards and criteria of conduct, efficiency, adherence to principles. They demonstrate commitment to achieving results in their work, conation to collaboration and orientation on observing the legal regulations, which is a significant criterion of their conduct and is included in their system of value orientations.

Keywords: personality, law enforcement officers, offending behavior, employees inclined to offending behavior, personality orientation, behavior regulation, psychological peculiarities, legal regulations, evaluative attitude to law, appliance of legal regulations.

Mar'in Mikhail Ivanovich – doktor psikhologicheskikh nauk professor kafedry psikhologii, pedagogiki i organizatsii raboty s kadrami Akademii upravleniia MVD Rossii; E-mail: marin_misha@mail.ru

Bochkova Alena Aleksandrovna – starshii psikholog otdela moral'no-psikhologicheskogo obespecheniia URLS GU MVD Rossii po Moskovskoi oblasti; E-mail: bochkova.a@mail.ru

PSYCHOLOGICAL EDUCATION PROGRAMME AS CONVICTS' DRUG ADDICTION PREVENTIVE MEASURE

I. S. Ganishina

Abstract: Penitentiary facilities of the Russian penal system contain a high number of drug addicted convicts therefore the psychoprophylactic area is very important in the personnel work. The Subsection 'Social, Psychological and Educational Work with the Convicts' of the fourth Section of the Penal System Development Conception of the Russian Federation until 2020 points out to the need of search and introduction of new individual work forms that secure targeted social, psychological and pedagogical help to each convict with regard to their social, demographic, criminal and individual psychological characteristics.

By psychological education of convicts the author means preventive measures of penitentiary psychologists, social workers, heads of penitentiary institutions parties, aimed at broadening of psychological knowledge and creating a positive attitude towards psychological help.

The author's psychological education programme under study is designed to carry out convicts' drug addiction prevention that provides for the following types of work performed by penitentiary psychologists, social workers, heads of penitentiary institutions parties: outreach activity; convicts' adaptive skills development; convicts' individual psychological personality features correction.

The programme is designed to prevent drug addiction of convicts who serve their sentence in Russian penitentiary facilities. We propose a uniform author model of convicts' psychological education including legal, psychological, pedagogical and psychocorrective help to convicts. The programme has the following structure: educational; psychodiagnostic, preventive and psychocorrective components.

Efficiency of preventive work in a penitentiary facility directly depends on the correct psychopedagogical technology and the strategy of preventive measures. The author has established that depending on the level of a convict's drug addiction it is advised to use different psychological, medical, pedagogical, social technologies of the primary, secondary and tertiary levels of prevention.

Keywords: penal system; penitentiary facility; drug addiction; convict; preventive measures; preventive measures against drug addiction; primary, secondary, tertiary levels of prevention; psychological education; technologies; psychopedagogical, medical, social help to drug addicts.

Ganishina Irina Sergeevna – kandidat psikhologicheskikh nauk, dotsent, zames-titel' nachal'nika kafedry obshchei psikhologii Akademii prava i upravleniia Federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii (irinaganishina@yandex.ru).

THE STRUCTURE AND DETERMINATION OF THE GROUP ATTITUDES TOWARD TIME IN ORGANIZATIONS

T. A. Nestik

Abstract: The existing approaches to studying the organizational group attitudes toward time are analyzed. The conception of the group attitudes toward time in organizations is proposed. The structure of these attitudes includes motivational, cognitive, affective and conative components. The two key forms of time attitudes are determined: 1) the attitudes toward using time as resource of joint activity and 2) the attitudes toward organizational past, present and future. The key mechanisms of the group attitudes toward time are identified: the synchronization of joint activity rhythms; the group reflection on the collective past, present and future; the collective goal setting shaped by leaders' future vision; the group emotional states and the defense mechanisms that support a positive group identification.

The survey among the employees of Russian commercial organizations (N=614) revealed that the value of time as a scarce resource is positively related to the pace of team work and negatively related with task overload, perceived unpredictability of work flow. The relationship was identified between employees' time attitudes and type of corporate culture. The corporate culture innovativeness is negatively related to punctuality; the orientation toward entrepreneurial culture is positively related to the value of time, polychronicity and punctuality; the bureaucratic culture is positively related with long-term planning and negatively related to the value of time.

The empirical research among employees and managers of Russian companies (N=443) showed that group trust, shared values, group identification, group reflexivity, leadership vision, and positive collective emotional states are related with employees' positive evaluation of organizational past, present and future.

The relationship exists between the group time attitudes, group effectiveness and employees' commitment. The regression analysis revealed the influence caused on the organizational effectiveness by group long-term orientation, group reflexivity and foresightfulness.

Keywords: group attitudes toward time, organizational culture, group identification, leadership vision, trust, organizational mood.

Nestik Timofei Aleksandrovich – kandidat filosofskikh nauk, starshii nauchnyi sotrudnik FGBUN Instituta psikhologii RAN (nestik@gmail.com).

REPRESENTATION OF CONJUGAL AND FAMILY RELATIONS IN YOUNG CONVICTS

S. A. Krasnenkova, I. I. Markova

Abstract: Family is one of the fundamental and favourable factors enhancing resocialization of convicts. Positive social, namely conjugal, connections play an important role both in discharge period and during all the imprisonment term. These connections are of special value for young people and those who experience forced isolation from family and society for the first time.

The empirical research was aimed at disclosing peculiarities of family and conjugal relations representations in young convicts, discharged from prison. The research has shown that the main motivators for convicts to get married are procreation, possibility to lead a happy, balanced life and financial advantage. Fidelity, reliability, acceptance of the partner and financial position were listed as the most valuable characteristics of a spouse. On contrary, lack of accommodation and possible mistakes in choosing a partner were named the reasons hampering marriage.

Family and conjugal representations of convicts are traditional; family roles are lacking in coordination; the relations are highly hierarchical with clear male predominance. Emotional connections with the future family tend to be weak while the level of anxiety and concern about family future is high.

Proposed material is aimed at promotion of professional competence in people interested and development of psycho-pedagogical influence on convicts through optimizing their social adaptation after discharge.

Keywords: convicts, young delinquents, law-abiding young people, socially valuable connections, family and conjugal relations, core values of personality, marriage motives, resocialization of convicts.

Krasnenkova Svetlana Aleksandrovna – kandidat psikhologicheskikh nauk, nachal'nik psikhologicheskoi sluzhby otdela vospitatel'noi raboty s osuzhdennymi Upravlenie Federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii po Voronezhskoi oblasti; E-mail: SK-rasnenkova@mail.ru

Markova Irina Ivanovna – kandidat psikhologicheskikh nauk, dotsent kafedry prakticheskoi psikhologii Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta; E-mail: Irivmark@mail.ru

PSYCHOPRACTICES

THE RESEARCH OF VALUES GROUNDS OF AGGRESSIVENESS

N. V. Chudova

Abstract: The study allows to tie up aggressiveness and values and to describe the operating principle of hostile Model of the World. The data on the psychological characteristics of people accepting the values of the so-called meta-values group (Conservation, Self-enhancement, Openness to change and Tolerance (S. H. Schwartz's Portrait Values Questionnaire)) are examined. A wide range of personality questionnaires is used: of emotional Intelligence, of character's traits, of constructive thinking, of narcissism, of perfectionism, as well as BPAQ (Buss A. H. & Perry M.), 16 PF, World Assumptions scale, projective test of hostility, technique of discrimination of concepts properties, and technique of value's semantic differential. The study was conducted on a group of educated or graduating and law-abiding city dwellers (258 subjects aged 18–65 years). It has been found that one's commitment to the values of Conservation, Self-enhancement and Openness to change is not associated with one's aggressiveness. We should note that there are no differences in BPAQ scores between the groups with high and low scores on each of listed meta-values. However, the high correlation between the adherence to values of Universalism and Self-transcendence (meta-values of Tolerance), as well as higher scores of hostility and of tendency to physical aggression in the group with high levels of adherence to those values are found. Also the tendency to point-blank thinking is higher in this group. The results suggest the existence of an affective, cognitive and value complex in which ideas of human rights, environmental protection, and support of tolerance legitimize the personal hostility. It was found that the said relationships underlay a system with positive feedback wherein the synchronous

increasing of three interlinked components is inevitable. The increase of tolerance and hostility and the decrease of constructiveness of thinking mutually «feed» each other and destabilize the system of affective and cognitive regulation. Apparently, values in this complex act as an ideology mandating certain judgments and estimates.

Keywords: meta-values, value formations, aggressiveness, hostile Model of the World, narcissism, perfectionism, constructive thinking, basic beliefs.

Chudova Natal'ia Vladimirovna – kandidat psikhologicheskikh nauk, starshii nauchnyi sotrudnik FGBUN Institut sistemnogo analiza (ISA RAN); E-mail: nchudova@gmail.com

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF STUDENTS DURING INITIAL TRAINING IN TRAINING CENTERS OF THE RUSSIAN FEDERAL PENITENTIARY SERVICE AS A CONDITION OF DEVELOPING PROFESSIONALLY IMPORTANT QUALITIES

Y. N. Polyakova

Abstract: Developing professionally important qualities in the staff of the Russian Federal Penitentiary Service (further referred to as FPS) continues to be a problem of importance. There is not enough attention paid to this problem with regard to the employees that maintain order and safety in the FPS institutions. The main feature of professional activity of the employee is daily contact with the imprisoned. Conditions and rules of such communication require compliance with laws and regulations. Certainly, the specified features imply a number of requirements to the development of professionally important qualities in the FPS employees.

Developing professionally important qualities requires a certain attitude to the process. Such attitude has to be shaped during the initial training of employees in training centers of the Russian FPS. The article considers the results of empirical research on the features of developing professionally important qualities in the staff of criminal and executive system during initial training in training centers of the Russian Federal Penitentiary Service. Psychological and pedagogical monitoring of students in training centers of the Russian FPS is an important condition of developing professionally important qualities. In elaborating the program of psychological and pedagogical monitoring of students a special attention was paid to introducing in educational process such forms of psychological and pedagogical work that would help to form legal consciousness in the student by developing necessary professionally important qualities.

The developed program of psychological and pedagogical support was tested on the students of initial training course in the training center of the Russian FPS. The main objective of the program is to provide the most favorable conditions for developing professionally important qualities in the FPS employees. These professionally im-

portant qualities are based on personal qualities with regard to their development in the penitentiary environment.

The assessment of the program's efficiency was carried out on the basis of psychodiagnostic techniques and the subsequent processing of results by the methods of mathematical statistics. Measurements were made on the students at the beginning of the training and after the end of it. The results of applying the program showed positive change in the development of professionally important qualities. The greatest change was seen in the development of emotional intelligence. The ability to understand feelings and emotions of other people is crucial for the efficient fulfillment of official duties by the FPS employees.

Introducing the program of psychological and pedagogical monitoring of students in training centers of the Russian FPS already at the initial stage of professional activity helps to create necessary potential for developing professionally important qualities of the FPS employee.

Keywords: professionally important qualities of the FPS employees, psychological and pedagogical monitoring, the program of psychological and pedagogical monitoring, students of initial training.

Poliakova Ianina Nikolaevna – soiskatel' Akademii FSIN Rossii, nachal'nik psikhologicheskoi sluzhby UFSIN Rossii po Krasnodarskomu kraiu (ynpolyakova@yandex.ru).

EMOTIONAL STATES OF THE FIRST TIME CONVICTS DURING THE COURSE OF SERVING THE SENTENCE

L. V. Skripka

Abstract: this article deals with factors which influence the personality of the first time convicts. Among these factors are: isolation, the appointed term of punishment and stages of serving the sentence. Emotional experiences, which differ according to their contents and orientation, are studied. They have certain power, depth and stability which are experienced by the first time convicts. These experiences manifest themselves in the form of emotional processes and specific characteristics of the convict's personality. Emotional process represents a certain reaction of an organism to a change, both in internal, and external environment. Emotional states of the first time offenders, such as mood, stress and frustration are revealed during the course of their sentence. Thus, the mood of the convict is affected by the following factors: developed traditions and customs; faculty's regime and the means of its implementation; the termination of communication with family members; the experiences related to the convict's physical isolation from society and collective and group mood. Emotional peculiarities and characteristics help to conduct a more detailed analysis of the convict's behavior and activity. Among such emotional peculiarities are: excitability, emotional impulsiveness, emotional mobility. The study of the emotions of the convicted revealed that emotional people with

increased excitability who are incapable of overcoming difficulties are more prone to experience frustration.

Keywords: convicted, serving a sentence, emotional experiences, mood, stress, frustration, emotional excitability, emotional impulsiveness, emotional mobility.

Skripka Larisa Viktorovna – ad’iunkt fakul’teta podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov Akademii FSIN Rossii (skripka _ 74@bk.).

TO HELP THE MANAGER

METODOLOGICAL APPROACHES TO THE PROBLEM OF PSYCHOLOGICAL STRESS IN CORRECTIONAL OFFICERS AND INMATES

S. V. Baburin, N. S. Oboturova, A. M. Chirkov

Abstract: Questions of professional stress on employees and penitentiary stress on convicts are the most actual by the reorganization of the penal system. It encourages researchers and practitioners not only to revise a number of provisions by functioning of penal institutions in sanitary and hygienic aspects, but also to find new areas and forms of psychological stress prevention, education (antropogogik) and psychotherapeutic intervention of employees and convicts. The article pays attention to the problem of psychological stress by employees of the penal system and convicts; shows specific differences between causes of psychic disadaptation of employees of correctional institutions and convicts; detects extreme factors, that put professional and penitentiary stress, represents negative influence of the stress on health, quality and level of life of employees and convicts. The authors interrelate displays of psychological stress and general level of spirituality of society. Considering the problem of spiritual deficiency of society, they condition the currency of methodological development of the penitentiary Stressology within postnonclassical science. When choosing methodological approaches to stress and adaptation is taken account of specific prison conditions, and the need to analyze the problem in the context of psycho-pedagogical, psychological and psychiatric and psychosocial consequences of human presence in the extreme conditions of life. In the article are analyzed humanitarian, constructivists, synergetic, anthropological, existential approaches to the study of the phenomenon of stress as mental and social phenomena. It grounds the necessity to use the multiparadigmatic approach to interdisciplinary studies of psychological stress. In the article is showed the important role of metatheoretical analysis of stress as a state of consciousness of human and his spirituality.

Keywords: psychological stress, employees of penal institutions, convicts, penal Stressology, multiparadigmatic approach, metatheoretical analysis of stress, psychological support, social-psychological rehabilitation, penal institutions, penal system.

Baburin Sergei Vital'evich – kandidat psikhologicheskikh nauk, dotsent, nachal'nik Federal'nogo kazennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia vysshego professional'nogo obrazovaniia «Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii»; E-mail: vipe.vologda@mail.ru.

Oboturova Natal'ia Sergeevna – doktor filosofskikh nauk, dotsent, zamestitel' nachal'nika Federal'nogo kazennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia vysshego professional'nogo obrazovaniia «Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii» po uchebnoi rabote; E-mail: vipe.vologda@mail.ru.

Chirkov Aleksei Modestovich – doktor meditsinskikh nauk, professor kafedry iuridicheskoi psikhologii i pedagogiki Federal'nogo kazennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia vysshego professional'nogo obrazovaniia «Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii»; E-mail: vipe.vologda@mail.ru.

TRUST OF CITIZENS TO POLICE AS CRITERIA OF MANAGING ABILITY OF ORGANIZATIONAL CULTURE OF THE INTERNAL AFFAIRS AGENCY DURING THE STAGE OF REFORMATION

V. V. Ermolaev

Abstract: In this article, we observe managing ability of the reforming organizational culture of the Internal Affairs Agency (IAA) by the example of comparing of the conceptions of its future organizational culture imagined by people with different levels of trust to police.

The author considers the conception of future organizational culture of the IAA to be the object of research because emotional experience of a man about future affects his activity, emotions and cognitive activity in present. Conception of future of the organization is always a kind of man's interpretation of definite reality in future, basis of his vital activity, which gives him an opportunity to orient himself in the world. At the same time this conception is quiet subjective as far as it based on some past experience and information, which was got from the surrounding environment. The author thinks that the formed conception constructs future and maybe spur on the course of the events.

During the empirical researches author chose frank and open communications without any distortions of information, fulfilment of permissions and obligations, demonstration of competence, ability to pay attention to another opinion even if you disagree with it, mutual assistance and collaborations as factors promotional for trust in relations. Evidently, factors mentioned above present declared organizational values, regulations and relations of expected organizational culture of the IAA. Sample of the research is 300 people.

Derived results attest to

- Detection of differences between the conceptions of the future organizational culture of the reforming IAA imagined by people with high, middle and low levels of trust to police;

- Dominating of values of the conception of organizational culture of police are per-

sonal financial position of the staff of the IAA, favourable reception of their work by the officials, usage of the official position in private interests, demonstration of aggression of the staff of the IAA to the inhabitants, that excludes trust relationship on this step.

Keywords: trust to police, conception of organizational culture, organizational culture management, reformation of the Internal Affairs Agency.

Ermolaev Viktor Vladimirovich – kandidat psikhologicheskikh nauk, dotsent, dekan fakul'teta psikhologii i upravleniia chelovecheskimi resursami Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova; E-mail: (evv21@mail.ru).

HOW TO ESTIMATE JUVENILE COLONIES ACTIVITY

E. M. Danilin, N. V. Davydova, I. V. Evdokimov, N. I. Makhboroda

Abstract: The issue of juvenile colonies activity evaluation is one of the most important at present. Till 2020 juvenile colonies are supposed to be transformed into juvenile centers for under-age delinquents. The main task of such institutions is to create conditions of convicts' socially adapted behavior forming. One of the problems to be solved during transformation is the evaluation of juvenile colonies activity. Evaluation practices we have today do not fully reflect the state of things. The existing juvenile colonies activity evaluation systems do not take into consideration important aspects of employees' work, aimed at personality correction and resocialization. It is necessary to create a complex system of functioning evaluation of such institutions. Here we present some objective criteria of juvenile colonies activity evaluation. Each criterion has a corresponding number of indicators. Applying such a system gives an opportunity to define quantitative results of juvenile colonies activity for a certain period. It will enable employees to plan and carry out psychological and pedagogical process of corrective impact on convicts.

Keywords: personality, values, juvenile colonies, juvenile centers, convicts, imprisonment, system, criteria, indicators, behavior.

Davydova Nadezhda Vasil'evna – kandidat meditsinskikh nauk, starshii nauchnyi sotrudnik FKU NII FSIN Rossii E-mail: nik-makhboroda@yandex.ru

Danilin Evgenii Mikhailovich – kandidat pedagogicheskikh nauk, dotsent, vedushchii nauchnyi sotrudnik FKU NII FSIN Rossii; E-mail: nik-makhboroda@yandex.ru

Evdokimov Igor' Vladimirovich – starshii nauchnyi sotrudnik FKU NII FSIN Rossii, gosudarstvennyi sovetnik Rossiiskoi Federatsii III klassa; E-mail: nik-makhboroda@yandex.ru

Makhboroda Nikolai Ivanovich – kandidat pedagogicheskikh nauk, dotsent, vedushchii nauchnyi sotrudnik FKU NII FSIN Rossii; E-mail: nik-makhboroda@yandex.ru

MEDICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL ACTIVITIES

CRIMINOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE HIV INFECTED CONVICTS

A. V. Datii, O. V. Kovachev

Abstract: a criminological and psychological description of the HIV infected convicts is given. These convicts differ from other convicts categories by their social and demographical features, in particular, by their labor activity before the conviction, by their place of residence. The features revealed in the survey allow to define this category as the most vulnerable in the criminological sense. At the same time we can state that many personal traits of the HIV infected convicts are caused by their life style before their imprisonment. The attitude of some convicts to their life predetermined development of their disease: their addiction to drugs and psychotropic substances, failure to get a permanent job and to make a family. It's not the conditions of penitentiary facilities but the life style of some sick convicts that is the main reason for their disease.

Keywords: criminological description, social and demographic description, criminal report, penal report, disciplinary practice, penitentiary facilities, penal colonies, psychological features, convicts, socially significant diseases, HIV infected, prevention of disease, social adaptation.

Datii Aleksei Vasil'evich – doktor meditsinskikh nauk, glavnyi redaktor zhurnala «Penitentsiarnaia sistema: nauka i praktika» (4590056av@mail.ru).

Kovachev Oleg Vladimirovich – kandidat psikhologicheskikh nauk, dotsent kafedry psikhologii professional'noi deiatel'nosti v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme Akademii FSIN Rossii (cowachew.o@yandex.ru).

TO HELP THE YOUNG SCIENTIST-RESEARCHER

ON THE QUESTION OF MATHEMATICAL METHODS USAGE IN PSYCHOLOGICAL RESEARCH AND RESULTS ANALYSIS

M. I. Kuptsov, S. V. Vidov

Abstract: the article examines a number of problems of the actual status of mathematical methods usage in psychology. The need to use mathematical procedures in theory and practice of psychological research is discussed. Special attention is drawn to the accuracy of mathematic methods usage and conformity of empirical data processing algorithms to the research task.

We show that a slight alteration of a mathematical technology usage scheme is enough for a researcher to obtain any results he likes from the same statistic data. Therefore the mathematical procedures usage, especially in programme codes, requires thorough accuracy, care and integrity. It is the mathematic methods that are usually

used to falsify (with a mathematic 'validation') the conclusions of an empirical survey.

That's why any dissertation should include a computer file with experimental data, which were the basis of the given results and conclusions. This file should be created either in the process of a computer experiment with a provided automatic record of respondents' primary data and no further possibility of the data base modification, or with a manual data input from paper media (answer sheets, registration forms, questionnaires and so on). In the latter case all the source material is to be provided.

We also point out to the need of the accuracy technical expertise of mathematic methods usage in dissertations.

Keywords: mathematic methods, used methods accuracy, experimental data interpretation, computer statistics, dissertations, psychology, psychometry, statistic hypotheses check, non-parametric methods, normal distribution.

Kuptsov Mikhail Ivanovich – kandidat fiziko-matematicheskikh nauk, dotsent, nachal'nik kafedry matematiki i informatsionnykh tekhnologii upravleniia Akademii FSIN Rossii (apu-fsin@mail.ru).

Vidov Stanislav Vladimirovich – kandidat pedagogicheskikh nauk, dotsent kafedry matematiki i informatsionnykh tekhnologii upravleniia Akademii FSIN Rossii (apu-fsin@mail.ru).

PSYCHOLOGY OF SOCIAL EVENTS AND THE QUALITY OF LIFE

DISCUSSION OF THE CONSEQUENCES OF TERRORISTS' ATTACKS ON THE INTERNET: CURRENT STATE AND FUTURE DIRECTIONS OF STUDIES

I. A. Smolina, T. A. Nestik

Abstract: Internet and digital media nowadays are one of the most commonly used information resources, in which a person can not only read, but review and share his own opinion about a problem, as the web 2.0 technology has evolved and now allows people to create social networks and share content themselves. After a terrorists' attack, an internet-user as a single person can search for information about the attack, read and evaluate it. As a member of on-line community, he can share information, express and share his emotions and opinion, grief and comfort others, commemorate the dead etc.

Current studies of the terrorists' attacks and people's reactions on it in the internet can be classified into the following groups: studies of an emotional-cognitive evaluation of terrorists' attack by the internet-users, content-analysis of the blog posts where people are discussing an attack, studies of the information-seeking behavior after an attacks, studies of using the internet as an information resource instead of traditional media, studies of «conspiracy theories».

Also the main functions of the people's attacks discussion were identified, such as: threat adaptation (adaptation through cognitive and emotional evaluation of the situa-

tion and reconstruction of one's personal experience), commemoration (people choose what to remember and whom to remember), «game» function (tragedy looks like a virtual, unreal experience for some users, mostly located far from the tragedy's place).

We think that future studies of discussion of terroristic acts in the internet can be focused on the following problems: collective memory content and it's changing and connection with an emotional sharing processes, groups' defense mechanisms, psychological traits of internet-discussion participants and their connection with emotional outcome while discussing an attack.

Keywords: social psychology, media psychology, social networks, cognitive risk evaluation, terrorism, blogs.

Smolina Irina Andreevna – соискатель ученой степени кандидата наук Института психологии РАН (i.a.smolina@yandex.ru).

Nestik Timofei Alexandrovitch – Ph.D., senior researcher at the Institute of psychology, Russian academy of sciences (nestik@gmail.com).

TYOLOGY OF ATTITUDE TO WORK AND LEISURE AS A FACTOR IN WORK EFFICIENCY AND LIFE SATISFACTION OF MODERN PROFESSIONALS

M. S. Luzianina, A. S. Kuznetsova

Abstract: The paper presents the results of a part of the complex program of leisure investigation, performed on a sample of multi-professional representatives from different organizations. The study aims at identification of factors contributing to the development of a proactive approach to recreation. The empirical sample has been composed in accordance with the research tasks form representatives of different organizations and professional groups. The sample included 123 subjects (41 man and 82 women), average age – 31,2. All respondents live in one metropolitan city, with active lifestyle, with relatively high level of life meaningfulness. Mental representations of some work and leisure phenomena were investigated by the analysis of attitudes and sense, represented in the semantic fields. For the purpose of subjective categorizations of the notions «rest», «leisure», «recreation», «repose», «work», «labour» the 14-scales semantic differential by E.Yu. Artemieva was used. The detailed analysis on the base of psychosemantic data revealed a number of types of subjective attitude to work and leisure. The proactive approach is discussed as the basic attitude to anticipatory work planning and management, targeted to prevent over-fatigue and to reach forehanded recovery. Phenomenological analysis of these types led to the conclusion that the most important factor in the efficient recovery is experiencing and understanding recreational processes as positive; negative perception of leisure reduces its recovery effect and increases dissatisfaction with life in general.

Keywords: rest, leisure, work, recovery, recreation efficiency, proactive and reactive attitudes to rest, life satisfaction.

Luzianina Marina Sergeevna – Specialist, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Master of Management, Department of Innovative Technology and Business, RANEPA (mluzyanina@gmail.com).

Kuznetsova Alla Spartakovna – Docent, Ph.D., Department of Work and Engineering Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (kuznetsovamsu@rambler.ru).

MODERN FOREIGN RESEARCHES OF EMERGENCY CROWD BEHAVIOR

P. M. Kasyanik

Abstract: The article explores changes in understanding of emergency crowd behavior in foreign researches from «mass panic» to the use of modern social-psychological theories. The empirical problem of «panic» approach is that it is far from typical reaction to disaster. Systematic researches of modern largest accidents testify: panic rather unusual occurrence, and people well cope during an emergency with the duties if actions of rescuers are directed not to panic overcoming, but to organizational issues. Synthesis of empirical data shows that the mass behavior at an emergency isn't casual, instinctive and individualistic. Most often it is socially structured, characterized by sensibleness and collectivism.

Theories of collective behavior define not only emergency procedures, but also planning decisions. Not only safe evacuation depends on how experts understand and explain emergency crowd behavior, but also economic efficiency of planning decisions at buildings construction. Physical factors (for example, width of emergency exits) are often overestimated, and the importance of communication and informing of so-called «irrational crowd» is underestimated. Three main models are used to explain emergency people's behavior: normative behavior approach; affiliation model; theory of social identity. Advantage of social identity theory is that it helps to understand the interactions developing in crowd during incident and collective behavior of people who were unfamiliar before.

Presented data allows to move from mythologization of a mass panic to a rational explanation of conscious behavior of people in emergency situations. It allows to define special requirements to authorities, emergency officers and the rescuers, emphasizing their leader's and organizing skills necessary for proper instructing of people and causing trust and desire to fulfill safety requirements.

Keywords: emergency, psychology of crowd behavior, social identity, mutual aid, self-sacrifice, stress, panic, decision making, social identity.

Kas'ianik Pavel Moiseevich – kandidat psikhologicheskikh nauk, dotsent, zaveduiushchii kafedroi Inzhenernoi pedagogiki i psikhologii Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta; E-mail: pkasyanik@spbstu.ru.

LEGAL PSYCHOLOGY AND RELIGION

COMMUNICATION SELF-IMPROVEMENT IN THE COURSE OF RELIGIOUS AND EDUCATIONAL ACTIONS

N. I. Makhiboroda

Abstract: Self-improvement of communication in the course of religious and educational activities should be a subject to the laws and rules. Achieving the harmony is only possible with their help and thus, everyone should live according to these laws. A positive attitude to life is an essential rule as it sets a person free. In order to do so, it is necessary to let go all the negative feelings. The main principle of a happy life is to give rather than take. However, free will should be considered. Although, each person is in power to solve one's problems, not everyone decides to develop. The practice is a key word of the modern world. In this way, the improvement occurs through making right decisions and choices to allow the spiritual growth.

It is necessary to focus on positive thoughts and reject the negative ones. A prayer is an extract of positive thoughts. A spiritual development path is different for everyone, as well as ways of achieving the internal peace. The essence of a successful human communication is love to people, kindness and appreciation of each person's importance.

Keywords: self-improvement, communication, good, evil, release, harmony, spiritual development, internal forces, positive thoughts, inner world.

Makhiboroda Nikolai Ivanovich – kandidat pedagogicheskikh nauk, dotsent, vedushchii nauchnyi sotrudnik FKU NII FSIN Rossii; E-mail: nik-makhiboroda@yandex.ru

DURA LEX SED LEX

THE ORGANIZATION AND FUNCTIONING SYSTEM OF FOREIGN PENITENTIARY INSTITUTIONS OF HALF-OPEN AND OPEN TYPES

V. B. Voroshchuk, V. N. Letunov

Abstract: The purpose of this paper is to study the experience of foreign countries on the issues of the functioning of prisons, similar to the regime colonies-settlements in Russia and in their execution of sentences of imprisonment. In the penal system in most European countries occupy a special place half-open type of prisons and open type of prisons. Operation of such prisons is more conducive to social adaptation of convicts serving a sentence of imprisonment, which is not the closed prison where more stringent regime limitations inherent regimentation of all life and long prison sentences for those convicted. The half-open type of penitentiary institutions and open type of penitentiary institutions have a certain similarity with the existing colonies-settlements of Russian penal system relatively categories contained therein convicts (committed less serious offenses, characterized by positive convicts transferred in order to encourage institutions of closed type); transfer conditions in these

institutions (departure of a certain part of a sentence imposed by the court); set mode contents (relative freedom of movement within the institution and beyond). Of practical interest is the active involvement of convicted contained in such prisons, to participate in various programs (educational, psychological and social nature) staff who are usually called "rehabilitation." Organizational structure of this type prisons represented: the leadership of institutions; different services (for example, administrative services, security); employees engaged in education and employment of convicts; "rehabilitation staff." Perhaps the use of outsourcing arrangements - with the involvement of prisoners freelance staff. Conclusions on the possibility of using the positive foreign experience of half-open type of penitentiary institutions and open type of penitentiary institutions questions concerning the organization of activities considered institutions, work with prisoners and staff of its application in the functioning of settlement colonies of the new type (with conventional and intensified supervision) under development of the penal system in Russia

Keywords: open type of prison; half-open type of prison; execution of penalty of deprivation of liberty; correctional institutions in the form of colonies-settlements; social adaptation; organizational structure; system of penitentiary institutions.

Voroshchuk Vladimir Bogdanovich — преподаvatel' kafedry organizatsii rezhima i nadzora v UIS Akademii FSIN Rossii; E-mail: vbogdanovich62@mail.ru.

Letunov Vladimir Nikolaevich — kandidat ekonomicheskikh nauk, dotsent, dotsent fakul'teta sotsiologii i upravleniia kafedry upravleniia personalom Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina; E-mail: vbogdanovich62@mail.ru

MAIN TRENDS OF PROBATIONERS' CRIME PREVENTION REVISITED

K. A. Chistyakov

Abstract: this article covers the main trends of probationers' crime prevention. Concrete crime prevention measures are given: special control over probationers who are likely to commit crime again, an in-depth analysis of a probationer's personality aimed at an efficient work with him or her, assistance to probationers who are in difficult circumstances, establishing and keeping of their social connections, assistance to probationers' job placement and their everyday problems solution, immediate response to committed crimes, administrative infractions or probation period violations, regular explanatory, educational and preventive measures, additional reports of the probationers who are likely to return to crime to the probation department and a tighter control over such probationers' places of residence. Basic probationers' crime statistics is given. According to the statistics of the Russian Federal Penitentiary Service the number of individuals, registered in probation departments, in Russia was 590,704 persons in 2007, 558,409 in 2008, 534,409 in 2009, 491,257 in 2010, 474,775 in 2011, 356,135 in 2012, 327,073 in 2013. Probationers returned to crime 5562 times in 2007, 9285 in 2008, 11,324 in 2009, 13,378 in 2010, 14,405 in 2011, 19,502 in

---

2012, 19,659 in 2013. Almost all repeated offences were intentional. Almost every second offence is of medium gravity (58.6%), grave offences make up 31.4%; minor offences make up 15% and especially grave crimes make up 2% of all the offences.

Keywords: criminology, penitentiary criminology, prevention, suspended sentence, control, probation, rights restriction, rights and duties, probation departments, penal system, convicts' correction.

Chistiakov Kirill Alekseevich – prepodavatel' kafedry administrativnogo i finansovogo prava. Akademiia FSIN Rossii; E-mail: pailer@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ

АКСЕНОВА

Галина Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, Академия ФСИН России; E-mail: katekozhevnikova@mail.ru

БАБУРИН

Сергей Витальевич — кандидат психологических наук, доцент, начальник Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»; E-mail: vipe.vologda@mail.ru

БОЧКОВА

Алена Александровна — старший психолог отдела морально-психологического обеспечения УРЛС ГУ МВД России по Московской области; E-mail: bochkova.a@mail.ru

ВИДОВ

Станислав Владимирович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры математики и информационных технологий управления Академии ФСИН России; E-mail: apu-fsin@mail.ru.

ВОРОЩУК

Владимир Богданович — преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС Академии ФСИН России; E-mail: vbogdanovich62@mail.ru.

ГАНИШИНА

Ирина Сергеевна — кандидат психологических наук, доцент, заместитель начальника кафедры общей психологии Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний; E-mail: irinaganishina@yandex.ru

ДАВЫДОВА

Надежда Васильевна — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России E-mail: nik-makhiboroda@yandex.ru

ДАНИЛИН

Евгений Михайлович — кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России; E-mail: nik-makhiboroda@yandex.ru

ДАТИЙ

Алексей Васильевич — доктор медицинских наук, главный редактор журнала «Пенитенциарная система: наука и практика»; E-mail: (4590056av@mail.ru).

ДОРОШЕНКО

Инна Сергеевна — кандидат психологических наук; E-mail: doroshenko_tula@mail.ru

ЕВДОКИМОВ

Игорь Владимирович — старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, государственный советник Российской Федерации III класса; E-mail: nik-makhiboroda@yandex.ru

ЕРМОЛАЕВ

Виктор Владимирович — кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии и управления человеческими ресурсами Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова; E-mail: evv21@mail.ru

КАСЬЯНИК

Павел Моисеевич — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой Инженерной педагогики и психологии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; E-mail: pkasyanik@spbstu.ru.

КОВАЧЕВ

Олег Владимирович — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России; E-mail: cowachew.o@yandex.ru

КОЖЕВНИКОВА

Екатерина Николаевна — адъюнкт факультета научно-педагогических кадров Академии ФСИН России; E-mail: katekozhevnikova@mail.ru

КРАСНЕНКОВА

Светлана Александровна — кандидат психологических наук, начальник психологической службы отдела воспитательной работы с осужденными Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Воронежской области; E-mail: SKrasnenkova@mail.ru

КУЗНЕЦОВА

Алла Спартаковна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова E-mail: kuznetsovamsu@rambler.ru

КУПЦОВ

Михаил Иванович — кандидат физико-математических наук, доцент, начальник кафедры математики и информационных технологий управления Академии ФСИН России; E-mail: arupfsin@mail.ru

ЛЕТУНОВ

Владимир Николаевич кандидат экономических наук, доцент, доцент факультета социологии и управления кафедры управления персоналом Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; E-mail: vbogdanovich62@mail.ru

ЛУЗЯНИНА

Марина Сергеевна — выпускница факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, выпускница факультета инновационно-технологического бизнеса РАНХиГС при Президенте РФ; E-mail: mluzyanina@gmail.com

МАРКОВА

Ирина Ивановна — кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета; E-mail: Irivmark@mail.ru

МАРЬИН

Михаил Иванович — доктор психологических наук профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России; E-mail: marin_misha@mail.ru

МАХИБОРОДА

Николай Иванович — кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России; E-mail: nik-makhiboroda@yandex.ru

НЕСТИК

Тимофей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник ФГБУН Института психологии РАН; E-mail: nestik@gmail.com

ОБОТУРОВА

Наталья Сергеевна — доктор философских наук, доцент, заместитель начальника Федерального казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» по учебной работе; E-mail: vipe.vologda@mail.ru

ПОЗДНЯКОВ

Вячеслав Михайлович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов; E-mail: pozdneyakov53@mail.ru

ПОЛЯКОВА

Янина Николаевна — соискатель Академии ФСИН России, начальник психологической службы УФСИН России по Краснодарскому краю; E-mail: ynpolyakova@yandex.ru

СКРИПКА

Лариса Викторовна — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России; E-mail: skripka_74@bk.

СМОЛИНА

Ирина Андреевна — соискатель ученой степени кандидата наук, Институт психологии РАН; E-mail: i.a.smolina@yandex.ru.

СУХАРЕВ

Александр Владимирович — доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН; E-mail: zavor753@mail.ru

ХАРЛАМЕНКОВА

Наталья Евгеньевна — доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией психологии посттравматического стресса ФГБУН Институт психологии РАН; E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

ЧИРКОВ

Алексей Модестович — доктор медицинских наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Федерального казенного образователь-

ного учреждения высшего профессионального образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»; E-mail: vipe.vologda@mail.ru

ЧИСТЯКОВ

Кирилл Алексеевич — преподаватель кафедры административного и финансового права. Академия ФСИН России; E-mail: pailer@mail.ru

ЧУДОВА

Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт системного анализа (ИСА РАН); E-mail: nchudova@gmail.com

OUR AUTHORS

AKSENOVA

Galina Ivanovna — Doctor of Pedagogic Sciences, Professor, RFPS (Russian Federal Penitentiary Service) Academy; E-mail: katekozhevnikova@mail.ru

BABURIN

Sergey Vitalyevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of Federal state-funded educational setting of higher professional education "Vologda Institute of law and economics of RFPS" (VILE of the FPS of Russia); E-mail: vipe.vologda@mail.ru

BOCHKOVA

Alena Aleksandrovna — Senior psychologist at the Department of moral and psychological maintenance Organization and Staff Administration Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Moscow region; E-mail: bochkova.a@mail.ru

VIDOV

Stanislav Vladimirovich — Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor at the Department of Mathematics and Information Technology Management in RFPS Academy; E-mail: apusin@mail.ru.

VOROTSHUK

Vladimir Bogdanovich — Lecturer at the Department of order and surveillance organization in Penal System in RFPS Academy; E-mail: vbogdanovich62@mail.ru.

GANISHINA

Irina Sergeevna — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Deputy Chief at the Department of Gen-

eral Psychology in Law and Management Academy of RFPS; E-mail: irinaganishina@yandex.ru

DAVYDOVA

Nadezhda Vasilyevna — Candidate of Medical Sciences, Senior Research Officer at State-Funded Institution Research Institute of RFPS; E-mail: nik-makhboroda@yandex.ru

DANILIN

Evgeniy Mikhaylovich — Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, Leading Research Officer at State-Funded Institution Research Institute of RFPS; E-mail: nik-makhboroda@yandex.ru

DATIY

Aleksey Vasilyevich — Doctor of Medical Sciences, Editor in Chief at the Journal "Penal system: science and practice"; E-mail: 4590056AV@MAIL.RU.

DOROSHENKO

Irina Sergeevna — Candidate of Psychological Sciences; E-mail: doroshenko_tula@mail.ru

EVDOKIMOV

Igor Vladimirovich — Senior Research Officer at State-Funded Institution Research Institute of RFPS, State Advisor of the Russian Federation Class III; E-mail: nik-makhboroda@yandex.ru

ERMOLAEV

Viktor Vladimirovich — Candidate of Psychological Sciences, Docent, Dean at the faculty of psychology and human resource management at Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov; E-mail: evv21@mail.ru

KASYANIK

Pavel Moiseevich — Candidate of Psychological Sciences, Docent, Head of

the Department of Engineering Pedagogic and Psychology at Saint-Petersburg State Polytechnic University; ; E-mail: pkasyan-ik@spbstu.ru.

KOVACHEV

Oleg Vladimirovich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology in Legal Professional Activity at RFPS Academy; E-mail: cowachew.o@yandex.ru

KOZHEVNIKOVA

Ekaterina Nikolaevna — Postgraduate at the Faculty for Scientific and Pedagogical Staff Training at RFPS Academy; E-mail: katekozhevnikova@mail.ru

KRASNENKOVA

Svetlana Aleksandrovna — Candidate of Psychological Sciences, Head of Psychological Service at the Department of Educational Work with Convicts at RFPS in Voronezh Region; E-mail: SKrasnenkova@mail.ru

KUZNETSOVA

Alla Spartakovna — Candidate of Psychological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Labor and Engineering psychology of Psychology Faculty MSU named after M.V. Lomonosov; E-mail: kuznetsovamsu@rambler.ru

KUPTSOV

Mikhail Ivanovich — Candidate of Physico-mathematical Sciences, Docent, Head at the Department of Mathematics and Information Technology Management in RFPS Academy; E-mail: apu-fsin@mail.ru

LETUNOV

Vladimir Nikolaevich — Candidate of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Human resource management at the Faculty of Sociology and Management at Ryazan

State University named after S.A. Esenin; E-mail: vbogdanovich62@mail.ru

LUZYANINA

Marina Sergeevna — graduate of Psychology Faculty MSU named after M.V. Lomonosov, graduate of Innovation Technology in Business Faculty at The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; E-mail: mluzyanina@gmail.com

MARKOVA

Irina Ivanovna — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Practical Psychology at Voronezh State Pedagogical University; E-mail: Irivmark@mail.ru

MARYIN

Mikhail Ivanovich — Doctor of Psychological Sciences, Professor at the Department of Psychology, Pedagogic and Human Resource Management at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs; E-mail: marin_misha@mail.ru

MAKHIBORODA

Nikolay Ivanovich — Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, , Leading Research Officer at State-Funded Institution Research Institute of RFPS; E-mail: nik-makhiboroda@yandex.ru

NESTIK

Timofey Aleksandrovich — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer at Federal State-Funded Institution of Science Institute of Psychology RAS; E-mail: nestik@gmail.com

OBOTUROVA

Natalya Sergeevna — Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Deputy Head of Federal state-funded educational setting of higher professional education

"Vologda Institute of law and economics of RFPS" (VILE of the FPS of Russia); E-mail: vipe.vologda@mail.ru

POZDNYAKOV

Vyacheslav Mikhaylovich — Doctor of Psychological Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure at Peoples' Friendship University of Russia; E-mail: pozdn-yakov53@mail.ru

POLYAKOVA

Yanina Nikolaevna — Applicant at the RFPS Academy, Head of Psychological Service at RFPS in Krasnodar Territory; E-mail: ynpolyakova@yandex.ru

SKRIPKA

Larisa Viktorovna — Postgraduate at the Faculty for Scientific and Pedagogical Staff Training at RFPS Academy; E-mail: skripka_74@bk.

SMOLINA

Irina Andreevna — Applicant Candidate at the Institute of Psychology RAS; E-mail: i.a.smolina@yandex.ru.

SUKHAREV

Aleksandr Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Full Professor, Leading Research Officer at the Institute of Psychology RAS; E-mail: zavor753@mail.ru

KHARLAMENKOVA

Natalya Evgenyevna — Doctor of Psychological Sciences, Full Professor, Head of Laboratory for PTSD at Federal State-Funded Institution of Science Institute of Psychology RAS; E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

CHIRKOV

Aleksey Modestovich — Doctor of Medical Sciences, Professor at the Department of Forensic Psychology and Ped-

agogic of Federal state-funded educational setting of higher professional education "Vologda Institute of law and economics of RFPS" (VILE of the FPS of Russia); E-mail: vipe.vologda@mail.ru

CHISTYAKOV

Kirill Alekseevich — Lecturer at the Department of Administrative and Financial Law. RFPS Academy; E-mail: pailer@mail.ru

CHUDOVA

Natalya Vladimirovna — Candidate of Psychological Sciences, Senior Research Officer at Federal State-Funded Institution of Science Institute of System Analysis RAS; E-mail: nchudova@gmail.com

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья—8–12 страниц, обзор, рецензия, информация— не более 5 страниц, иные материалы— по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу—2 см.

3. Статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

✓ Индексы УДК и ББК.

✓ Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках). Ф.И.О. автора (авторов) кириллическим и латинским шрифтом. На латинский шрифт Ф.И.О. автора переводится через систему транслитерации. Рекомендуем использовать систему на сайте <http://www.translit.ru> (Примечание. После загрузки программы Translit.ru. выберите в поле «варианты...» систему Библиотеки Конгресса (LC), потом вставьте в специальное поле весь текст скопированной информации на русском языке и нажмите кнопку «в транслит»).

✓ Аннотация (авторское резюме) на русском и английском языках (не менее 200–250 слов).

✓ Не менее 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках).

✓ Список литературы на русском языке, оформленном в соответствии с текущим ГОСТом, и на английском языке, оформленном в соответствии с нижеуказанными правилами.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т. д.), дату (день принятия—цифрами, месяц—словом, год принятия—четырьмя цифрами, т. е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий)—место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы [1].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Требования к аннотации (авторскому резюме)

В аннотации не должно быть общих, ничего не значащих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания и сути статьи. Он должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок. Резюме должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части работы.

Авторское резюме на английском языке в обязательном порядке должно быть:

- информативным (не содержать общих слов), чтобы дать возможность установить основное содержание документа.
- содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированным (следовать логике описания результатов в статье);
- для англоязычного резюме — написано качественным английским языком;
- компактными (укладываться в объем от 200 до 250 слов).

Оформление библиографических ссылок и примечаний в романском алфавите

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется **в порядке полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией**. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык — парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Author A.A., Author B.B., Author C.C. Title of article. *Title of Journal*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 49–53.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуются пользоваться системой на сайте <http://www.translit.ru/>

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 7 1617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1
Редакция журнала «**Прикладная юридическая психология**»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.
Полная или частичная перепечатка авторских материалов
только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор — В. С. Маланьин

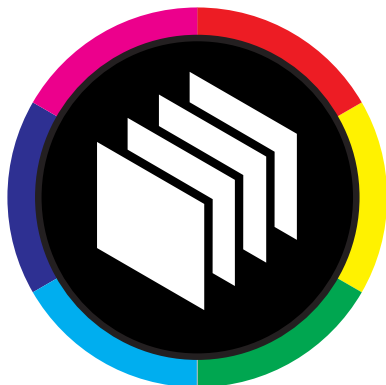
Верстка — В. М. Орехов

Фотограф журнала — Пётр Морозов

Подписано в печать 29.09.2014. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13,25

Тираж 1500 экз. Заказ №1472

Отпечатано в ЗАО «ПРИЗ». 390010, г. Рязань, пр-д Шабулина, 4

ТИПОГРАФИЯ
ПРИЗ

ПЕЧАТЬ НА ПЯТЬ С ПЛЮСОМ!

(4912) 21-44-21, 38-27-43, 21-35-14 (в Рязани) (4732) 55-14-64 (в Воронеже)

- > печать 5+0 или 4+1
- > лакирувальная секция
- > комбинированная сушка

новые технические возможности
обеспечат нашим заказчикам
дополнительные выгоды